

Николай Саян

КАЗАЧИЙ РАЗЪЕЗД

Николай Саян

КАЗАЧИЙ РАЗЪЕЗД

роман

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

*Москва
Советская Россия
1985*

P2
C17

Рецензент доктор исторических наук **А. А. Говоров**
Послесловие доктора исторических наук **Я. Г. Зимина**

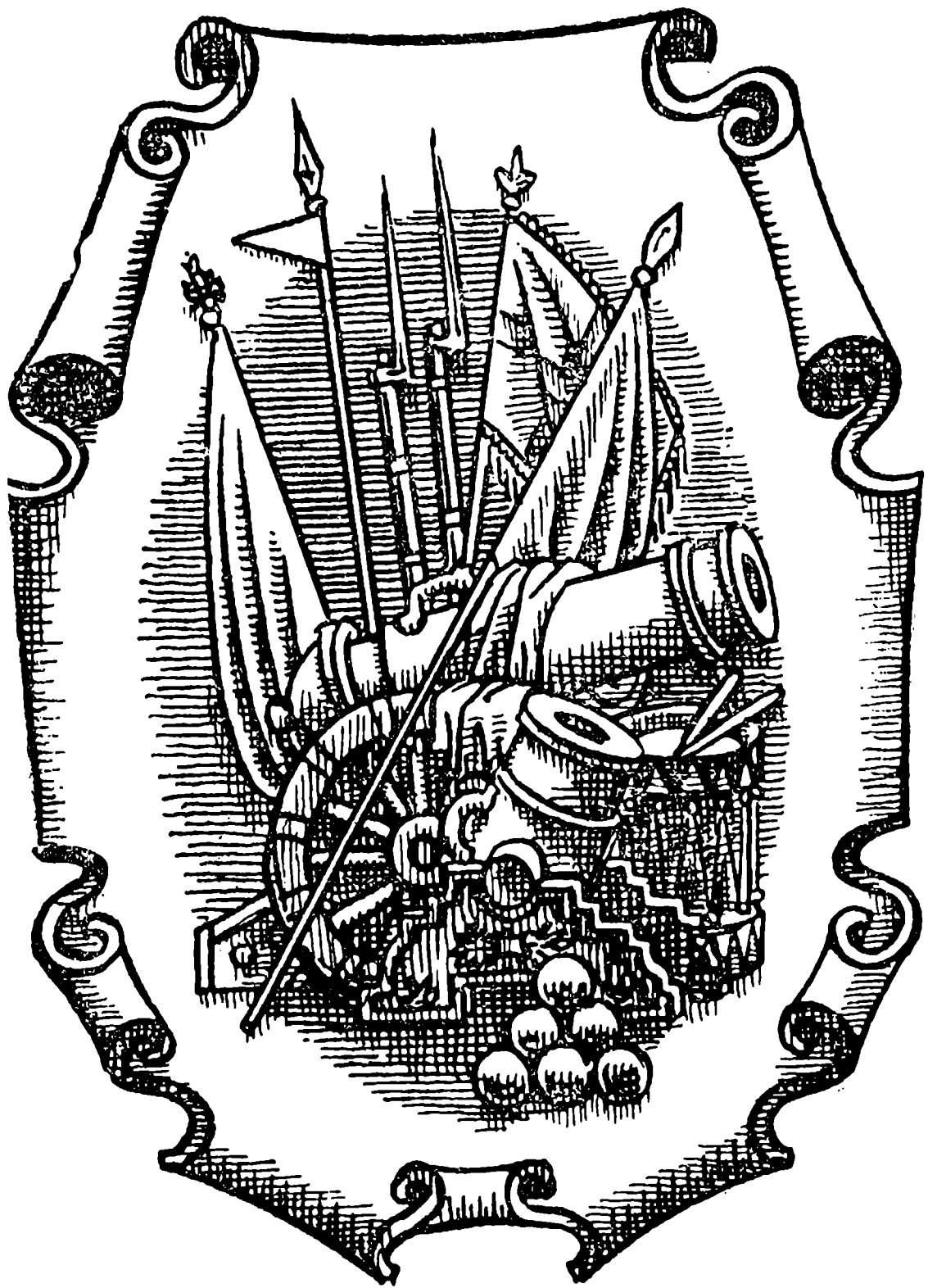
Художник **Н. Т. Кривин**

С $\frac{4803010102-260}{M-105(03)85} 236-85$

© Издательство «Советская Россия», 1985 г., иллюстрации.

*Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.*

А. С. Пушкин. «Полтава»

ПРОЛОГ

Лишь этот человек оставался спокойным посреди всего, что творилось вокруг. Хлестал дождь. Ветер гнал сизые рваные тучи к нависшей над городом крутолобой горе. Тучи огибали гору и уплывали к северу. Время от времени короткие молнии жалили шпили костелов, целили в высокие деревья и башни древней крепости на самой макушке поросшей кустарником горы.

А внизу, на земле, неистовствовали уже не стихии, а люди. Стреляли отовсюду. Из Низкого замка и костела Кармелитов, с городских валов и просто из окон. Но худой, сутулый человек с узким лицом аскета, одетый в кирасу и серый суконный плащ, приспустив поводья, медленно ехал по улице, будто не было ни молнии, ни дождя, ни стрельбы, а сам он возвращался с обычной загородной прогулки. Может быть, из-за своей

сутулости и манеры держать голову опущенной на грудь он напоминал усевшуюся на коня огромную ворону. Вокруг человека суетились охранники — драбанты, стремясь заслонить его от шальных пуль. Узколиций махнул рукой: пустое, город уже взят, а солдат не должен бояться смерти. Ведь шальная пуля — это судьба. Если минует она тебя, ты сколько-то минут — в счастливых. До следующего выстрела.

Вскоре кавалькада добралась до центральной площади города, носившей название «Рынок». Тут находилось здание магистрата — ратуши — растянутое по фасаду строение, состоявшее из трех возведенных в разное время домов, но так точно подогнанных друг к другу, что лишь опытный глаз мог отметить различие почерка зодчих. Венчала ратушу шестидесятиметровая башня со шпилем и смотровой площадкой, а главный вход караулил каменный лев на пьедестале. Сейчас, вымокший под дождем, он казался каким-то озябшим, а выражение его каменной морды стало тоскливым и обиженным. Ему тоже не нравилось все то, что совершается на земле.

Человек спешил, жестом отстранив драбанта, попытавшегося ему помочь, все так же сутулясь, обошел мощенную камнем площадь. Остановился у каменного колодца, рядом с которым была установлена огромная бронзовая русалка.

— Что это? — спросил он. — И зачем?

Драбанты ответить на вопрос, естественно, не могли. Затребовали кого-нибудь из сведущих.

Из ближайшего костела выволокли немолодого, хромящего и путающегося в рясе человека — ксендза Шимановского. Драбанты поддерживали его под локти.

Шимановский объяснил, что русалку поставил здесь еще сто двадцать пять лет назад, а именно в 1580 году, известный архитектор и скульптор Петр, по прозвищу

«Итальянец». Считалось, что русалка спасает колодец от загрязнения и высыхания.

— А сейчас в колодце есть вода?

— Колодец внезапно высох,— ответил Шимановский.— Никто не знает, как это случилось.

— Значит, русалка не уберегла? Есть старое правило: побольше полагаться на бога и поменьше на прекрасных дев.

Шимановский вздохнул, сначала поднял очи к небу, затем опустил долу и промолчал. Он-то всегда так считал. А остальные...

Между тем узколиций подошел к лобному месту. И здесь была скульптура, напоминающая Януса о двух ипостасях. Одно лицо было мужским, второе — женским. Шимановский рассказал, что тут некогда казнили преступников, а также многих молдавских господарей и казацкого атамана Ивана Подкову.

— А теперь?

— В последнее время, слава богу, казней меньше.

— Некого или некому? — спросил узколиций.

Шимановский не понял вопроса. Ему растолковали: нет палача или же вывелись преступники? Нет, и должность палача существовала, и преступники еще водились. Может быть, все дело в том, что вокруг война...

— Ясно,— сказал узколиций.— Значит, некогда.

Затем, оставив ксендза под дождем и даже не поблагодарив, он неспешной, твердой походкой направился к входу в ратушу.

Утро этого человека — а именовали его Карлом XII, королем шведов, готов и вандалов,— началось в палатке на горе у Высокого замка. На рассвете пропел петух, разбудив своего хозяина. Карл поднялся с походной кровати, сам натянул ботфорты (он спал одетым, лишь расстегнув две верхние пуговицы сюртука), умылся и выпил поднесенные ему два сырых яйца и стакан молока.

Дождь ненадолго прекратился, и словно чья-то рука расшторила окно — сразу же стал виден внизу, под горой, город, опоясанный стенами, мощно укрепленный Низкий замок, еще не пришедший в такое запустение, как Высокий, предместья и неширокая речка Полтва. Текла речка медленно, спокойно. И казалось, вот-вот она вовсе уснет и превратится в бесконечно длинный узкий пруд. Берега ее поросли ивняком и камышом. В подзорную трубу было видно, как вдоль левого берега тихим прогулочным шагом пустили своих коней два всадника — дама в шляпе с длинной накидкой, развевавшейся по ветру, и какой-то щеголь в голубом камзоле. Иногда щеголь наклонялся к даме, что-то говорил. Возможно, там звучали стихи или же ласкали воздух красивые слова. Скоро эти наивные картинки будут разорваны в клочья, сметены залпами.

Этот город предстояло сегодня взять штурмом. Ничего другого не оставалось, так как комендант Львова Зигмунт Галицкий вот уже два месяца не отвечал на ультиматумы Карла, а теперь, судя по всему, вознамерился даже сопротивляться. Если он считал себя сторонником свергнутого с польского трона короля Августа II, то все равно такое поведение было чистейшим безумием.

Но как донесли лазутчики, комендант был человеком отчаянным. Кроме того, он считал, что стены у Львова крепки, а шведы не успеют подтянуть осадную артиллерию. И оказался прав.

Карл явился к городу лишь с конным отрядом, без пехоты и без обозов.

Галицкий и тут удивил короля. Он выслал навстречу шведам двести драгун, которые с криком «Не дозволим!» лихо врубались в шведские ряды. Эта атака была столь неожиданной и до такой степени не вязалась ни с какими правилами военного искусства, что Карл в изумлении выгнул бровь. Что бы подобное значило?

Красиво, но, пожалуй, чрезмерно романтично. Расчетливый воин подобного себе не позволил бы. Но может быть, это лишь отвлекающий маневр? Уж не последует ли вслед за первой атакой еще одна? Может быть, хитрый комендант держит в резерве еще три-четыре сотни конников, чтобы внезапно ударить во фланг наступающим шведам? Но в подзорную трубу город был виден как на ладони. Зигмунту Галицкому просто некуда было «спрятать» резерв.

Бровь короля Карла опустилась: нет, комендант города, конечно же, был просто безумен. И атака львовских драгун, решил король, была просто-напросто жестом отчаяния. Впрочем, драгуны дрались лихо. Шведам не сразу удалось опрокинуть атакующих. Драгуны были упрямы и бесстрашны. Они так и не отступили — частью полегли на поле брани, а частью были взяты в плен.

Но, даже сброшенные с коней, драгуны сопротивлялись. Один из них успел выхватить седельный пистолет и в упор застрелил шведского полковника. Другой принялся подрубать саблей сухожилия шведским коням. Он обрушил на землю минимум четырех всадников, пока его самого не сбили и не затоптали...

Городские ворота сразу же закрыли. Мосты подняли. Со стен по шведам ударили пушки.

Карл потер мизинцем переносицу и спросил у своего первого министра графа Пипера:

— Может быть, он сумасшедший?

Король имел в виду коменданта Львова Зигмунта Галицкого. Пипер, хорошо изучивший Карла, понял, о ком идет речь.

— Не исключено, ваше величество. Но все же прошу обратить внимание на то, что крепость достаточно сильна.

— Уже обратил, — сказал король.

Вскоре в шведскую ставку прибежал львовский

шляхтич Челуховский. Одет он был небогато. Да к тому же по пути умудрился извальяться в глине — полз под обстрелом — и выглядел жалко и уныло.

Он утверждал, что происходит из очень старинного и некогда могущественного рода. Когда-то один из его предков будто бы был чуть ли не негласным правителем города. Дружил со всесильным папским легатом Антонио Поссевино. Что касается Поссевино, то король о нем попросту никогда не слышал, но любые поминания римского первосвященника вызывали у него озноб.

— Значит, он преследовал моих единоверцев?

Тут Челуховский вспомнил, что шведский король вовсе не католик, а ревностный протестант, что он не может любить ни самого папу, ни папских легатов.

— Ни в коем случае, ваше величество! — Челуховский пытался пасть на колени, но его поддержали под руки и заставили стоять на месте. — Это был удивительнейший, один из самых добрых и милых в ту эпоху людей.

— Откуда это вам известно? — спросил король.

— Мне рассказывали.

— Ах, рассказывали... Мамушки и бабушки?

— Нет, и многие другие...

Челуховский смешался под холодным, жестким взглядом короля и, путаясь в словах и холодея от страха, принялся заверять, что готов служить делу возрождения величия Польши под мудрым руководством шведского короля. Что же касается Зигмунта Галицкого, то это обыкновенный выскочка и наглец. Никакой конкретной партии он не представляет, а оборону Львова затеял лишь по недомыслию и из упрямства, заявив, что каждый нормальный воин должен сопротивляться, если на него нападают, и отвечать ударом на удар.

— Но как ему взбрело на ум тягаться с «Северным Александром»? — причитал Челуховский.

«Северный Александр» не любил, когда его с кем-

нибудь сравнивали, кроме его великого прадеда, шведского короля Густава Адольфа.

Кончилось тем, что Карл приказал допросить Челуховского с пристрастием, выяснить, не подослан ли он строптивым львовским комендантом. «Северного Александра» интересовало, сколько ружей, пороху и гранат хранится в двух львовских арсеналах — королевском и городском.

Челуховский ничего толком не знал, кроме того, что городские ворота укреплены хорошо, а около Босацкой фортки установлены пушки. Зато около другой, Иезуитской фортки еще не успели насыпать земляные валы и подвезти к ней пушки.

— Если сведения окажутся ложными, повесить! — распорядился Карл.

Затем король долго глядел в подзорную трубу на город.

Обезлюдели берега Полтвы. Давным-давно ускакали куда-то дама в шляпе с накидкой и всадник в голубом камзоле, а в зарослях ивняка, казалось, залегла тревожная тишина. Да, король Август постарался укрепить город и затратил на это немалые средства, но бастионы бастионами, а самые мощные башни бессильны против тех, кто умеет воевать.

Болела нога, которую Карл сломал, упав с лошади неподалеку от Кракова, чем тут же воспользовался Август и распустил слух, что Карл умер, и несколько дней пировал и славил судьбу. Когда Карл услышал о проделке Августа, он потер переносицу и сказал: «Раз известия о моей смерти доходят до меня с таким опозданием, следовательно, я жив и даже ничем серьезным не болен». И в ближайшем сражении он в очередной раз разгромил Августа, а теперь стоит у ворот Львова. Если сведения, принесенные подозрительным Челуховским, верны, можно решиться на штурм. Риск? Безусловно. Но кто же не рискует? Лишь бездари и трусы. Талант.

ливый человек от рождения игрок. Сегодня.— выиграл, завтра — проиграл. Важно, чтобы выигрышей было больше.

Наконец, король поднял руку и указал направление главного удара.

И через полчаса шведы именно через Босацкую фортку ворвались в город.

Правда, упрямый Зигмунт Галицкий с отрядом заперся в резиденции львовских старост — Низком замке — и отстреливался, уповая не то на бога, не то на случай: а вдруг какая-нибудь молния вопьется не в дерево и не в шпиль костела, а, к примеру, в макушку шведскому королю! Если чудеса на свете все же случаются, то почему бы не произойти чуду и во Львове 5 сентября 1704 года? Комендант клялся Иисусом и девой Марией, а также святой иконой Ченстоховской, что шведы такие же люди, как все, их нечего бояться, они вовсе не заговорены от пуль.

— Панове! Господа! — кричал своим соратникам неистовый Зигмунт. — Мы сдали город, но не можем же мы сдать в плен и свою честь! Цельтесь вернее!

И все же ни пуля, ни молния не поразили Карла. И сейчас он спокойно, не спеша поднимался по крутой деревянной лестнице, ведущей в зал Совета ратуши, где генерал Стенбок и первый министр Пипер уже приняли капитуляцию от бургомистра Доминика Вильчека и Совета старейшин.

— Почему сопротивлялись? На что надеялись?

Толстый Вильчек, опустив голову, молча стоял перед таким же толстым Пипером. Они были одного роста, одного возраста и вообще невероятно похожи друг на друга, словно близнецы.

Это могло бы вызвать улыбку. Но Карл не умел улыбаться. Не смели улыбаться в его присутствии и другие. Позванивая шпорами, король обошел огромный дубовый стол, ногой отодвинул одно из кресел и опустился в него.

Пипер вопросительно глядел на Карла. Тот махнул рукой: продолжайте допрос.

— На что же вы надеялись? — вновь начал пытаться Вильчека первый министр.

— Мы получили приказ не сдавать город. Кроме того, этот упрямый Зигмунт Галицкий...

— Кто отдал приказ?

— Король Август.

— Запомните: в Польше уже нет такого короля. Отныне ваш король — Станислав Лещинский. И никто другой. Постарайтесь не упускать из виду этой новой и важной детали в жизни вашей страны. А пока мы именем нашего короля накладываем на город контрибуцию в размере четырехсот тысяч талеров¹. Деньги должны быть здесь завтра к утру. В противном случае город исчезнет.

— Как это? — удивился Вильчек. — Куда он исчезнет?

— Превратится в дым, а ветер его развеет. Попросту говоря, мы его сожжем.

— Но я не могу себе представить...

— Это, пан бургомистр, делается очень просто.

— У нас нет таких денег. К тому же пожары уже начались.

— Что вы! Разве это настоящие пожары? Сгорело всего несколько домов. Если не соберете до утра денег, вам предстоит увидеть настоящий пожар.

Тут в зал вошел ксендз Шимановский. Бледный, хромающий, он направился напрямик к Карлу, упал перед ним на колени, попытался поцеловать королю руку.

— Может быть, мы виноваты, — забормотал Шимановский, — пусть так. Мы готовы понести наказание. Но то, что делается, ужасно! Солдаты врываются не только в дома, но и в костелы. Они оскверняют святыни!

¹ Т а л е р — старинная немецкая серебряная монета.

— Для наших благочестивых евангелических воинов католические костелы никак не святыни,— ответил Карл.— Мы боремся за истинную веру. Но как только будет выплачена контрибуция, я прикажу солдатам быть ласковее.

— Каждый считает свою веру истинной,— смело возразил Шимановский.— И каждый вправе прославлять именно ее. Так, мы не согласны с тем, что проповедуют русские схизматики, и с помощью церковной унии пытаемся обратить их на путь истинный и возвратить в лоно римской церкви. Но пушки, пистолеты и сабли не всегда лучший аргумент в сложном споре. Надо помнить, что противник может научиться лучше стрелять.

— Все это меня мало интересует,— сказал король.— Я не дам своим противникам времени на учебу.

— И все же я прошу выслушать меня,— не сдавался ксендз.— Не испытывая симпатии к схизматикам, умоляю ваше величество приказать, чтобы не взрывали кладбище при Онуфриевском монастыре, главной святыне русских. Там у них братство и печатня. А на кладбище похоронен их просветитель Иван Федоров Москвитин. Мне только что сообщили, что взорвана его могила.

— Какой просветитель? Какая могила? — удивился Карл.

— Когда-то, очень давно, этот человек печатал здесь русские книги. Схизматики чтят его память. И в осквернении могилы обвинят нас, верных слуг римского престола. Ваши солдаты делают подкоп под монастырь и взрывают могилы вблизи его стен.

— Значит, из монастыря стреляют?

— Нет, просто монахи заперли ворота.

— Это невежливо с их стороны,— мрачно заметил Пипер.— Гостей надо радушно встречать.

— Но ведь разрушение кладбища и монастыря создаст осложнения не только для нас, но и для нового государя Станислава!

Карл задумался. Пожалуй, в словах Шимановского был смысл. Станиславу Лещинскому будет не так просто удержаться на польском троне. И ему вряд ли следует сейчас ссориться с кем-либо из своих новых подданных.

— Пусть будет по-вашему,— решил король.— Штурм монастыря прекратить. Если кости этого русского святого выброшены взрывом, перезахоронить. Уменьшаю контрибуцию на сто тысяч талеров. Большого сделать не могу. Зигмунта Галицкого найти и повесить. О русском просветителе узнать подробнее и доложить мне. Сейчас мне больше нечего сказать.

Бургомистр, члены Совета и Шимановский, отвешивая поклоны, удалились. В зале остались только шведы.

Через час королю доложили, что при штурме потеряно четыреста человек. Сколько погибло горожан и воинов Галицкого, никто не считал. Более того, сам Галицкий с небольшим отрядом прорвался сквозь шведские заставы и удрал из города. Челуховскому, сообщившему ценные сведения, выдано пять талеров, но он просит еще.

— Дайте десять! — разрешил Карл.

Затем королю объяснили, что город разделен на три партии: сторонников свергнутого короля Августа, сторонников Станислава Лещинского (их немного) и русских, которых большинство.

Карл нахмурился. Все это ему мало нравилось. Три партии в одном городе. Зачем? Что за борьба между католиками, схизматиками и униатами? Все они одним миром мазаны и вряд ли заслуживают доверия. Шведского короля тревожило и то, что в городе слишком много русских. Кроме того, как считал Карл, в Польше издавна существовало лишь две партии: ревностных сторонников того или иного вельможи или идеи и столь же ревностных противников и того, и другого. Третья — это для чего бы? Лишнее...

— Уж не партизаны¹ ли эти русские московского царя?

— Не простой вопрос, ваше величество,— сказал осторожный Пипер.— Как мы выяснили, город когда-то был основан русским князем Даниилом Галицким, позднее даже принявшим титул короля. Между польской короной и русскими идут споры о том, кому Львов должен принадлежать. А казацкий гетман Богдан Хмельницкий в своих универсалах именовал его «главным городом окраины русской» и не скрывал, что надеется освободить его... Хотим мы того или не хотим, ваше величество, русских здесь много. Особенно в предместьях. Другими словами, будучи братьями по вере и языку с москвитями, они если и не стали, то в любой момент могут стать партизанами царя Петра. Нам остается надеяться, что новый польский государь Станислав Лещинский сумеет найти общий язык со здешним народом. Со стороны вашего величества было в высочайшей степени мудро распорядиться о прекращении, пусть даже и справедливых,— ведь львовяне сопротивлялись нам!— репрессий и о перезахоронении праха русского печатника.

В дверь постучали — осторожно, точно извиняясь за то, что посмели нарушить беседу. Пипер вышел и сразу же вернулся.

— Есть сведения о русском печатнике. Он жил здесь лет сто пятьдесят назад. Хотел открыть русские типографии и школы.

— Русские школы здесь ни к чему,— сказал король.— И вообще, чем меньше их будет в мире, тем лучше.

— Совершенно с вами согласен, ваше величество. Один из предков Челуховского, который имел честь го-

¹ Партизаны — в начале XVIII века так называли агентов того или иного монарха или партии.

ворить с вами, действительно вел борьбу с русским печатником. Этот достопочтенный муж, он носил титул графа, был какой-то важной персоной среди иезуитов.

Карл холодно посмотрел на первого министра.

Первый министр умолк.

— Меня мало интересуют могилы русских печатников и их распри с иезуитами. Я забочусь лишь о том, чтобы сохранить дисциплину нашей армии. Кроме того, хотел бы вам напомнить, что я нуждаюсь в советниках, а не в советчиках. И менее всего следует объяснять мне самому мои же действия... Мы не пропустим обедню?

Карл всегда молился дважды на день. Пусть бушует непогода, пусть разверзнутся хляби небесные и на землю хлынет поток, пусть гремят орудия и рушатся державы, но минуты, предназначенные для общения с богом, святы...

По улицам проводили пленных со связанными за спиной руками. Речка Полтва вышла после дождей из берегов и плескалась уже у самых стен города. Зато гусям и уткам было раздолье. Они гордо проплывали стайками мимо поверженного Львова к зеленым пойменным лугам, начинавшимся за Краковским предместьем. Что птицам страсти и дела людские?

Ветер рассеял тучи. Какие-то люди носили к площади сундуки с серебряной посудой, с золотыми и серебряными монетами.

На площади выстроили шведов в полном обмундировании и при оружии, с другой стороны ратуши — пленных.

Пропели трубы — требовательно и тревожно: «Слушайте! Слушайте! Слушайте!» Затем четыре глашатая, обладавшие громовыми голосами, объявили приказ короля: все граждане, у которых были деньги или драгоценности, принадлежавшие бывшему королю Августу или его приверженцам, должны добровольно сдать все это до заката. В противном случае — смерть. Если кто-

то знает, где их прячут, пусть скажет. За недонесение — тоже смерть.

Тут королю сообщили, что пойман пьяный Челуховский (где и когда он напился — неизвестно), который пытался обнимать и лобызать каждого встречного шведа, а также распевал загадочную песню:

— Что за песня? Узнать, перевести.

Через двадцать минут принесли бумагу с текстом:

Плыли утки, плыли утки,
Плыли — заблудились.

Где вторая, где вторая —
Третья не знает.
Где третья, где третья —
Не знает четвертая.
Где четвертая, где четвертая —
Не знает пятая.
А где первая —
Не знает никто.

Король скомкал бумагу и бросил под ноги.

— Где он?

— Под стражей, ваше величество.

— До утра не выпускать. Пусть проспится. Что означает песня об утках? Это может быть условным сигналом.

— Вряд ли.

— Тогда держать под стражей не обязательно. Отвезите подальше от города и отпустите. Коня ему не оставлять. Пусть возвращается пешком. В пути протрезвеет.

Вечером бургомистр Вильчек решил дать в честь хоть и непрошенных, но важных гостей бал.

Наскоро убрали большой зал ратуши. Зажгли люстры. Собрали самых красивых панн из тех семей, которые не выехали накануне штурма из города. Лилась музыка. Сверкали ожерелья на лебяжьих шеях панн. Карл постоял в стороне, посмотрел на танцующих и

ушел. Он не любил танцев. Его мало интересовали гордые польские панны. Карл любил лошадей, свои полки и петуха, который будил его на рассвете.

Бал продолжался. Но все сникли. Тот, ради кого и зазвучала эта музыка, не оценил любезности горожан.

Совсем уже к ночи прискакал во Львов бывший познанский воевода, а ныне милостью Карла король Польши Станислав Лещинский. Был он еще совсем молод. Впрочем, не моложе двадцатитрехлетнего Карла. Но странное дело, молодости шведского короля никто не замечал. Может быть, причиной тому был его угрюмый нрав, сутулость и холодный, погасший взгляд. К тому же швед не любил пирушек, обходился без общества дам, а пуще всего раздражали его краснобаи и красавцы сердцееды. И вообще, в присутствии короля шведского нельзя было шутить, а беззаботная улыбка считалась вызовом здравому смыслу. Наверное, добровольно став аскетом, Карл решил взять реванш на другом поприще — на поле брани.

Обо всем этом можно было лишь догадываться. Так же как и о том, что Карлу не дает покоя судьба Гая Юлия Цезаря. Именно о Цезаре чаще, чем о ком бы то ни было, беседовал Карл с Пипером. И все чаще о том, когда же Цезарь допустил роковую ошибку: позволив египетской царице Клеопатре занять слишком важное место в собственной жизни или же позднее, когда решил убедить римлян, что он вовсе не тиран, а щедрый, свободно думающий человек, взваливший на себя бремя славы во имя высшего блага соотечественников?

Станислав Лещинский плохо чувствовал характер Карла, терялся, не знал, можно ли именовать его, как принято между дружественными монархами, «брат мой». Да и стал-то он Карлу «братом» случайно. Русский царь и Август II начали против Швеции войну. Карл в ответ вторгся в Польшу, прогнал с престола Августа.

Понадобился послушный шведам король. Выбор пал на Станислава Лещинского. Грустно сознавать, что не сам ты стал творцом своей судьбы. Но жизнь есть жизнь. И с ее законами приходится считаться.

Даже всесильному кардиналу-примасу Польши, который пытался убедить Карла не возводить на трон Лещинского, в конце концов пришлось смириться с выбором Карла. Правда, примас не явился на варшавскую площадь Коло, где шляхтичам надлежало санкционировать решение всесильного шведа. Сослался на то, что издавна в Польше короновали лишь в Кракове и он, примас, дескать, не знал, что теперь церемонию решено перенести в Варшаву. Карл и здесь не отступил и предложил венчать на царство Станислава Лещинского и его хрупкую хорошенькую супругу Шарлотту Опалинскую львовскому епископу, а остальным прелатам было велено присутствовать на церемонии. Сам Карл довольствовался тем, что присутствовал на коронации инкогнито, переодевшись. Наслаждался делом рук своих. И немного завидовал Станиславу, который держал в своей руке тонкие, унизанные перстнями пальцы Шарлотты. Но — каждому свое...

Итак, сейчас Станислав уже в качестве короля Польши стал упрашивать Карла уменьшить контрибуцию, наложенную на город, до ста тридцати тысяч талеров. Как ни странно, непреклонный Карл на этот раз дал себя уговорить.

— Хорошо, брат мой! Пусть будет так. И объявите, что милость оказана Львову лишь благодаря вашему заступничеству. А сейчас нам самое время сыграть партию в шахматы и отдохнуть. Ночевать будем в лучшем доме на этой площади. Вот он... Его тут называют «королевской гостиницей».

— Но я знаю этот дом, — ответил Станислав, бледнея, — и не хотел бы в нем ночевать. Он пользуется дурной славой.

— Пустое! — махнул рукой Карл. — Что нам до славы какого-то дома? Нам надо думать о собственной. Вперед!

А репутация у дома и вправду была не из лучших. Когда-то, еще в 1376 году, его построил князь Владислав Опольский. С 1405 года здесь жил брат короля Ягайло — великий литовский князь Свидригайло. При чем именно в этом доме со Свидригайло приключилась лихорадка, едва не сведшая его в могилу. Через пятнадцать лет хозяином дома стал сам Ягайло, который предпочитал Львов Кракову, поскольку до конца дней своих так и не научился толком говорить по-польски, а во Львове было с кем потолковать на единственном языке, который Ягайло знал сносно, — на русском. И надо же было, чтобы именно здесь с Ягайло случился сердечный удар, от которого он так и не оправился.

Но это еще не все. В этом доме умер король Михаил Корибут-Вишневецкий, а другой король, Ян Собесский, пролежал несколько дней без сознания, упав с лошади. Правда, Август II тоже здесь жил. И ничего страшного с ним не приключилось, если не считать потери трона. Это хоть и трагедия, но кое-что у Августа осталось. Например, саксонское курфюршество. В общем, жить можно. Дрезден ничуть не хуже Варшавы.

— Вперед! — повторил Карл. — О чем вы задумались?

— Так... О разном... О суетности жизни... О своей собственной судьбе.

Вечер они провели в зале, выложенном золотистой майоликой. Карл протянул ноги к горящему камину, на шахматный столик почти не глядел, ходы делал случайные, расспрашивал о том, как настроены украинские казаки: будут ли они поддерживать русского царя, если шведские войска пойдут на Москву?

Лещинский этого не знал, но напомнил, что в свое время враг Польши казацкий гетман Богдан Хмельниц-

кий собирался просить заступничества у шведской короны.

Карл пожал плечами: давно было, какое это имеет значение сейчас?

— Мне кажется, брат мой, что Польша очень устала. Не один, не два и не тысяча человек, а вся страна.

— Что вы имеете в виду? — встрепенулся Лещинский. — У вас недобрые предчувствия?

— На свои предчувствия я научился не обращать внимания. Но вам в удел досталось править страной, которая потеряла волю, желание навязать свои принципы другим. А раз так, значит, не она будет диктовать условия, а ей их будут диктовать... Но я верю в вас!

Пока беседовали, Карл подставил своего короля под удар. Партию можно было выиграть одним ходом, но Лещинский не решился. И в свою очередь, сделал не менее нелепый ход.

— Куда же вы направитесь теперь, брат мой? На Москву или на Дрезден?

Шведский король не отвечал.

Укутавшись в обычный суконный солдатский плащ (он его так и не снял, войдя в дом), Карл сладко спал. Прямо в лицо Станиславу был нацелен острый кадык. Во сне черты лица Карла стали мягче. Теперь было видно, как он молод, почти юн.

— Брат мой! — Станислав коснулся руки шведа. — Вы устали?

— Я? — встрепенулся Карл. — Я вообще не устаю. Завтра мы двинемся вперед.

— Но куда: на восток или на запад?

— Какая разница. Только бы поближе к неприятелю! Кто выиграл партию?

— Кажется, вы, брат мой, — ответил Лещинский. — Мои фигуры очень уж неудачно расположены.

— Пусть будет ничья! — решил король шведов, готов и вандалов. — Спокойной ночи!

Тяжело ступая, Карл ушел.

А Станислав Лещинский еще долго глядел на мрачное здание ратуши. Огни уже не горели. Бал давно закончился. Новый польский король чувствовал, как к нему подкрадывается страх. Что случится завтра? Послезавтра? Через год? Не проще ли было не рваться в монархи и оставаться познанским воеводой? Но разве он мог бы что-то изменить? Все и за всех теперь решал юный швед.

Город спал, но в нескольких домах еще горел свет. Значит, были и такие, кто не спешили склонить голову к подушке. Бодрствовал, в частности, ксендз Шимановский. Он ходил по комнате. Пламя свечи отражалось в оконном стекле, а по стене металась, плясала тень Шимановского. Он держал в руках старую рукопись, которую в очередной раз перечитал. И звонкая латынь вновь поведала ему о том, какой виделась когда-то Польша умному, хитрому и проницательному Антонио Поссевино. В частности, Поссевино предрекал, что дело московского печатника найдет во Львове многих продолжателей, возникнет даже паломничество к могиле «русского пастыря». И было бы самым правильным, как считал Поссевино, если бы истинные ревнители подлинной веры — католики — сами принялись настойчиво говорить о заслугах русского, явно преувеличивая их и приписывая несуществующие, с тем чтобы каждый мог убедиться, что кому-то выгодно творить легенду, к реальности отношения не имеющую.

Шимановский бросил рукопись на стол, вздохнул и сел на табурет, стоявший у окна. Он сердился на Поссевино, на его гладкие и умные мысли, которые, может быть, были очень хороши в свое время, но, видимо, никуда не годились теперь. Времена тихой дипломатии ушли. Грянули оружейные залпы. Шимановский это отлично понимал. Волновался. И лысина его в таких случаях розовела, чего знать он, естественно, не мог — это

могли видеть окружающие, но зато сам Шимановский в минуты волнения начинал ощущать жжение в висках. Это его пугало и раздражало.

А сейчас, вероятно, и лысина покраснела, и в висках жгло, и в ушах как-то странно попискивало, но Шимановский сидел, обхватив голову руками, и думал свою трудную и горькую думу. Время сильных людей ушло, считал он. Сегодня никому не нужны ни сильный, острый, как нож, ум Антонио Поссевино, ни лихость уже забытого, а некогда всеильного князя Константина Острожского, который, как говорят, был причастен к браку самозванного царевича Дмитрия, отважившегося на поход против Москвы, и воеводской дочери Марины Мнишек.

Пришло время стройных военных колонн, хорошо обученной конницы, тоже атакующей ровными рядами. Ни шагу влево, ни шагу вправо. Разрешено лишь направленное движение. И видимо, надолго.

Себя самого Шимановский считал рыцарем духа. И понимал, что сегодня он бессилен и жалок... Может быть, задуть свечу, чтобы целительная темнота скрыла эту убогую комнату, а заодно и весь нерадостный мир? Он так и поступил. Темнота пришла. Но Шимановский еще долго не ложился спать и в конце концов додумался до того, что ненавидит этот город, который и защититься-то от шведов толком не смог, и желает ему сгореть сразу в сотне пожаров.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИСТИНА, ГДЕ ТЫ?

Даниил Крман редко гляделся в зеркало. Ему было просто ни к чему. Не интересовался он своей внешностью. И не очень тревожился о том, какой она покажется другим. А был он дороден, розовощек и праведен. Но это еще не самое интересное, что можно о нем сказать. Разве занимательно, к примеру, что предки Крмана были вовсе не Крманами, а Германами, Крман был на

самом деле вовсе не Крманом, а Германом? Даниил происходил из немецкой протестантской семьи, давным-давно осевшей в Словакии, в городке Пряшеве, затерявшемся среди поросших голубыми лесами холмов. И здесь Германов со временем стали именовать на местный лад Крманами. Да и сам Крман считал себя словаком, хотя учился философии и теологии в немецких университетах Бреслава и Виттенберга. Позднее сам преподавал в Пряшевской коллегии. И собирался было так и закончить свои дни, учительствуя и держась подальше от бурных событий нового века. Но началось в Венгрии восстание князя Ференца Ракоци, который объявил, что проживающие в пределах империи Габсбургов кальвинисты (протестанты) должны быть уравнены в правах с католиками. Это, естественно, не понравилось Габсбургам, сидящим на престоле в Вене, поскольку сами Габсбурги были ревностными католиками. Вспыхнули сражения. Беспорядочные, но яростные. Кальвинисты частенько шли в бой, как на праздник. Им нечего было терять, как всем, кого слишком долго угнетала чужая воля. И хорошо обученным войскам Габсбургов порою, на удивление всем, приходилось даже отступать. Тем временем Даниила Крмана выбрали суперинтендантом¹ лютеранской церкви Северной Венгрии — пост большой. И он, сам того не желая, в один прекрасный день обнаружил, что попал в число тех, кто обязан действовать и совершать поступки, чего Даниил Крман как раз и не любил. Никаких поступков совершать ему не хотелось. Если у Крмана и была к чему-нибудь естественная склонность, так это к тихим дружеским беседам, негромкому хорошему пению и к поискам истины за столом собственного кабинета.

Но жизнь шла. Тихая, спокойная и размеренная.

¹ С у п е р и н т е н д а н т — верховный надзиратель; у протестантов — духовное лицо, стоящее во главе церковного округа.

И иной раз казалось, что она уходит, сочится сквозь пальцы, как вода, зачерпнутая пригоршней. Придет момент, и вдруг с ужасом увидишь, что ладонь уже пуста, ветерок скоро высушит руку. Вот и всё. Земной юдоли — конец. Но тогда хотя бы следовало понять, зачем ты возник на этой земле? Случайным гостем? Хозяином?

«Обретший истину вместе с нею обретет и себя самого» — эти слова Даниил написал на первой странице своего студенческого дневника. Наверное, проще было повторить слова, выбитые некогда над входом в храм Аполлона в Дельфах: «Познай себя самого». Но обстоятельному Крману претил лаконизм. В попытках говорить слишком кратко ему чудились высокомерие и нарочитость. Что было бы, если бы чрезвычайным лаконизмом отличались, к примеру, пастыри? Они никогда никому ничего не объяснили бы. «Если уж взялся говорить, — полагал Крман, — то говори старательно, терпеливо, не скупясь на слова, так, чтобы все объяснить и себе самому, и окружающим».

Итак, коль скоро девиз был выбран, дело оставалось лишь за немногим — истину эту отыскать. А затем уже, опираясь на нее, спокойно, неторопливо, зато наверное обрести и самого себя.

Для начала Даниил выяснил, дал себе труд понять, что о себе самом знает крайне мало, чтобы не сказать, что не знает ничего, кроме самых общеизвестных истин: родился в таком-то году, крестили там-то, учился с такого-то года по такой-то... Естественно, знал Даниил, что он человек как все. Но чего можно ждать от людей и от себя самого — этого Даниил не ведал. И очень огорчился.

Ведь одни живут тихо, смирно, как серые мыши в норках. И случается, доживают до ста лет. Другие, напротив, вспыхивают, как комета на небосклоне. Пролетит она, погаснет, а ты, все еще ослепленный, трешь глаза. Чего стоит, к примеру, история саксонского курфюрста Августа II...

Рассказывают, что, когда Августу II Саксонскому предложили польский трон и предупредили о необходимости изменить веру, он воскликнул:

— Майн гот! Я готов изменить не только веру, но и внешность! Давайте трон!

Оказалось, что принятия католичества мало. Нужны еще и деньги. Много денег. Сын покойного польского короля Яна Яков Собесский предложил гордым шляхетным избирателям пять миллионов талеров. Французский принц Людовик Конти удвоил сумму.

— Майн гот! — еще раз воскликнул Август. — Впрочем, что я говорю? Я должен уже обращаться не к моему богу, а к их польскому богу... И опять не так: их бог — это теперь мой бог. Майн либер нойер гот!¹ Мы их побьем и здесь!

И он отправил в Польшу своего любимца полковника Флемминга с суммой, на два талера превышавшей ту, которую намеревался предложить неподкупной польской шляхте честнейший из французских принцев. Избрали Августа.

«А я смог бы так же? — думал иной раз Даниил. — Поменять одного бога на другого, покинуть родину, чтобы занять случайно освободившийся престол...»

Нет, так поступать Даниил не стал бы, хотя, если говорить честно, его никто ни на какие престолы не приглашал и приглашать не собирался. Поэтому этот вопрос Даниил мог решать для себя только предположительно. Но так или иначе поначалу Крман пришел к выводу, что он лучше, чище и духовно выше Августа Сильного, который к тому же славился своими неправдоподобно частыми амурными увлечениями. Сведущие люди утверждали, что к тридцати годам у него уже было несколько внебрачных детей, причем двое — что особенно возмущало обывателей — полутурки. Как тут не

¹ Мой любимый новый бог! (нем.)

схватиться за голову? Даниил хватался за нее и вздыхал.

Может быть, он со всей решимостью осудил бы подобного монарха и даже запретил бы произносить его имя в своем доме, но беда в том, что и в личной жизни самого Крмана (напомним, что он считал себя человеком крайне праведным и честным) было если не темное пятно, то все же непонятная история, о которой сам Даниил предпочитал не вспоминать.

Как-то раз, уже после окончания курса наук в Бреславле, но еще до того, как поступить в Виттенбергский университет, Даниил провел несколько месяцев в гостях на Подолии. У родственника, двоюродного брата матери, был прекрасный фольварк¹ с тенистым парком, окруженным мощным забором, с четырьмя небольшими крытыми башнями, в которых всегда дежурили дворовые люди. Времена были беспокойные. Опасались не только татар, но и соседей. Всех на свете. Но Даниилу у дяди было хорошо. Он часами просиживал в библиотеке у открытого окна. Читал, затем откладывал книгу и задумчиво глядел в сад, одетый в подвенечную фату. Это цвела вишня. Подвенечными были и настроения самого Даниила. О чем-то неясном грезилось ему и мечталось. Он и сам не смог бы объяснить, что за чувство владело им тогда. Будто ждал чего-то — и был твердо уверен, что это обязательно настанет, — какого-то события огромной важности, озарения, неожиданной, но значительной встречи. И не ошибся...

Девушку звали Анной. Она работала в фольварке по найму. Приходила поутру, вместе с первой песней жаворонков. Уходила, когда начинало смеркаться. С тремя своими подружками, ни лиц, ни имен которых теперь Даниил вспомнить уже не мог, они окапывали деревья, ухаживали за цветниками и дорожками в пар-

¹ Ф о л ь в а р к (пол.) — поместье, усадьба.

ке... Запах сена. И такой же свежий сенный запах волос Анны. Мягкий блеск карих глаз, во взгляде которых можно утонуть.

— Любый! Чого це ти весь час сумний? Засмийся. Або заспивай¹.

Нет, далеко не всегда Даниил Крман был праведником. Вот уже больше двадцати лет он вспоминает эти глаза, корит себя, а втайне мечтает, что те минуты, которые ему были подарены на Подолии, когда-нибудь повторятся вновь.

Но Крману пришлось пережить нечто совсем иное. Однажды у окон его дома в Пряшеве послышалось ржание резко осаженого на скаку коня и неизвестный звонкий голос:

— Отворите!

В этом «Отворите!» были и властность, и нетерпение молодости, и та интонационная уверенность, которая иной раз убедительнее самих слов.

Служанка приоткрыла дверь, не снимая с нее цепочки:

— Чего вам?

— Мне нужен Крман.

— Зачем?

— Это я скажу ему лично.

— А почему я знаю, кто вы такой и нужно ли вас впускать?

Крман выглянул в окно.

Приезжий был совсем молод. Одет в недорогой, но ладно сшитый бархатный камзол, опоясанный португеей. На ней — два пистолета. Лица и глаз юноши Крман из окна разглядеть не мог и потому не знал, с добрыми или злыми намерениями прибыл тот, но решил, что лучше впустить гостя и не затевать скандала.

¹ Любимый! Почему ты все время так печален? Засмейся. Или запой (укр.).

Пока открывали дверь и вводили гостя, Крман не успел переодеть пантофли¹ и шлафрок². Так и вышел в гостиную. На Крмана смотрели удивительно знакомые карие глаза.

— Так вот ты каков! — произнес юноша.

— Я всегда был такой, как сейчас, — растерялся Крман.

— Когда-то ты, естественно, был помоложе. Впрочем, и сейчас ты еще не так уж плох.

— Меня удивляет тон разговора.

— Он не случаен, — ответил юноша. — Не предложишь ли сесть? Да и кусок холодной говядины не помешал бы. Последний раз я ел шесть часов назад. Что же касается моего интереса к тебе, Даниил Крман, то он вполне закономерен. Я хочу понять, чем ты понравился когда-то моей матери и почему позднее бежал от нее.

— Я не бежал! — тихо ответил Крман. — Видит бог, я не собирался бежать. Обстоятельства... Мой образ жизни... мои устремления... Жива ли Анна? Что с нею? Почему ты сейчас здесь? И где же ты был раньше?

— Ну да, — устало махнул рукой юноша. — Сейчас ты скажешь, что обстоятельства превыше нас, что все мы не вольны в своих поступках. Наконец, что за нас все и всегда решает бог. Так думать очень удобно... Приехал, чтобы посмотреть на тебя и решить, должен ли я тебя стыдиться или, напротив, почитать. Оставим старое. Моя мать жива, она на тебя не в обиде и вспоминает о тебе с доброй улыбкой на устах. А сам я... Молодость не бывает злопамятной.

— Я очень виноват перед богом, людьми и перед самим собой, — тихо сказал Крман, отводя взгляд. — Но

¹ П а н т ó ф л и — домашняя обувь на низком каблуке.

² Ш л а ф р о к — домашний халат.

сейчас я спрашиваю о другом... Чем ты занимаешься? У кого служишь? Вижу, что ты хорошо и свободно говоришь.

— Так вышло, что грамоте учен. Поначалу помог сельский батюшка. Дальше — сам. Одно время служил во Львове у шляхтича Лянскоронского. Присматривал за библиотекой. Помогал переводить старые тексты с латыни на польский.

— Тебе ведомы латынь и польский?

— Языки мне даются легко.

— А где служишь сейчас?

— Иной раз получаю работу в друкарне львовского Ставропигийского братства. Зарабатываю на пропитание и одежду. Денег — чуть. Зато много свободного времени. А оно мне нужно. Я пишу.

— Что?

— Разное. Пишу стихи. Пишу для театра.

— Странно! — заметил Крман. — Если ты поэт, то почему при пистолетах? И разговор твой очень смел. Я представлял себе поэтов иными. Их, надо думать, мало интересуют страсти земные.

Василий засмеялся:

— Непонятное заблуждение! Кстати, большинство поэтов умели быть и прекрасными воинами. Тебе знакомо имя Сирано де Бержерака?

— Парижского философа? Но ведь он умер лет шестьдесят назад?

— Около того. Де Бержерак был не только философом, но поэтом и воином. Не так давно мне довелось прочитать любопытную книгу — «Мемуары д'Артаньяна». Его полное имя — Шарль де Батц-Кастльмор д'Артаньян. Он родился в 1623 году и погиб при осаде города Маестрихта в 1675-м, пережив де Бержерака на целых двадцать лет. Д'Артаньян и сам по себе был прелюбопытным человеком, так же как и его друзья —

мушкетеры Атос, Портос и Арамис¹. Думаю, об этих мушкетерах когда-нибудь напишут большую и интересную книгу. Но сейчас я не о д'Артаньяне, а о Сирано де Бержераке. Д'Артаньяну довелось видеть этого философа и поэта на поле брани, и он уверяет, что на свете не было воина храбрее. Кроме того, де Бержерак писал пьесы, придумал способ взлететь с помощью фейерверковых ракет на Луну и вообще был смел, весел и находчив. Но я мог бы назвать много и других примеров, когда поэты владели оружием ничуть не хуже, чем пером. Это понятно. Чтобы быть настоящим поэтом, так же как настоящим воином, кроме всего прочего, нужна смелость.

— Ты очень образован, сын мой! — сказал Крман. — Мне приятно убеждаться в этом.

— К сожалению, сам себя я не могу считать просвещенным человеком. Говорю об этом не без грусти. Но лучше грусть, чем пустая бравада, — неожиданно робко и открыто улыбнулся Василий. — Не так ли? К тому же пишу я пока совсем не так, как хотел бы. Недавно прочитал в переводе на итальянский пьесы английского писателя, теперь уже забытого. Уильям Шекспир... Ты слышал о таком? Его нынче не очень-то почитают. Но писал он по-настоящему умно и тонко. Один итальянский поэт переложил с английского две его пьесы — о Цезаре и о принце датском Гамлете. Я сделал конспект с перевода. Пьесу о Цезаре хочу написать по-русски для львовского монастырского театра. Если у тебя есть желание, можешь перед сном полистать мои заметки о Шекспире. Ты ведь хорошо знаешь латынь. Значит, итальянский язык тоже будет тебе понятен. Кстати, дадут ли мне наконец поест?

¹ Книга Куртия де Сандра «Мемуары господина д'Артаньяна, капитан-лейтенанта первой роты королевских мушкетеров, содержащие множество частных и секретных вещей, которые произошли в царствование Людовика Великого» вышла в свет в Голландии в 1701 году.

Крман засуетился, позвал служанку. Ужинали в маленькой столовой. Вдвоем. Даниил поймал себя на том, что любит сына. Мягкими и точными были движения Василия. И ел он красиво: незаметно, как бы между прочим, хотя и был голоден. «Этот человек живет не только страстями, но и рассудком», — подумал Крман и тут же поймал себя на том, что даже в уме называть родного сына «этот человек» не подобает.

— Я приехал не ради праздного любопытства, — сказал Василий, когда подали засахаренные вишни. — Времена сейчас сложные. Львов переходит из рук в руки. Не так давно в нем были шведы, а через год во Львове побывал с войсками русский царь. Кто знает, что будет с городом завтра. Мне надо оставить у тебя кое-какие бумаги. Так надежнее.

— А что это за бумаги?

— Три мои комедии. И единственное условие — ты не должен их читать сам, не станешь показывать и другим. Возможно, я в скором времени за ними приеду. Если же от меня не будет вестей более пяти лет, то ты их перешлешь по адресу, который я тебе сейчас оставлю.

— Да, да, само собой, — кивнул Крман. — Я все сделаю. Кстати об адресе: откуда ты узнал, где я живу?

— Случайно. Как ты понимаешь, твое имя мне назвала мать, а где живешь, узнал недавно во Львове от приезжавшего туда Самуила Погорского...

— Ах, это Погорский! Что же он мне ничего не сказал? Значит, ты отправился в дальний путь только для того, чтобы повидать меня?

— Пожалуй. Времена сложные. Всякое может случиться. Было бы нелепым, если бы я так никогда и не повидал собственного отца.

— Твои слова тревожат. Ты собираешься в какое-нибудь опасное предприятие? Может быть, поступаешь в войска Станислава Лещинского? Или же решил попытать счастья в армии Карла?

— Я не отношусь к сторонникам ни того, ни другого.
— С кем же ты?
— Поговорим при следующей встрече.
— Ты приедешь ко мне еще раз?
— Постараюсь.
— Может быть, сейчас погостишь подольше?
— Извини, но не могу.
— Да какие же спешные дела тебя ждут?
— Всякие. Когда-нибудь расскажу. А пока — не думай о грустном. Я рад был тебя повидать. Извини, но устал и очень хочу спать.
— Идем, — сказал Крман. — Отведу тебя в спальню. И перекрещу на ночь. Впервые в жизни совершу то, что полагалось бы делать отцу еще у колыбели твоей...

Сын ускакал на рассвете. А Крман долго не мог поверить, что все это с ним произошло наяву. Вдруг — неясный, путаный и вздорный предутренний сон? Этакая игра воображения, причуды усталого мозга... Но он вспоминал цветение вишен на Подолии, карие глаза, как два кусочка ночного неба... Теперь таких глаз в мире две пары: у Анны и у ее сына... Но Василий был похож не только на Анну. Чем-то Василий напоминает и его самого, Крмана, — та же форма рук с чуть-чуть удлиненными пальцами, та же манера слушать собеседника, слегка наклонив голову.

Василий — это то, о чем Крман втайне, может быть, всю жизнь мечтал, но, с другой стороны, с ним врывались в тихий мир Крмана тревоги и беспокойства. А вдруг больше никогда не приедет? Что, если нарвется на шальную пулю или чей-то злой и точный клинок?

Ох, как трудно понять, что в этом сложном мире истинно, а что ложно? Гремят орудия, гибнут люди, терзают Европу король Август и юный швед.

Август все-таки короновался. И как! Если бы Крман не гостил в ту пору у знакомого в Кракове и многое не

видел собственными глазами, то никогда не поверил бы, что подобное вообще возможно.

Август явился в древний собор, куда принесли и корону Ягеллонов, нарядившись в костюм собственного изобретения, вполне уместный на маскараде, но не на коронации. На нем была германская кираса, римская туника и сандалии. Поверх всего — голубая бархатная мантия, подбитая горностаем, и шляпа с султаном из белых перьев.

Когда началась литургия, будущий король внезапно побледнел и молвил: «Майн гот!» Но никто не понял, к какому он богу обращается — к только что им покинутому, или вновь приобретенному. В тот момент, когда епископ стал читать символ веры, король покачнулся, сделал шаг вперед и грохнулся наземь. Епископ умолк. Королю расстегнули кирасу, в которой он пробыл около четырех часов на жаре, потеряли виски уксусом. Король открыл глаза и долго не мог сообразить, по какому поводу спит на полу в соборе, да еще в столь странном одеянии. Затем, видимо, все вспомнил и быстро нашелся. «Майн гот!» — воскликнул он, поднялся и тут же подписал символ веры, торопливо принял причастие. Епископ от имени бога его помазал и короновал. Августу вручили скипетр. Присутствующие трижды прокричали: «Vivat rex!» («Да здравствует король!») и помолились под аккомпанемент залпов пушек и ружейной пальбы перепившихся по поводу праздника дворцовых гайдуков. Гайдуки бегали по парку и кричали одно и то же непонятное слово — «гей-ля!». Унять их не могли. Да и не очень пытались.

Но ведь и это еще не все. Август умудрился устроить торжественное шествие по Кракову по случаю собственного вступления на престол. Оно было столь необычным, что Крман записал, кто и в каком порядке двигался в тот день по улицам польской столицы.

Кроме духовенства, коронного маршала, министров,

сановников, пажей, в процессии участвовали почему-то сорок груженных серебром и золотом верблюдов. Сам Август ехал на сером коне, в костюме из золотой парчи и в плаще, отороченном горностаем. И ему не пришло на ум, что шествовать по улицам рядом с верблюдами королям не подобает.

Видно, Европа сошла с ума, а Польша докатилась до того, что продает с торгов древний скипетр Ягеллонов. Может быть, правильно сделали шведы, вмешавшись в дела польского королевства и прогнав из Варшавы Августа? У шведов великолепная армия, во главе которой — молодой и благочестивый король, к тому же талантливый полководец. И не случайно его именуют теперь «Северным Александром Македонским».

А в России — она представлялась Крману обширной равниной, поросшей лесом и окутанной туманами, — воцарился странный молодой царь, который прибрал к рукам всех этих московитов, а также калмыков, казаков и медведей, сбросил с себя пышные византийские одежды и отважился начать войну со Швецией.

Крман заказал несколько папок, для того чтобы собирать в них разные любопытные документы. На одной из них жирным итальянским карандашом написал: «Rex Petrus» — «Царь Петр». Но документов и сведений о Петре было очень мало. Пользоваться приходилось слухами, записывать рассказы бывалых людей. Но такие сведения немногочисленны. Бывалые люди далеко не всегда отличаются прозорливостью и умением делать выводы из того, что видели или о чем слышали. Между тем архив должен быть точным — факт к факту, документ к документу. Крман не любил дилетантства. Огорчался, что идет к истине такими любительскими путями.

Время от времени он расстегивал замочек папки «Rex Petrus», перечитывал лежавшие в ней записки. Сюда же он внес сведения о поражении русских под

Нарвой, после чего, как говорили, царь Петр велел снять часть церковных колоколов и перелить их на пушки; это позволило острословам заметить, что пушки будут стрелять с погребальным звоном.

Между тем Россия, сколько мог судить Крман, вовсе не собиралась заключать со Швецией мир и, надо думать, готовилась к длительной войне. Как можно решиться на такое? Кто в состоянии противостоять первоклассной шведской армии? Почему же царь Петр упорствует?

Временами Крману надоедало думать обо всем этом и пытаться отыскивать глубоко прячущуюся от простых смертных истину. Кто знает, а вдруг истины вовсе не существует? Приходили мысли о том, что хорошо бы съездить во Львов, где он никогда не бывал. Город посмотреть, но главное — еще раз поговорить с сыном. Он дни и ночи, если они случались бессонными, репетировал этот разговор. Ему казалось, что теперь он смог бы объясниться с Василием иначе. Вот только одного не придумал Крман — первой фразы. Может быть, она вовсе не нужна, а следует подойти к сыну, погладить его по голове и улыбнуться? Кто это знает! Да и многие ли отцы умеют толково разговаривать со взрослыми сыновьями? Крман вспомнил ту ночь, когда он с разрешения Василия перелистывал тетрадь с его заметками о датском принце по имени Гамлет и о Юлии Цезаре. Страницы рукописи были разделены надвое. Слева Василий сделал перевод пьес англичанина Шекспира, а справа, вероятно, были пометки самого Василия. Одна из фраз особо поразила Крмана. Вот она: «Сам ли Цезарь позднее пришел к мысли провозгласить себя императором или же обстоятельства постепенно подтолкнули его к таким действиям».

Почему это интересовало Василия? Какие мысли бродили в его голове? Задумываясь над всем этим, Крман пугался. Неужели новое поколение, в частности

его собственный сын, задумывается над такими вопросами? Что им Юлий Цезарь? С какой стати интересоваться его судьбой? Откуда Василий столько знает, если не учился в университетах, не бывал в великих столицах?

Да, очень трудно беседовать со взрослыми сыновьями. Даже если это всего лишь мысленные беседы. И какая же в этой беседе фраза должна быть первой. Может быть, обычно — «здравствуй»?

ИХ ВЕЛИЧЕСТВО ЛИЦЕДЕИ!

И вот он — Цезарь. В тоге, с венком на лысеющей голове. Со взглядом мудрым и усталым.

— *Salve Caesar!* Да здравствует Цезарь!

Он опускает руку: достаточно! Разумный правитель обязан беречь эмоции подданных. Нельзя допустить, чтобы народ растратил себя в славословиях. Тогда кто же будет строить дороги и акведуки, выращивать хлеб и виноград?

— *Salve Caesar!*

— Да, да, конечно! — буднично произносит Цезарь. — У нас с тобой взаимная любовь, великий римский народ!

Он исчерпал земную власть и славу. Ни новые победы, ни еще более щедрые подарки ничего не прибавят к имени Цезаря.

— *Salve Caesar! Vivat!*

Кто посмеет не отдать должное Цезарю, первому из людей, сумевшему стать богом? Впрочем, подлинные боги уже от рождения бессмертны. Куда труднее добиться бессмертия земному человеку. И — слава удачливому и дерзающему! Впрочем, понаблюдайте за действием. Заговорщики окружают Цезаря. Среди них те, кому Цезарь верил больше других. Кто не только не

должен был поднимать на него руку, но и обязан был защищать от любых покушений.

— Слава Цезарю! Слава!

Но он уже слишком мудр и опытен, чтобы верить этим слишком откровенным славословиям. И потому ему хочется спросить:

— И ты, о Брут мой?

— Во имя великого римского народа!

— Неужели и ты поднял на меня меч?

— Во имя республики! Смерть тирану!

— Ты стал бы моим преемником!

— Vivat Caesar! И умри!

Цезарь закрывает голову тогой, падает на пол. Нет, Цезарь был не богом, а обычным человеком, хоть и с бесстрашной душой. Но вот беда — великая душа эта была заключена в хрупкую оболочку, что, если хотите, несправедливо, обидно и нелепо.

Египетские фараоны требовали, чтобы их тела бальзамировали. Так они пытались вырвать у природы иллюзию бессмертия. Но Цезарь умен. Он знал, что уже убит, и потому накрыл голову тогой, чтобы не видеть лица собственной смерти.

— Да здравствует Цезарь! И будь ты проклят!

Неужели это маленькое тело с короткими ногами еще минуту назад было Цезарем, перед которым падали ниц державы и цивилизации!

Факелы лили на лица испуганных зрителей пляшущий свет. Трагедия свершилась. И странно было сознавать, что все это лишь театр, лицедейство. Игры взрослых людей. Уже поднялся только что рухнувший колосс — стареющий человек с набеленными щеками. Тот, кто только что был Цезарем, смиренно ждет суда зрителей — монахов и продавцов зелени, столяров и купцов. Сейчас простые горожане решат, одобрить ли того, кто только что был Цезарем, или же осудить его, аплодировать актеру или освистать его.

— Но — слава Цезарю! Не этому, так другому!

Мальчишки бегали по рядам с медными кружками в руках. В них, звякая, падали мелкие монеты — пожертвования на монастырский театр.

— Ведь я сам написал эту пьесу. Но сейчас испытываю очень странное чувство: будто подсмотрел запретное... Кто знает, может быть, лицедейство следует и вправду запретить.

— Но почему? Не ты ли сам только что хлопал актерам? Разве они плохо играли?

— Спектакль мне понравился. Даже слишком... Но мне и в голову не приходило, что театр может так будоражить людей. Я как бы на минуту сам себя почувствовал Цезарем. И это ощущение было настолько ярким, что мне стало страшно. Я на мгновение забылся. Мне стало казаться, что я могу, как сам Цезарь, повелевать Римом, казнить или миловать народ... А позднее я почувствовал, что убивают не кого-то там вдали, на сцене, а меня самого... Театр — очень опасная штука!

— Да в чем его опасность? По-моему, интересно — и только... Я бы ходил в театр каждый день... Посмотри, сколько собралось народу.

— Немало. И тут впору подумать о том, что хоть некоторые из них могли на мгновение увидеть себя Цезарем так же, как на минуту вообразил себя Цезарем я сам. Им могло передаться сладостное и пугающее ощущение всемогущества... Да, эту пьесу написал я сам. Вернее, переделал наново пьесу одного малоизвестного английского драматурга. Но писать — одно, а смотреть свою же пьесу на сцене — совершенно иное. Оставим этот разговор. Может быть, я слишком устал и многое мне видится в мрачном свете.

— Вот и чувствуется. Знаешь, что нам сейчас не помешало бы? Чарка вина и кусок горячего мяса. Именно это у меня сегодня на ужин стараниями тетушки Фелиции.

И они направились вверх по узкой улочке, к арке, соединяющей два четырехэтажных дома. Василий и Фаддей были одного роста, худощавы, белокуры. Да и походка и у того и у другого была одинаковой — легкая, свободная. Со спины, если бы не различного кроя сюртуки, юношей можно было бы спутать.

Повернув за угол, они чуть не сбили с ног худого и рано ссутулившегося человека, который шел, глядя себе под ноги и что-то пришептывая: может быть, молитву, а может быть, и проклятия. Он направлялся к площади Рынок от тонущего в сиреновом полумраке кафедрального собора — Катедры. Окна Катедры слабо светились. Собор выглядел крайне одиноким в городе, который сегодня увлекся театром. Сутулым был ксендз Шимановский, хорошо известный во Львове своим благочестием и любовью к изящным искусствам. Поговаривали даже, что Шимановский тайком пописывает стихи и распространяет их в списках, укрывшись за псевдонимом «Справедливый».

— Добрый вечер, святой отец!

— Благ вам, дети мои! — вскинул голову Шимановский. — Благ вам!

И, вздохнув, растаял в темноте.

Тетушка Фелиция уже спала. Пришлось долго стучать молотком в дверь. Отворила она минут через десять, как была — в теплом чепчике и капоте. Впрочем, в возрасте тетушки Фелиции уже не было никакого смысла заботиться о внешности.

— Я не знал, что вы уже спите... — начал было Фаддей.

— С каждым днем я ложусь спать все раньше, — сказала тетушка Фелиция, передавая ему подсвечник. — Но я не сержусь, что меня разбудили. Я вообще ни на кого и никогда не сержусь. Зачем сердиться? Это вредно для здоровья. Тем более смешно сердиться на молодых людей. Они же не виноваты, что молоды, что им хочет-

ся гулять до полуночи и делать все так, чтобы волновать людей пожилых. Молодые со временем тоже станут старыми и мудрыми. Это меня утешает...

Если тетушку Фелицию не остановить, она будет говорить день или два кряду, пока в изнеможении не рухнет на пол и не уснет тяжелым сном без сновидений. Вот почему, может быть заботясь о ее здоровье, все ее бесцеремонно перебивают...

Пока тетушка Фелиция разжигала на кухне плиту и громыкала данцигскими чугунными котлами, Фаддей провел Василия в свою комнату. Тут он зажег дешевый, но все же пятисвечный канделябр, смахнул с табурета мятые листы бумаги. Сам сел на кровать.

— Театр — что? Театр — чепуха! — сказал он гостю. — Вот погляди-ка... Как тут не вспомнить золотые слова о том, что искусство требует жертв... И больших!

У стены стояло пять совершенно одинаковых портретов. Голландские подрамники с уже грунтованным холстом — их часто доставляли через Краков во Львов. Рамы обычные, местной работы — резьба и краска под бронзу. Но важны были не рамы, не подрамники и не холст. Совершенно невероятным, ошеломляющим была удивительная схожесть портретов. Да, собственно, их никто не мог бы отличить один от другого.

Казалось, что пятеро близнецов внезапно вошли в комнату и выстроились у стены. Это были богатые и надменные люди. Тщательно завитые парики, матово поблескивающие легкие латы, шпага... Пять гордых взглядов. Десять пар кружевных манжет.

— Откуда все это? Для чего? Почему? Что за невиданный музей?

— Наш бывший государь Август, — пояснил Фаддей. — Впрочем, чтобы прокормиться, ему и Саксонии достаточно. Не обязательно владеть еще и Польшей. В неудачниках будет ходить, скорее, новый государь, Станислав Лещинский. Он ведь нечто вроде дворянина

при покаях великого Карла. Карл — вот кто герой эпохи, счастливчик, избранник богов. Его я и изображу. Таким, какой он есть: со стриженной головой, в простом синем сюртуке и ботфортах. Он воин, победитель. Цезарь наших дней. Августа я соскоблю. Вот гляди — заготовки... Это как раз для сюртука. Очень удобно. Накладываю на холст и прорезь заполняю синим цветом. Затем еще одна — это ботфорты. Их черным. Точно так же руки, лицо. Хоть десять холстов за месяц можно сделать. Правда, потом еще кое-что довести кистью...

— А зачем тебе это? — спросил Василий.

— Портреты купят. Деньги мне нужны. Наконец, не надо забывать и о славе. Самый верный способ добиться ее — связать свое имя с именем того, кто славы уже достиг. Карл на шведском престоле по счету двенадцатый, но первый — великий. Напиши о нем поэму. В благодарность Карл и тебя прихватит с собой в бессмертие.

— Он, говорят, не любит льстецов.

— Портреты будут без лести. Для начала. А когда Карл победит всех и станет из воителя правителем, лесть ему понадобится. Вспомни Цезаря, который только что на наших глазах погиб...

Их позвали на кухню ужинать. По всем правилам ужин полагалось бы подать сюда, в комнату. Но в доме у тетушки Фелиции царили патриархальные нравы. Постояльцы и даже их гости трапезничали на кухне. И то правда — пока ты не стал великим художником, веди себя скромно, как все прочие люди. А великими художники становятся обычно после смерти, когда вопрос о месте для ужина отпадает сам собой. Зато кормила тетушка Фелиция отменно. И брала за постой недорого.

— Я пойду спать, — сказала она. — Вы уж тут сами.

Приятельки воздавали должное кулинарным способностям тетушки Фелиции и толковали о разном.

— Вкусное мясо!

— Пять лет мы знаем друг друга, а ни разу не пого-

варивали по душам. Будто бы боишься чего-то. Или бережешь какую-то тайну.

— У меня нет тайн.

— Тогда почему всякий раз уходишь от прямого разговора? Тебе не понравилось, что я решил писать портреты Карла? Так скажи, что бы ты посоветовал мне делать?

— Закончишь портреты Карла — принимайся за Мазепу.

— А ведь правда, денег и золота у него побольше, чем у некоторых королей. Но человек он очень уж странный. Слухи о нем разные ходят: будто с нашим новым королем Станиславом состоит в переписке, обещает всю Украину снова под польскую корону отдать. Говорят, еще наш епископ Иосиф Шумлянский посылал к нему шляхтича Домарацкого с письмом.

— Правильно. Но что сделал Мазепа? Он отправил и самого Домарацкого и письмо в Москву. А недавно перешел с войсками Днепр и хорошенько пограбил королевские земли, а царю Петру отправил тысячу отборных коней.

— Значит, он верен Москве?

— Гетман, думаю, никому неверен. Не так давно к нему ездил львовский мещанин Русинович с письмами от некоторых варшавских панов, а вслед за ним у гетмана побывал шведский партизан Гордон, которому Мазепа выдал двадцать тысяч золотых рублей...

— Совсем ты меня запутал. Так кому же Мазепа служит?

— Скоро узнаем. Ясно одно: тех, кто ему нужен, он сумеет наградить.

Если бы беседа велась не в полутемной кухне, а светлым днем, то, может быть, Фаддей заметил бы, что во взгляде Василия сейчас не было мечтательности и отрешенности, которыми испокон веку украшали себя поэты. Так остро, тревожно, как смотрел Василий на

Фаддея, обычно вглядываются полководцы в расположение неприятеля, пред тем как двинуть свои полки в бой.

— Вкусное было мясо! Передай мою благодарность тетушке Фелиции.

Фаддей закрыл за гостем дверь, возвратился в свою комнату и долго глядел на портреты. Затем аккуратно составил их в угол.

Укладываясь спать, он, конечно, не знал, что им с Василием сегодня было суждено встретиться еще раз.

— Юлиана! Юлиана! — грянуло вдруг за окном. — Святая Юлиана!

Фаддей вскочил, вышел из дому и пошел в сторону площади Рынок.

Конечно же, первыми «святую» заметили мальчишки, которым давным-давно полагалось спать, но они, как все мальчишки на свете, ускользнули от бдительного родительского ока.

«Святая» Юлиана появлялась внезапно — то утром, то днем, то совсем уже поздним вечером. Никто не знал, живет ли она в городе или же проникает через одну из форток. И хотя страже был отдан приказ поймать «святую», сделать это никак не удавалось. Да и то правда — приказы короля Станислава Лещинского и назначенного им старосты далеко не во всех городах спешили исполнить. Особенно во Львове, который то и дело переходил из рук в руки. Не так давно здесь побывал даже царь Петр с войсками. На Правобережной Украине время от времени появлялись и конники гетмана Мазепы. Кто мог дать гарантию, что гетман через день или через месяц не двинет сюда своих казаков? А сейчас ведь оборонять Львов было практически некому. В общем, все выжидали дальнейших событий. И заниматься поимкой «святой» Юлианы, которая на самом деле была обычной

юродивой, никому не хотелось. Вид Юлианы был не то чтобы страшен, а как-то неожидан. Высокая, худая, она была грязна, как будто год не умывалась. Лицо ее, может быть даже красивое, было густо покрыто жирной копотью. Значит, ей часто доводилось ночевать где-нибудь в поле, у костров. Внимательный взгляд распознал бы, что ее рубище некогда было сарафаном и атласной кофтой. Но первоначальный цвет одежды — заплатка на заплате — теперь никто уже не сумел бы определить. На руках Юлиана держала большую куклу с черными, заплетенными в косы волосами. Причем косы эти казались настоящими, а не нитяными. Голову Юлианы венчала корона, изготовленная из какого-то металла, напоминавшего по цвету золото. Она была украшена не то камнями, не то стекляшками, которые слишком уж ярко сверкали в свете фонарей у ратуши.

— Баю-бай! — приговаривала Юлиана. — Спите, люди, сладко спите! Не подавайте голоса, а то вам голову отрубят или в Сибирь сошлют, как сослали Палия¹. Обманет тебя старый гетман лукавыми речами своими и в рабство отдаст.

— Да она шпионка московского царя! — крикнул кто-то в толпе.

— Глупости! Московский царь и Мазепа — друзья. Она на гетмана клеветает. Это шведам на руку!

Фаддея кто-то тронул за локоть. Это был Василий.

— Ты тоже здесь? Снова эта юродивая. Не слишком ли разумные речи для юродивой?

¹ Полковник Семен Палій, один из руководителей народного восстания на Правобережной Украине, входившей в состав Польши. По требованию своего союзника Августа царь Петр поручил Мазепе «унять Палия», несмотря на то что Палий ратовал за воссоединение всех украинских земель с Россией. Мазепа обманом заманил Палия к себе в ставку, где и арестовал. Позднее Палий был сослан в Сибирь.

— Пожалуй,— согласился Василий.— Взгляд бы ее поймать. По глазам можно все понять.

Ой-ля-ля! Ой-ля-ля!
Загубили Палия!

Юлиана внезапно перестала петь, снова схватила куклу.

— Баю-бай! Король Карл в Гданьске словенскую друкарню открыл. Там возмутительные письма печатают. В них сказано, что он собирается идти на Москву. Но это для обмана. На Москву он идти боится.

Наконец появилась стража. Кто-то вяло крикнул:

— Держи ее!

— Расходись!

— После вечернего выстрела на улицах не появляться!

Действительно, в девять часов, после холостого выстрела из пушки на Низком замке, всем полагалось сидеть по домам.

— Расходись!

— Вот я тебе сейчас задам «расходись»!

Кто-то ударил стражника по спине палкой. Возникла потасовка, во время которой известный городской пьяница и хулиган Романчук сорвал с головы шляхтича Челуховскую шапку. Челуховский возмущался, кричал, что его род когда-то был одним из самых древних во Львове, что его прадедушка носил титул графа и Челуховские лишились титула лишь пятьдесят лет назад, при недалёновидном короле Иоанне Казимире.

— Если ты такой знатный, так чего ради ходишь летом в меховой шапке?

Челуховский не сумел ответить. Да и что он мог сказать? Кроме собольей шапки, у него, конечно, был под Львовом небольшой фольварк, но он почти не приносил доходов и был сдан в аренду. А деньги, полученные от шведов, Челуховский давно истратил.

Пока все эти события бушевали на площади, «свя-
тая» Юлиана исчезла. Прямо-таки растворилась в тем-
ноте. Скорее всего, нырнула в одну из брам¹.

— Написать бы ее в лохмотьях, с короной на голове,
а вокруг — перепуганные лица, — сказал Фаддей.

— Пиши! — ответил ему Василий.

— За портреты юродивых не платят.

— Ну, как знаешь... Прощай. Тороплюсь.

Василий ушел твердым и скорым шагом. Он знал,
куда идет. Перемахнул через гору около Высокого зам-
ка и спустился к каменному забору, ограждавшему сад
и большой двухэтажный дом. Тут он пошел медленнее,
стал покачиваться, будто был пьян, и гнусаво забормо-
тал странную песню, которую трезвый человек, конеч-
но же, петь не стал бы:

Вот прибыл пан на небеса,
Спросил для лошади овса!
А Петр святой ему в ответ:
«В раю для конных места нет!
По раю ходят лишь пешком
И даже плачут шепотком!»

Затем Василий, будто бы утомясь, присел на боль-
шой камень. Камень этот лежал почти у самого забора,
в густой тени. Василий посидел минут пять, прислуши-
ваясь, не бродит ли кто-либо поблизости, а затем под-
нялся, легко перепрыгнул через забор в сад. Осторожно
прокрался к дому, схватившись за опору балкона, под-
тянулся и перебросил через перила ногу. В доме было
тихо, но в дальних окнах горел свет. Дверь, ведущая
с балкона в комнату, была заперта. Но решительный
поэт ножом открыл форточку, просунул в нее руку и
отодвинул шпингалет. Дверь распахнулась. Василий ти-
хо закрыл ее за собой, нащупал кресло и сел в него.

Где-то были слышны голоса и шаги. Но постепенно

¹ Б р á м а — вход в дом.

все утихло. Василий не знал, сколько просидел в темноте. Может быть, не меньше получаса. День был тяжелый и суетный. Ноги ныли. Стучала кровь в висках. Клонило ко сну. Но уснуть здесь, сейчас — это было бы совершенно некстати. Василий заставил себя подняться и подвинуть кресло к окну. Затем, подперев щеку рукой, стал глядеть на угомонившийся, темный и уже спящий город. Огни светились лишь на нескольких башнях, на центральной площади, у ратуши, и у двух пешеходных калиток. Да не дремала еще высокая, рванувшаяся шпильем к небу Катедрa. Звезд не было. А темнота казалась такой густой и плотной, что хоть ножом ее режь на кирпичи и строй из них дом. Собственно, почему обычный дом? Правильнее — дворец. И назвать его следовало бы дворцом Тьмы. И в таком дворце, конечно же, нашлось бы место царице Ночи, женщине красивой, но слишком уж гордой и жестокой. Она по своему усмотрению насылала бы тьму на целые страны и города. И тогда в одних местах все время светило бы солнце, а в других — постоянно господствовала бы ночь... Ну да, он опять начал фантазировать, как десятилетний мальчишка. Когда же он избавится от этой странной особенности, которой взрослым людям подобает стесняться?

Дверь скрипнула, блик света упал на лицо Василия. Вошла панна Мария со свечой.

— А, это ты? — сказала она так буднично, словно в появлении Василия в ее будуаре, да еще в столь позднюю пору, не было ничего необычного. — Что-то случилось?

— Да, случилось! — сказал Василий, поднимаясь с кресел. — У тебя мокрые волосы... Почему?

— Но это так просто. Я всегда умываюсь перед сном.

— А заодно смываешь с лица грим?

— Я не пользуюсь даже обычными румянами. Зачем ты пришел? Тебя видели?

— Кто бы стал за мной следить? Разве что твой Лянскоронский.

— Ну, Лянскоронскому это ни к чему. То, что ты здесь бываешь, для него не секрет. Я о другом. В последние дни вокруг дома бродит странного вида человек с повязкой на лбу.

— Переодетый Лянскоронский. Если ты расхаживаешь по городу в виде святой Юлианы, то почему Лянскоронскому не одеться в рубище, не повязать себе лоб и не побродить вокруг твоего дома? Каждый развлекается как умеет... Я узнал тебя по походке и по глазам.

— Тебе ли попрекать меня? Для чего это? Что же касается пана Венцеслава Лянскоронского, то он, по крайней мере, хорошо воспитан. Нравитесь вы друг другу или не нравитесь, но пан Венцеслав умеет перешагнуть через личные чувства. Он прислал цветы и записку, из которой следует, что ему очень понравилась твоя пьеса о Цезаре.

— Уже успел!

— К людям надо быть добрее.

— К людям вообще надо быть добрым. Но сейчас мне хотелось бы поговорить о другом. Все же для чего тебе понадобилось разыгрывать святую Юлиану?

— Но ведь мы с тобой знаем, что рано или поздно Карл пойдет на Москву и Киев.

— Это знают все. Знает сам Карл, знает царь Петр, знают даже львовские мальчишки. Ты не ответила на мой вопрос: для чего нужна Юлиана?

— Не знаю,— сказала панна Мария.— Мне этого захотелось, вот и все. А почему ты пишешь стихи и пьесы? Наверное, для того, чтобы в чем-то убедить людей, рассказать им нечто, чего они не знают. Я ничего не пишу, кроме писем. Вот мне и остается играть в святую Юлиану.

— Странно,— покачал головой Василий.— Ты знаешь, как я отношусь к тебе.

— Если верить твоим словам...

— Да, моим словам всегда надо верить. Лучшее, что я написал и напишу в будущем, будет посвящено тебе.

— Спасибо... Но погляди за окно. Какая ночь! Кто знает, доведется ли нам еще раз любоваться такой. Жаль, что уже поздно и тебе пора уходить.

Она приотворила окно. Василий понял, что его вежливо, но твердо выпроваживают. Панна Мария умела тихо, незаметно настоять на своем.

— Прощай. Вернее — до завтра. Я не лягу, пока ты не доберешься до дому. Не забудь поставить на подоконник свечу.

Он возвращался знакомой тропой, ведущей мимо могил крестоносцев на Высоком замке. Город спал. Погасли огни, если не считать нескольких тусклых фонарей у застав. Думал Василий о панне Марии. Да, собственно, он о ней никогда и не забывал — ни на час, ни на минуту — с того самого дня, когда увидел ее в доме Венцеслава Лянскоронского. Мчался ли в Пряшев, чтобы повидать отца, работал ли до полуночи над пьесой, он помнил, что есть на земле панна Мария, женщина, каждая встреча с которой была для него праздником, карнавалом, когда небо расцветает золотыми огнями фейерверков... Но почему же тогда их беседы с Марией так странны, почему они порой превращаются чуть ли не в жестокие споры? Ему казалось, что чего-то очень важного он никак не может панне Марии объяснить. Например, что он пишет вовсе не для того, чтобы прославиться. И даже не для того, чтобы навязать свои взгляды и мнения другим.

Возвратившись домой и поставив на подоконник свечу (чтобы Мария знала, что добрался благополучно), Василий сел писать ей письмо, хотя было странным, живя в одном городе, слать друг другу послания.

И вспомнилось Василию время, когда он с матерью жил в селе Залужном на Брацлавщине. Дом их стоял на площади — майдане, напротив единственной в Залужном церквушки. Отца Василий не помнил. Никто в селе его никогда не видел. А самого Василия за глаза называли безбатчонком. Брацлавщина переходила из рук в руки. То здесь появлялись отряды Семена Палия, то казаки, то прымчаки. И Анна выбегала к тыну¹, услышав дальний конский топот, прикладывала руку к глазам и вглядывалась в пыльный, клубящийся тракт. Они с сыном жили вдвоем в большой хате, доставшейся Анне от родителей. Ее отец ушел на Сечь совсем еще молодым, когда Анне было два года. И с тех пор о нем не было ни слуху ни духу. Может, сложил голову в одной из схваток с ляхами или татарами, а может, попал в плен, продан на рынке невольников в Кафе и доживает свои дни на галерах. Матери Анна тоже почти не помнила. Та умерла во время эпидемии чумы, а Анну воспитала тетка, сестра отца.

В глазах Анны всегда жила печаль. Даже тогда, когда она пела песни над люлькой сына или рассказывала ему сказки...

— А где наш батько? — спрашивал Василий. — Он приедет к нам?

Анна гладила сына по голове: да, конечно, отец обязательно приедет, а сама украдкой вытирала кончиком платка слезу.

Уж не потому ли она так часто бегала к тыну глядеть на дорогу? Наверное, и сама ждала, что вот-вот к их дому прискачет тот, кого ждут здесь уже много лет...

После обеда, в самую жару, подоив корову и опустив в колодец кринку с молоком, Анна шла к тыну и, глядя вдаль, стояла там долго, неподвижно сложив на

¹ Ты н — плетеная ограда вокруг усадьбы.

груди руки и по-старушечьи что-то нашептывая. Но однажды она с криком ринулась к дому, схватила Василия и вместе с ним бросилась к вырытому на огороде погребу:

— Татары!

Это был один из небольших татарских отрядов, которые, пользуясь смутой и неразберихой, царящей в Королевстве Польском, время от времени появлялись на Правобережной Украине.

Татары пробыли в Залужном два дня. И вели себя на редкость вежливо: спалили всего две хаты на окраине и побили человек пять мужчин, пытавшихся оказать сопротивление. Но что было совершенно неожиданным, так это то, что они почему-то зарубили попа и стали постоем у церкви. Обычно церквей и священников они старались не трогать. Возможно, залужский поп оказался храбрецом и наговорил татарам дерзостей. Этого никто так никогда и не узнал.

Ночью татары жгли вокруг церкви костры, жарили на огне конину. А утром один из них зарубил на майдане девочку, шедшую в церковь поставить свечу. Василий с матерью уже в ту пору выбрались из погреба и сидели в саду под вишнями, дожидаясь, когда страшные гости уберутся наконец из села.

— Ой! — закричала вдруг мать. — Ой, неужели дитя убьют?

Конник гнался по площади за девочкой.

— Так она ж сиротка! — еще раз крикнула мать.

Затем она схватила Василия, повернула его спиной к площади и прижала к себе...

Через день, когда татары уже умчали, а девочку похоронили, мать застала Василия за странным занятием. Он бегал по саду, а затем вдруг падал в бурьян и некоторое время лежал неподвижно. Но вскоре снова поднимался, бежал и падал.

— Сынку, что с тобой?

Василий молчал.

— Что это ты бегаешь и падаешь? Может, заболел?

— Нет, я здоров.

— Для чего ж ты на землю кидаешься?

Вечером, ложась спать, Василий позвал мать. Он признался ей, что хотел понять, что чувствовала девочка, когда за ней гнался татарин, как видела она землю в последнюю секунду жизни. И вдруг заплакал.

Мать долго гладила сына по голове и тоже плакала. О чем думала она тогда? О своем отце, ушедшем воевать? О том, что и сын когда-нибудь пойдет вслед за дедом?..

Но Василий не ушел на Сечь. Не стал и пахарем. В десять лет он уже читал и писал. В семнадцать — уехал во Львов, где год был библиотекарем у шляхтича Лянскоронского, а затем жил, перебиваясь случайными заработками в типографии, куда его приглашали «искать ошибки в книгах». Василий моментально находил опечатки в только что набранных и оттиснутых страницах.

Вот и вся его биография. Пока что короткая. Да ведь и лет ему немного...

Об этом почти до утра и писал панне Марии письмо Василий. Не только тогда, с загубленной татарами сироткой, но и позднее он часто старался почувствовать, понять, каково тем, кому холодно, больно, страшно...

Но письмо не дошло до адресата. Утром Василий перечитал его, сложил вчетверо и изорвал.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

Человек мчал лесной дорогой, прижав к боку большую кожаную сумку. При пистолетах и сабле, с тонким панцирем под камзолом, он пришпоривал коня, опасно осаживал его на поворотах и надеялся еще засветло добраться до постоянного двора.

Чувство тревоги никогда не покидало этого человека. Вот уже десять лет служил он почтовым курьером, и все десять лет только и успевал, что переседлывать коней и, отправляясь в путь, тщательно заряжать пистолеты. У него не было врагов или недоброжелателей. Вообще человек этот был тих и незлобив. Но он служил почтовым курьером — нелегкая и опасная работа. Курьеров грабили, на них нападали. Очень часто курьеры исчезали бесследно.

За ними охотились не только потому, что искали в их сумках деньги. Не менее важны были и письма. Ведь по письмам можно было узнать, что замышляет воинственный вельможа или знатный купец. Наконец, представить себе, чем живут, о чем мечтают жители соседней державы. Уж не вознамерились ли они вступить в союз с кем-нибудь? Это тоже опасно. В союзы вступают обязательно против кого-то. Так против кого же именно?

Правда, издавна существовала и голубиная почта. Но голубей легко научились сманивать. Птице, как известно, не дан человеческий разум. Она не всегда знает, где друг, а где враг. Это поняли еще древние римляне, которые поначалу охотно использовали для передачи спешных посланий внутри своей огромной столицы быстрокрылых ласточек. Ласточек хоть никто и не сманивал, зато они часто приносили привязанные к груди записки совсем не в те дворы, где их ждали. В общем, двух тысячелетий оказалось достаточно, чтобы люди убедились в ненадежности пернатой почты. И потому уже в начале XVIII века письма чаще слали со специальными нарочными или почтовыми курьерами.

Почты были открыты во всех больших европейских городах. Была она и во Львове. Ее основал Роберт Бандинелли, внук знаменитого скульптора Бартоломео Бандинелли, автора статуи Геракла на

площади Синьории во Флоренции. Внук скульптором не стал. Может быть, таланта не хватило или же увлекла жажда странствий. Поездив по Европе, он осел во Львове, построил большой дом, в котором и открыл почту. Его девизом было: «Письмо, отправленное с нашим курьером, обязательно найдет адресата!» У курьеров львовской почты от времен Бандинелли была строжайшая инструкция в случае малейшей опасности поворачивать коня и нестись назад без оглядки, спасая драгоценную кожаную сумку и честь фирмы.

О Роберте Бандинелли можно было бы рассказать много любопытного. Он увлекался еще аквариумными рыбками и, говорят, умудрился даже вывести новую, доселе неизвестную породу. Но сейчас — о курьере. Итак, человек мчал лесной дорогой, прищипывая коня и тревожно поглядывая вперед: не колыхнется ли где-нибудь ветка, нет ли где признаков засады? И все же он просмотрел ее. Блеснул свет, что-то колючее ударило его в плечо. Секунду спустя долетел звук выстрела. Но курьер не растерялся. Он бросил коня влево, между деревьями, потом осадил и помчал назад. На этот раз кожаная сумка была спасена. Курьер оказался находчивей и тверже характером, чем те, кто поджидал его в засаде. Раненный, истекающий кровью, он все же ушел от преследователей и спас драгоценную сумку.

Курьер почти загнал коня. Зато все письма хоть с опозданием, но все же нашли адресатов. А за ранение и проявленные смелость и присутствие духа курьера наградили десятью талерами — суммой по тем временам очень большой. Бедный человек даже обрадовался своему несчастью. Если бы за каждую рану столько платили, он готов был бы ежедневно подставлять себя под пули. Ведь у него семья — хвора́я жена, старая мать и трое детей... И крови-то из

раны вытекло не так уж много. Сам курьер полагал, что никак не на десять талеров.

Но оставим пока на время курьера и обратимся к письмам.

Письма в ту пору принято было хранить в специальных бронзовых или деревянных, украшенных перламутром и интарсией¹ ларцах. Никто не спешил их сжигать в камине. Берегли десятилетиями, передавали от деда к внуку. И у нас с вами есть возможность познакомиться с некоторыми из них.

Письма Мазепы к Мотре Кочубеевой

Письмо первое

Мое сердечко, моя квитка рожана, розовый цветок!

Сердце мое разрывается оттого, что далеко от меня уезжаешь и я не смогу глаз твоих и личика бленького видеть, этим письмом кланяюсь и все пальцы твои целую любезно.

Письмо второе

Мое сердечко!

Загрустил, засумовал я, узнав, что ты плохо обо мне мыслишь, потому что я тебя у себя не задержал, но отослал домой. Подумай сама, что из этого получилось бы.

Первое, это то, что твои родичи на весь мир раскричались бы, что я взял у них дочку силой, гвалтом и держу у себя в наложницах.

¹ И н т а р с и я — деревянная отполированная мозаика, составленная из разноцветных кусочков дерева различных пород.

Вторая причина та, что было бы нам неблагословение от церкви и проклятие, чтобы нам с тобой не жить. Куда бы я в таком случае делся?

Письмо третье

Мое сердечко любимое!

Прошу и очень прошу — согласись со мной пови-
даться для устного разговора. Если меня любишь,
не забывай же, если не любишь — не вспоминай!
Вспомни свои слова, что любить обещала, на что мне
и рученьку беленькую протягивала.

Письмо четвертое

Сердечно любимая, самая милая и самая любез-
ная Мотренька!

Более смерти себе самому желаю, чем такой в
Вашем сердце перемены.

Вспомни только свои слова, вспомни свою клятву,
вспомни свою ручку, которую мне неоднократно про-
тягивала, пойдешь за меня замуж или не пойдешь,
до смерти любить обещала.

Вспомни, наконец, последнюю нашу беседу, когда
ты гостила у меня. Пусть бог неправого накажет, а
я, хоть любишь меня, хоть не любишь, до смерти тебя
сердечно любить не перестану, на злобу всем моим
врагам.

Прошу, мое сердечко, у тебя свидания. Больше уж
не могу терпеть и врагам своим отомщу. Как — сама
увидишь.

Мои письма счастливее, потому что в твоих руках
бывают, чем мои бедные глаза, которые тебя не ви-
дят.

Судя по всему, старым гетманом владели страсти нешуточные. Он то отталкивал Мотрю, убеждал не гневить бога и людей, то пылко клялся ей в любви...

Можно было только догадываться, как метался он, что говорил Марии с глазу на глаз, если даже по письмам видно то необычайное душевное смятение, которое овладело Мазепой на склоне лет его.

Дело дошло до того, что гетман написал грозное послание и своему старому товарищу, отцу Мотри, генеральному судье.

Пан Кочубей! Пишешь нам о каком-то своем сердечном горе, но следовало бы тебе жаловаться на свою гордую, велеречивую жену, которую, как вижу, не умеешь или не можешь сдерживать: она, а никто другой причиной твоей печали, если какая теперь в доме твоём обретается... Не можешь никогда быть свободен от печали и обеспечен в своем благостоянии, пока не выкинешь из сердца своего бунтовщического духа, который не столько в тебе от природы, сколько от подущения женского, и если тебе и всему дому твоему приключилась какая беда, то должен плакаться только на свою и на женину проклятую гордость и высокоумие. Шестнадцать лет прощалось великим и многим вашим смерти достойным проступкам, но, как вижу, терпение и доброта моя не повели ни к чему доброму. Если упоминаешь в пашквильном письме своем о каком-то блуде, то я не знаю и не понимаю ничего, разве сам блудишь, когда женки слушаешь, потому что в народе говорится: где хвост управляет, там голова в ошибки впадает.

После таких объяснений пути назад, к миру с генеральным судьей Кочубеем, у него уже не было...

Монархи, министры, военачальники, наверное, считали, что совершают свои дела в глубокой тайне. Но за каждым их действием наблюдали тысячи глаз. Письма, которые вы только что прочитали, лишнее подтверждение тому. Кстати, они могли бы очень пополнить архив Крмана. Но, к сожалению, Крман об этих письмах знать не мог.

ЕЩЕ НЕМНОГО ОБ ИСТИНЕ И ДАНИИЛЕ КРМАНЕ

В тот день Крману повезло. Во всяком случае, сам он так считал. Старый приятель переслал ему неизвестно где и как добытые письма некоего Петра Богуша из Кракова своему родственнику в Пшемьсл. В письме шла речь о событиях десятилетней давности, но Данилу показалось, что теперь ему понятно, как возник союз между Петром и Августом и почему сейчас все европейцы воюют друг с другом.

Спешу сообщить тебе,— писал Петр Богуш,—любезный друг, что царь Петр не менее странен, чем его другие августейшие собратья. Верный человек, знающий все, что происходит при дворе, рассказал мне, что русский царь прибыл в Дрезден инкогнито и потому без всякой торжественности. На нем был короткий черный испанский кафтан с откидными рукавами, узкие панталоны и простые голландские башмаки, на гладко выбритой голове — черный берет, какой носят в некоторых местностях священники. Выходя из экипажа, он закрыл этим беретом лицо, чтобы не быть узнанным. Его свита и генерал Дю-Фор шли впереди. Проходя по ярко освещенным комнатам, они гасили большинство свечей, но саксонские кавалеры спешили их сейчас же зажечь, что не понравилось царю, и он начал сам задувать свечи и

гасить их берегом. Вечером был устроен блестящий ужин у Вирнайских ворот, в знаменитом итальянском дворце, расположенном среди большого сада, ужин затянулся до трех часов утра, после чего царь отбыл для осмотра в известную крепость Кенигштейн. Он прибыл сюда в шесть часов утра, но до семи часов не выходил из кареты и спал. Осмотрев крепость, Петр остальную часть дня весело провел за столом при несмолкаемом грохоте пушек и наслаждаясь прекрасным концертом. Затем он пешком спустился с горы и уехал в Вену через Богемию... Как ты понимаешь, милый друг, это тоже очень странный государь, от которого надо ожидать не менее странных действий. Так помолимся же богу, что Россия далеко! Аминь!

Ровно через месяц этот же Богуш, видимо внимательно следивший за событиями в мире, написал по тому же адресу еще одно любопытное письмо:

В дополнение к тому, любезный друг, о чем уже говорил, спешу сообщить, что теперь можно считать, что союз между Саксонией, Польшей, Данией и Россией заключен. Из этого следует, что большая война неизбежна. Можно предположить, что лет через десять-двадцать цивилизованный мир будет выглядеть не так, как он выглядит сейчас. Оснований для такого вывода достаточно. Вот последние новости.

Верные люди рассказали, что по прибытии в Вену царь Петр получил известие о бунте стрельцов и тотчас же направился обратно в Россию. Во время этого путешествия произошло свидание царя с королем Августом в Раве, местечке поблизости Львова.

11 августа 1698 года царь прибыл инкогнито в Раву в сопровождении немногочисленной свиты и был принят

королем со всем почетом, возможным по условиям места. На следующий день после совместного обеда короля с царем они оба отправились в лагерь, где король показал царю находившиеся тут саксонские войска, после чего обоим коронованным посетителям было предложено саксонским министром графом Флеммингом роскошное угощение. К вечеру оба вернулись в Раву, и там днем начался блестящий пир, продолжавшийся до двух часов ночи, где царь был очень весел и доволен. Королевский придворный штат и саксонские войска были отосланы в ваш Львов. После предложенного завтрака царь тоже двинулся в путь в Москву. Король сопровождал его до Замостья, где сделал смотр расположенному там восьмистысячному отряду саксонских войск. На прощанье оба величества обменялись драгоценными подарками: царь подарил королю на память необыкновенной величины сапфир и саблю, а король царю — палку, усыпанную бриллиантами. Из Замостья король вернулся обратно, а царь продолжал путешествие в Москву, и до границы его сопровождал отряд королевской конной гвардии из 170 человек.

Крман трижды перечитал письмо. От волнения у него даже вспотели ладони. Неужели все союзы заключаются так просто? Решили два монарха объединиться и повоевать с третьим — и вот уже десять лет в Восточной Европе гремят орудия. Да и на Западе они не умолкают. Там идет дележ «испанского наследства», а попросту — Франция, Англия и Австрия не могут договориться о том, кого следует посадить на освободившийся в Мадриде трон.

Крман поднял голову от бумаг — у двери стучали. Вскоре в комнату впустили Самуила Погорского, словацкого шляхтича, ярого лютеранина и доброго знакомого князя Ференца Ракоци.

— Вот грамота,—сказал он, поздоровавшись.— Князь посылает нас искать помощи или в Пруссии, или у Карла. Царь Петр не ответил князю.

— Царю не до нас.

— А нам не до него. Но из Вены выступили еще три полка. И скоро будут здесь. Дела плохи. Надо спешить к Карлу.

— Все это надо взвесить.

— Что взвешивать? Пора действовать.

— Если бы знать, какое действие принесет успех, а какое разочарование!

Погорский пожал плечами:

— О чем мы толкуем? Европа в огне. Карл разгромил изменившего вере Августа Саксонского и скоро поставит на колени не только Данию, но и Россию с Польшей. Казаки на Украине выделяются в особое княжество.

— Откуда такие сведения?

— Они достоверны. Гетман Мазепа ищет путей к сближению с Карлом.

— Гетман—это король? Или он на том же положении, что и польские гетманы?

— Нет, он князь казаков, хоть и подчиняется временно московскому царю.

Крман вздохнул и подошел к шкафу с книгами, отыскал там еще одну папку.

— Фамилия этого князя казаков пишется с одним «п» или с двумя?

— Не знаю,—растерялся Погорский.— Лучше написать два. Одно всегда можно зачеркнуть.

— Трагедия в том, что мы ничего не знаем! — вздохнул Крман.— Мы даже не знаем, есть ли у казаков король и сколько «п» в его имени.

— Постой! — Погорский подошел к окну.— Там кричат. Что-то горит. Люди бегут... Да это ведь наша коллегия!

— Не может быть!

— Что значит «не может быть», когда она все же горит!

— Но там наша библиотека! Там рукописи, книги! Это не должно погибнуть!

Крман и Погорский выбежали из дому. Да, действительно, над крышами двухэтажных домов стлался едкий черный дым. Его быстро уносило ветром к горам.

— Как назло, и погода ветреная! — воскликнул Погорский. — Лучшей для поджога не придумать.

Когда они подошли к месту происшествия, гасить было уже нечего. Коллегия сгорела вместе с документами, библиотекой, с хранившимися в зале картинами.

— Кто это сделал?

— Понятно — католики. И думаю, что это только начало.

— Неужели есть на свете столь подлые люди, которые сознательно могут предать огню книги?

— Даниил, ты не ребенок, откуда такая наивность? Раз князь Ракоци восстал во имя истинной веры, для блага всех протестантов, то католики ответят нам огнем и мечом. Чего иного ты ждал? Если не дать отпора, истребят не только наши коллегии и библиотеки, но и нас и детей наших. Ничего не пощадят.

— Отчего люди так злы?

— Почему я знаю, отчего они бывают добрыми или злыми! Не об этом надо сейчас думать, а о том, как побыстрее добраться до шведского короля. Он поможет нам в борьбе с католиками. Только он — настоящая сила.

— Едем! — тихо сказал Крман. — Знаем ли мы или не знаем, кто прав, кто виноват, а нужен нам сейчас, конечно, Карл. Я не спорю. Да и к нему ближе, чем к остальным. Истина, где ты?

— Поищем ее в пути! — ответил Погорский. — Или проживем без нее. Была бы помощь Карла...

— А ты уверен, что Карл поможет?

— Никогда и ни в чем нельзя быть окончательно уверенным! — нервно дернул плечом Погорский. — Но и пребывать в бездействии уже нельзя. Поджог нашей коллегии, гибель библиотеки — начало большого наступления Габсбургов на всех протестантов.

— Да, конечно, — согласился Крман. — Я все понимаю. Я просто хотел бы подумать. В спешке правды нет.

— О чем думать? Ждать, пока нас всех перебьют? Вперед!

— Мы поедем через Львов?

— Не знаю. Вряд ли. Удобнее, наверно, через Краков.

— Жаль.

— У тебя дела во Львове?

— Нет. Но там живет один мой хороший знакомый.

— Знакомый подождет. Сейчас не до разговоров. Надо ехать.

— Хорошо! — решился Крман. — Хоть завтра утром.

Впрочем, выехали они вовсе не на следующее утро, а лишь через три месяца. Их задержали в Пряшеве не только дела, но и отсутствие каких бы то ни было вестей о местонахождении Карла XII и о его дальнейших планах.

Грустно было Крману покидать милый родной сердцу Пряшев. Казалось ему, что там, в мире бескрайнем и беспокойном, ждут их с Погорским тяжелые испытания или даже гибель. Потому-то накануне отъезда Даниил долго бродил по уютным улочкам городка, затем вышел в поле, сел на пригорке и долго глядел на голубые, поросшие смереками¹ холмы. Издалека доносилась песня косарей. Самих косарей не было видно. Лишь голоса их стелились над полем и улетали высоко-высоко, к белым крутолобым облакам, степенно, как корабли по морю, плывшим в сторону далеких гор.

¹ Смере́ки — хвойные деревья; растут в Карпатах и Татрах.

Плывет утка вдоль ручья.
Женка, не брани меня.
В тяжкую живем годину.
Сам не знаю, где загину.

Надолго запомнились Крману солнечный день и песня. Позднее он вспоминал об этих минутах, как о тихом рае, пригрезившемся в сладком предутреннем сне.

Дорога их была долгой и нелегкой. Во Львов они так и не попали. Хотя этот город частенько ему снился, Крман смотрел эти сны, вглядывался в неведомые ему улицы, тяжело ворочаясь под гусиными перинами, которыми снабжали путников на постоялых дворах, просыпался, вздыхал. Как может сниться город, которого даже на картинке не видывал? И почему-то Василий снился ему верхом, хотя наверняка по Львову он ходил пешком... Ну, а сам Львов в этих снах виделся Крману с голубыми, розовыми и зелеными крышами, фонтанами на улицах и какими-то набережными, у каменных основ которых плескались волны не то бирюзового моря, не то столь же бирюзового гигантского озера... Да что возьмешь со сновидений? Они капризны, своевольны и не считаются с реальностью. Что им до того, что во Львове нет ни моря, ни озера, а лишь узенькая и грязная речка Полтва?

Так ли, иначе ли, но у Даниила Крмана появилась возможность, глядя в окно повозки, поразмыслить о том, что истина, может быть, специально сокрыта от людей. Ибо познай они ее, жизнь стала бы до того простой и понятной, что наступила бы скука, которая, наверное, страшнее смерти.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

На этот раз вы познакомитесь с несколькими документами, имеющими отношение не только к разным людям, но и к разным странам. Вот они.

Донесение агента саксонского курфюрста графа Сан-Сальвадора своему покровителю

«...Иоганн Фридрих Беттигер еще в двенадцать лет обнаружил склонность к алхимии. Он поступил учеником к одному провизору в Пруссии. Позднее Беттигер стал работать сам. Говорят, что он действительно сделал несколько удачных опытов. Это привлекло всеобщее внимание и возбудило много толков по всему городу. Слух дошел и до двора. Король Фридрих I велел тотчас арестовать молодого лаборанта, занимающегося тайными изобретениями. Но Беттигера предупредили вовремя, и ему удалось благополучно скрыться из Берлина в Виттенберг.

Теперь он находится в саксонских владениях, и вряд ли было бы разумным выдавать его пруссакам».

Как можно догадаться, Август тут же ухватился за идею: вдруг молодой алхимик преуспееет в своем деле? Ведь золото столь необходимо, чтобы скупать престолы, симпатии современников, благосклонность римского первосвященника. Даже для того, чтобы просто переменить одно вероисповедание на другое, тоже необходимы деньги. И Август решил вопреки требованиям прусского двора Беттигера, как саксонца по происхождению, не выдавать. К юному алхимику приставили штатгальтера¹ графа Фюрстенберга. Алхимик произвел несколько опытов в присутствии штатгальтера, затем передал ему на сохранение небольшой пузырек со специальной ртутью, заклиная графа не делать никаких опытов при короле до поры, пока он, Беттигер, не сотворит специальные заклинания. Фюрстенберг во всем этом ничего не понял, но

Ш т а т г а л ь т е р (нем.) — правитель области, наместник.

поспешил с пузырьком к Августу. И надо же было, чтобы во время доклада королю (Август тогда еще прочно восседал на польском престоле) в комнату вбежала собака, махнула хвостом и разбила пузырек. Ртуть, вылившись на паркет, рассыпалась на сотни юрких блестящих шариков. Король и штатгальтер бросились ее ловить. Напрасно! Хотели наказать собаку, но что возьмешь с бедной бессловесной твари, которая только то и умеет, что выслеживать птицу! Алхимия с ее премудростями собаке была явно не по духу.

Когда Беттигер узнал об этом, он схватился за голову и застонал: ртуть, оказывается, была особого свойства. Найти такую было очень трудно. Беттигер утверждал, что она была привезена из Индии.

Тем не менее король и граф на следующую же ночь приступили к опытам по инструкции Беттигера, используя для этого обычную ртуть. К утру в тиглях, конечно, не было ни грамма золота, зато образовалась какая-то невероятно крепкая масса, которую невозможно было выковырять ножом. Беттигера как не оправдавшего доверия перевели под стражу — в замок. По словам коменданта, там он «бесился, как лошадь, ревел, как бык, скрежетал зубами, ползал вдоль стен и вибрировал телом с такой силой, что два солдата не могли с ним справиться. При этом он много пил, иногда до двенадцати кувшинов пива, не чувствуя опьянения».

Тогда решили сменить педагогическую систему и впредь воспитывать алхимика добром и лаской. Беттигера выпустили на волю. Определили ему содержание, которое за три года обошлось казне в сорок тысяч талеров. Оказалось, что алхимик — парень весьма веселого нрава. Любит кутежи и одаривает любезных ему девиц нарядами. Конечно, при такой жизни заниматься алхимией было некогда. Чувствуя, что над

ним нависает беда, Беттигер попробовал было бежать в Австрию, но был пойман и возвращен Августу. Вновь к нему приставили стражу. Правда, он получил в свое полное распоряжение хорошее помещение, лабораторию. Беттигеру для поднятия духа приводили под конвоем товарищей для пирушек. Но ежедневно напоминали: нужно золото!

И еще одно письмо, касающееся дел саксонского курфюрста. Оно принадлежит бывалому воину, немного даже писателю (он издал две книги), искателю приключений и легких денег, итальянцу по происхождению, сначала австрийскому, а затем и польскому офицеру Джулио Лигви. Отправлено оно было из Кракова на родину Лигви — в Венецию.

«Если бы Август с Карлом XII дрались на кулаках, то дело воинственного шведа было бы гиблым. Кроме того, Август не трус. Он храбро, а подчас безрассудно бросается на любого неприятеля. Не щадит ни войск, ни себя. Но странное обстоятельство: король умудрялся проигрывать все битвы, которые начинал. Пока что это обошлось его государству в 88 миллионов талеров. Кроме того, бесследно исчезли в пороховом дыму 800 пушек и 40 тысяч отборных гвардейцев. В чем дело? Почему так не везет Августу на поле брани? Не помог и союз с русским царем Петром. Юный Карл XII для начала разгромил войска Августа под Ригой. И Августу пришлось униженно просить мира. Карл непреклонен. Он не отвечает на послания, как будто неграмотен».

Август отправил в лагерь к противнику свою недавнюю фаворитку — красавицу Аврору Кенигсмарк, шведку по происхождению. Карл и Аврора были зна-

комы еще с детства. И Аврора решила, что король, который слыл рыцарем, не станет выдворять из лагеря свою добрую знакомую, к тому же еще красавицу. Такой поступок был бы не рыцарским. Но Карл поступил иначе — он просто не пустил Аврору в лагерь.

Смелая женщина подкараулила короля в ущелье, где уклониться от встречи было невозможно. Аврора и Карл оказались лицом к лицу на тропке, где никак не удалось бы разъехаться двум конникам. Аврора улыбнулась юному воителю и собралась было произнести давно заученную речь.

— Государь и победитель! — начала она.

Но Карл снял шляпу и, не произнеся ни слова, повернул свою лошадь и ускакал прочь.

Тогда Август послал в шведский лагерь своего любимца, краснобая, ловкого дипломата графа Вицтума. Граф мог заговорить кого угодно, даже ничего не понимавшего по-немецки султана турецкого. Но шведский король посадил Вицтума под замо́к, продержал в плену три месяца, а позднее, ничего не объяснив, выдворил за пределы лагеря.

Волей-неволей войну пришлось продолжать. Карл гонял Августа по всей Польше. Время от времени настигал и устраивал разгром. В конце концов Август растерял все полки и удрал в свою наследную Саксонию, где о нем за последние семь лет, пока он был на польском престоле, начали понемногу забывать. Но и это курфюрсту не помогло. Посадив на польский трон Станислава Лещинского, Карл двинулся вслед за Августом. В короткой битве при Фрауштадте саксонское войско было истреблено. Август приказал населению страны бежать в леса, уходить в Богемию и Силезию. Но шведы успели занять все центры страны еще до того, как подданные Августа собрались в путь. Карл назначил для Саксонии еже-

месячную контрибуцию в 625 тысяч талеров, причем обложил налогами и дворянство, чего раньше в Саксонии не случалось. Дворяне бросились в ноги завоевателю: у них ведь не остается денег даже на содержание коней, а каждый рыцарь должен иметь хорошего коня!

— Рыцарь? Коня? — переспросил Карл, и все узнали, что голос у шведского короля тихий, а говорит он медленно и спокойно. — Оставьте, господа! Если бы вы были рыцарями, то я не был бы здесь. Ходите пешком. Это полезно для здоровья! У меня такое впечатление, что не кони должны быть при вас, а вы при конях. Прощайте!

И Август вынужден был пойти на унижительный Альтранштадтский мир. Он навсегда отказался от польской короны в пользу Станислава, официально объявил о расторжении всех договоров с Россией, освободил захваченных во время войны пленников. Впрочем, при встрече Август и Карл обнялись и расцеловались, вместе обедали, будто между ними не было никаких войн. Саксонский курфюрст в дорогом, расшитом золотом французском наряде, в большом парике с буклями суетливо заглядывал в глаза молодому шведу с коротко стриженной головой, одетому в ботфорты и очень простой сюртук из недорогого синего сукна. Карл уже уверовал в свою звезду, и ему не нужны были декорации. Получая от Августа приглашение на обед, он вместо себя посылал кого-нибудь из министров. Август же должен был являться на каждый зов победителя. Ему пришлось однажды обедать у Карла вместе с новым польским королем Станиславом Лещинским. Конечно же, швед устроил эту встречу, чтобы унижить своего недавнего соперника...

ВЕЛИКИЙ ПРОТИВ СИЛЬНОГО

Как-то раз курфюрст Август чуть было не сошел с ума. Почему? Это не такая простая история... Еще раз напомним, что Август Сильный вправду был невероятно силен. Впрочем, сила не пришла к нему сама по себе. В детстве Август хоть и превосходил сверстников ростом, но был худ, как жердь, и слаб, как цыпленок. Но он поставил перед собой цель с помощью упражнений стать таким же, как Геракл. До идеала своего Август все же не дотянулся. Он полагал, что роковым оказалось потерянное время. Ведь Геракл уже в колыбели успешно душил опасных змей. Да и затем не уставал заниматься различными подвигами, которые, как известно, закаляют не только душу, но и тело. И все же непрерывные занятия гимнастикой, плаванием и конной ездой сделали свое дело. Август мог сшибить с ног гвардейца, смело хватал под уздцы норовистых лошадей, и те, почувствовав мощную руку, застывали на месте, пугливо водя глазами и прижимая к голове уши.

Так вот, однажды, как говорили в Дрездене, «бог на день лишил курфюрста рассудка».

Началось все с того, что курфюрст велел звать к себе придворного шута Иосифа Фрейлиха, а случилось такое в минуты, когда Августа посещали приступы черной меланхолии. Тогда, кроме Фрейлиха, Август никого видеть не желал. Да и вообще курфюрст любил своего шута. И это единственное, в чем он был абсолютно последователен. Случилось, в припадке великодушия Август заказал Фрейлиху девяносто девять разнообразных шутовских костюмов и огромный серебряный камергерский ключ, который при надобности мог служить и бокалом — толстый стержень ключа внутри был полым и тщательно шлифованным. В другой веселый день в честь Фрейлиха была выбита медаль с надписью: «Иосиф

Фрейлих, актер короля польского и курфюрста саксонского. Всегда весел, печален — никогда».

Иосиф Фрейлих был презабавным человеком. И мы о нем обязательно еще расскажем подробнее. А сейчас — о событиях, которые вогнали курфюрста в тоску.

Утро началось для Августа, как всегда, в пустом цейхгаузе — военном складе, специально переоборудованном для атлетических занятий. Тут Август бегал, подтягивался на подвешенном к потолку круглом полированном брусе. Затем поднимал до уровня груди набитый трехпудовый мешок и десять-двенадцать раз приседал с ним. Кроме того, Август играл в мяч и растягивал специальную пружину, изготовленную в Дрездене по чертежам самого курфюрста.

Графиня Кассель — новая фаворитка короля, красивая, умная и решительная женщина, мечтавшая пробудить в своем августейшем возлюбленном честолюбие и привести к победе над «Северным Александром», — вынуждена была сопровождать Августа в зал и терпеливо ждать, пока тот покончит с упражнениями. Анна-Констанца Кассель и сама была лихой наездницей, умела фехтовать и великолепно стреляла из пистолета. Но столь истовые занятия гимнастикой, на которые обрекал себя Август, казались ей странностью, граничащей с легкомыслием.

Она сидела на складном стуле в углу зала и наблюдала, как Август воевал с тяжелым мешком. Вот сейчас поднял на грудь. Лицо его покраснело. Август шумно выдохнул воздух. Затем присел, снова поднялся... Да, силы курфюрсту саксонскому не занимать.

«Если он так силен, крепок и смел, — думала графиня, — то почему терпит унижения от гордого мальчишки-шведа? Для чего нужны крепкие мышцы и стать Геракла, если они не дополнены столь твердым, как у Геракла, характером?»

Август опустил на пол мешок, утер лоб шелковым платком. Но тут в дверь цейхгауза постучали.

— Войдите! — крикнул курфюрст.

Вошел не кто иной, как сам шведский король. Он был один, без охраны.

— Я проезжал мимо Дрездена вместе с одним любопытным собеседником, — сказал Карл, не здороваясь, но сняв шляпу. — Решили навестить вас. У ворот города я сам себя назвал охранником шведского короля. Бдительная стража спроварила нас на гауптвахту. Там меня узнал ваш генерал-фельдмаршал Флемминг. И вот мы здесь.

Графиня Кассель подбежала к Августу, приподнялась на цыпочки и что-то быстро зашептала ему на ухо. Впрочем, догадаться было нетрудно: графиня, видимо, толковала о том, что безрассудно смелого Карла сейчас можно схватить — стоит лишь кликнуть стражу. Более благоприятного момента для сведения счетов не придумать.

Карл не произнес ни слова. Лишь жестом приказал Августу выпроводить графиню Кассель вон из цейхгауза. Графиня ушла, бросив яростный взгляд на Карла и пробормотав несколько нелестных слов в адрес Августа.

А шведский король в сопровождении курфюрста объехал оборонные валы и главные улицы города. Повсюду собирался народ, чтобы поглядеть на двадцатипятилетнего нового Александра Македонского.

— Не откажите в любезности лично проводить меня до Нейдорфа, — вежливо, но твердо попросил Карл.

И Август послушно поехал за гостем-завоевателем.

— Скоро мы покинем Саксонию, — говорил Карл. — Знаю, что наше пребывание обошлось вам в двадцать три миллиона деньгами и двадцать четыре тысячи солдат, которыми я вынужден был пополнить свои войска. Но, право же, это минимальная цена, которую я смог

назначить. Мне предстоит поход на Россию. Царь Петр расшалился. Пора унять. Или же заменить его кем-нибудь другим.

Вместо того чтобы ответить с достоинством, Август неожиданно для себя самого принялся советовать Карлу сначала идти не на Москву, а на Украину, так как гетман Мазепа, по некоторым сведениям, хочет отложиться от московского царя.

— Почему вы так решили? — спросил Карл.

— Мне самому с Мазепой видаться не приходилось, — ответил Август. — Я лишь настаивал перед Петром, чтобы он помог подавить восстание казаков Семена Палия и Самуся на моих землях, что Мазепа по царскому приказанию и выполнил. Но в королевских архивах в Варшаве есть документы, касающиеся некоего монаха Соломона. Он приходил с письмом от Мазепы к моему предшественнику Яну Собесскому. Гетман предлагал вместе со всеми казаками перейти в подданство польского короля.

— Нужны действия, а не разговоры о них.

— Кажется, о Соломоне узнал московский посланник Волков. Пришлось выдать его русским. Те провели следствие и отправили к Мазепе в Батурин. Там его и казнили.

— Значит, Мазепа пользуется доверием русского царя?

— Мне представляется, что это именно так.

— Возможно, русский царь вообще чрезвычайно доверчив, — сказал Карл. — Видимо, у него не так уж много умных советников, иначе он в свое время не бросился бы под Нарву с таким малым количеством приторгованных у нас же пушек. И воеводы его никуда не годятся. С восемью тысячами отборного войска я разметал тридцатитысячную армию Петра. Но тогда мне было всего лишь восемнадцать лет. И я тоже, как подобает в таком возрасте, был чрезмерно впечатлителен. Сейчас я бы

решил эту задачу не с восемью, а с четырьмя тысячами настоящих солдат. Счастливо оставаться!

Прозвучало это как пожелание счастливо стоять на месте и ждать дальнейших событий, вершителем которых и режиссером будет он, Карл...

У графини Кассель Августу сказали, что она занемогла и теперь спит. В другое время Август ни с чем не посчитался бы и вошел в покои графини, но сейчас он чувствовал себя чуть ли не провинившимся мальчишкой.

Он вдруг вспомнил «прелестное письмо» — листовку, распространяемую в Польше сторонниками Карла. В ней его, Августа, называли бессовестным авантюристом, правдами и неправдами взобравшимся на престол в Варшаве. Безымянный автор листовки уверял, что Август плюхнется с престола прямо в болото, распугав всемирный лягушатник. Именно слова о всемирном лягушатнике больше всего и обидели Августа. Как такое могло прийти на ум даже склонным к крайностям полякам? Август распорядился в свое время отыскать автора листовки и строго наказать. Но тут его самого наказал шведский король. И очень строго. А теперь помчал наказывать царя Петра. И то, что графиня Кассель отказалась принять разжалованного короля, битого полководца и неудачливого дипломата, представилось сейчас Августу знамением. Он возвратился во дворец. И, как вы уже знаете, послал за своим любимым шутком.

Иосиф действительно был человеком очень веселого нрава. В старости он и умер в Варшаве от смеха — не выдержало сердце. Но в ту пору Фрейлих был еще не только жив, но и вполне здоров. Получив вызов курфюрста, он тут же оделся в один из подаренных костюмов (дома он одевался как все смертные, вполне прилично, и никогда не смеялся) и отправился ко двору.

— Тоска, Иосиф! — сказал ему курфюрст.

— Пять минут, и мы ее изгоним! — пообещал Фрейлих.

— Как? Чем? Что бы сейчас ни сделал, как бы меня ни смешил, я все равно не забуду спокойные, равнодушные глаза счастливого шведа.

— Равнодушные глаза бывают только у рыб! Радуйтесь, ваше величество, что вы из другого теста и вам не чужды все земные радости!

— Сегодня мне остается утешаться только этим... А на самом деле, если быть честным, то надо признать, что у шведа есть все, что и у меня. И сверх того — право считаться бессмертным. Боюсь, что он и вправду великий полководец.

— Великий полководец? — переспросил Фрейлих. — А нужны ли полководцы вообще?

— Да вроде бы без них никогда не обходилось! — удивился Август. — Раз во все эпохи войска ходили в бой, кто-то должен был их водить.

— Так-то оно так, — согласился Фрейлих. — Но да будет мне позволено рассказать к случаю одну притчу. Некий полководец выхвалял в присутствии своего государя чины военные, а статские хулил и лаял. «Молчи, — сказал ему государь, — и знай, что ежели бы статские хорошо отправляли свои должности, то мы вовсе бы не имели нужды в военных людях».

— На что ты намекаешь, Иосиф?

— Ах, ваше высочество, у Карла есть далеко не все, чем обладаете вы. У него нет, к примеру, фарфора. А у вас он уже почти в кармане!

— Верно! — вскричал вдруг Август. — Не направиться ли нам к Беттигеру? Он шалун и шутник, но чем-то мне приятен. Седлай своего коня!

Это было уморительное зрелище: курфюрст и шут скакали рядом по улицам потрясенного Дрездена. Степенные горожане глядели им вслед, качали головами.

Надо же было в такие сложные времена получить в правители шута! Тем временем шут-правитель и шут по должности добрались до замка, где в качестве пленника находился Иоганн Фридрих Беттигер.

Курфюрста и Фрейлиха встретил начальник караула. Он принял лошадей, помог Августу спрыгнуть на землю.

— Что он делает? — спросил Август.

Начальник караула понял, что речь идет о Беттигере, но почему-то медлил с ответом.

— Наверное, пьет?

— Немного, — признался начальник караула. — Часа два назад начал.

— Он обязан работать, а не развлекаться.

— Он всю ночь действительно работал. Говорит, будто что-то изобрел. Потому и потребовал вина.

В небольшом, но со вкусом убранном зале незадачливый изобретатель полулежал в креслах и орал:

Даже сам наш господь бог
Сделать золото не смог!
И если богу дать вино,
Он не сумеет все равно!

Август широкими шагами подошел к алхимику, схватил за ворот и приподнял над креслом.

— Я тебе покажу вино! Пьешь и горланишь в момент, когда гибнут родина и монарх! Тебе все равно!

— Нет! — закричал Беттигер. — Мне совсем не все равно, а как раз наоборот! В момент, когда гибнут родина и монарх, я открыл секрет фарфора.

— Знаем мы твой фарфор! Он коричневого цвета!

— Белого! Белее снега. Вот посмотрите!

Фрейлих бросился вперед, чуть было не толкнул курфюрста и выхватил из рук алхимика маленькую чашку. Сначала Фрейлих поднес чашку к близоруким глазам, долго рассматривал ее, а потом принялся хохотать. Он смеялся долго и самозабвенно. Даже сел на

пол, чтобы было удобнее смеяться, а может быть, для того, чтобы не выронить драгоценную чашку.

— Вправду белая! Не очень, конечно! Скорее — желтенькая... Но это уже что-то!

Теперь пришел черед удивляться Августу. Да, это уже была не так называемая коричневая яшма, которую Беттигеру удалось получить года три назад. Но новая чашка была если и не белой, то все же бледно-розовой.

— Вина! — воскликнул Август. — Это уже больше чем полдела. У нас будет свой фарфор. А он не дешевле золота! Пусть я проиграл десять сражений, но я выиграю одиннадцатое. Фарфоровое! Я стану самым богатым человеком в мире. И скуплю — и Петра, и Карла, и даже папу римского. И приторгую себе наконец даже бессмертие.

Вскоре курфюрст, Фрейлих и Беттигер были пьяны. Шатаясь и роняя стулья, они пели:

Даже сам наш господь бог
Сделать золото не смог!

Караульные гвардейцы у входа в дом четко несли службу и делали вид, что не слышат разгульной песни...

— Даже сам наш господь бог... Даже сам наш... не смог! — неслось из раскрытых окон. — Ну не смог — и все тут!

Затем что-то стукнуло, грохнуло, тоненько зазвенело бьющееся стекло. Это Август уронил на Фрейлиха большую хрустальную вазу. Фрейлих отделался испугом и синяком на плече. Ваза разбилась.

СМЕРТЬ КОЧУБЕЯ

Бывшего генерального судью Василия Леонтьевича Кочубея и полковника Искру везли из Смоленска в Киев по берегу Днепра. Их охранял стольник Иван Вельями-

нов-Зернов со взводом солдат, хотя было совершенно неясно, как могут убежать двое измученных допросами и кнутами, а теперь ещё и закованных в кандалы людей. На привалах Кочубей сидя спал, опустив голову на грудь. Искра, напротив, был весел, гремя кандалами, подходил к берегу, смотрел на воду.

— Но-но! — кричал стольник. — Назад! Знаем вас — прыгнешь.

— Зачем же мне прыгать? Я хочу еще в Киеве побывать, на гетмана Ивана Степановича Мазепу поглядеть. Знатный человек. Жаль, стар уже, скоро помрет...

— Тебе раньше голову отрубят!

— Сначала отрубят, а потом пришьют! — отвечал Искра.

— Побойся бога!

— Бога я боюсь, — не унимался Искра, — а Мазепу мне уже бояться ни к чему. Даже царь московский теперь не страшен. Это ему надо бояться, что не послушал нас. То-то он удивится, когда узнает, что мы были правы. Вот тогда и велит пришить каждому из нас по две головы вместо одной отрубленной.

— Тебе легче не станет.

— Как знать! — отвечал Искра. — Если того свега нет, то тогда, конечно, дело плохо, а если он есть, то ведь хорошо разгуливать на том свете с двумя головами. Там я вас всех буду дожидаться. И гетмана, и царя Петра, который не умеет ценить верных людей, и даже тебя, Иван, могу там встретить. Посидим на завалинке, побеседуем...

Стольник крестился и отходил от Искры прочь. Ему все это казалось странным. Только что бывший полтавский полковник кричал под кнутом, просил о помиловании, клялся, что по неразумению, глупости и злобе донес на гетмана, а теперь ведет себя так, будто не было допросов и пыток в Витебске и Смоленске, будто он снова готов жаловаться царю.

Зато Кочубей притих и погас. Он в свое время столь-

ких послал на смерть и так часто глядел в глаза людям, чьи головы велел рубить, что, может быть, теперь считал, что нынешняя его беда — расплата за дела прошлые? Наконец, именно он, Василий Кочубей, помог Мазепе оклеветать в глазах московского боярства гетмана Самойловича. Мазепе нужны были гетманский бунчук и булава¹, и он осторожно, умно выставил в глазах Москвы Самойловича предателем. Кочубей в ту пору тоже охотно подпевал Мазепе...

И вот теперь его, Кочубея, везут как преступника на суд того же Мазепы. Может быть, это высшая кара? Может быть, это расплата за все то, что творил он, генеральный судья, подчиняясь воле лукавого гетмана? Потому и произошла трагедия с его дочерью Мотрей? Потому и самого вскоре поведут на плаху? А в том, что Мазепа его казнит, Кочубей не сомневался. Уж слишком рискованно было для гетмана оставлять в живых генерального судью, знающего о многом.

В конце июня пленников привезли в Киев. Здесь их некоторое время держали в Новопечерской крепости. Гетман в это время был в Борщаговке, что неподалеку от Белой Церкви. Он послал за Кочубеем и Искрой бунчучного Максимовича и поручика Алимова с сотней драгун. Вельяминов-Зернов, на которого царь возложил ответственность за пленников, решил, что такой охраны недостаточно. Ходили слухи, будто какие-то казаки собираются отбить пленников, помочь им бежать. Стольник усилил драгун Алимова еще взводом регулярных солдат, которых выпросил у киевского воеводы, и под таким конвоем повез пленников в гетманский лагерь. Тут Кочубея и Искру вновь пытали. Собственно, ничего нового Мазепа узнать от них не мог. Но он хотел выяснить, не скрыл ли Кочубей что-либо из своих огромных богатств, не спрятал ли где-либо еще один бочонок золота. Кочубей

¹ Бунчук и булава — символы гетманской власти.

назвал несколько тайников, но никто так никогда и не узнал, не утаил ли бывший генеральный судья какие-нибудь драгоценности. За несколько дней до казни гетман беседовал с Кочубеем с глазу на глаз.

— Послушай-ка, друг Василий, настало нам время попрощаться.

— Говорить уже не о чем! — выдохнул Кочубей.

— Трудно после кнутов? — участливо спросил Мазепа. — Понимаю и сочувствую. Мне и самому пришлось однажды принять кнут. Теперь могу этого уже не скрывать. Даже если ты еще раз решишь меня выдать, никто не поверит. Так вот, меня ведь тоже хлестали кнутом. И больно. После того как король Ян-Казимир выгнал меня из надворных дворян, я отправился в имение своей матери на Волынь. Было грустно. Сам понимаешь: мог жить в Варшаве, городе культурном, красивом и чистом. О чем еще может мечтать европейский рыцарь? Но у меня нашлись враги. Они бывают у каждого. Во дворце меня однажды ударили по лицу. Специально, чтобы рассердить. Я вытащил из ножен саблю, чтобы припугнуть обидчика. Нашлись доносчики. Обнажать оружие в королевском дворце не полагалось...

— Зачем ты все это мне рассказываешь? — спросил Кочубей. — Неинтересно мне перед смертью выслушивать, кто и когда бил тебя по лицу.

— Потерпи. Я обещал рассказать и о знакомстве с кнутом. Я уже стар. Много повидал на своем веку. Но той истории забыть не могу. Рядом с имением моей матери раскинулись земли пана Фальбовского. А у этого Фальбовского — сам он был сед, как я сейчас, — завелась молодая жена. Он ее откуда-то привез. Ну, конечно, как только мы с ней друг друга увидели, так сразу и поняли, что над нашими головами Амур крылья расправил. Стал я пани Фальбовской частым гостем. Конечно, когда самого пана дома не бывало. И переписывались частенько. Как всегда бывает, одно из писем пе-

рехватил пан Фальбовский. Письма ведь обязательно попадают в конце концов в руки именно тем, кто их не должен читать. Так получилось и с моими письмами твоей Мотре. Не попади они тебе в руки, ты и по сей день был бы моим лучшим другом. И мы сейчас вместе готовили бы измену московскому царю.

Кочубей поднял голову и попытался плюнуть в лицо гетману. Но тот лишь засмеялся и ударил Кочубея хуленьким сухим кулачком по темени. Кочубей был так слаб, что тут же снова рухнул на лавку.

— В общем, поймал меня пан Фальбовский,— как ни в чем не бывало продолжал Мазепа,— вместе со слугами раздели они меня донага, посадили на коня лицом к хвосту, привязали, измазали дегтем, а затем исхлестали кнутами. Меня били, может быть, за дело, а бедному коню досталось ни за что. Да потом еще кто-то выстрелил из пистолета у него над ухом. Понес он меня через кусты, через заросли. Хорошо, нашлись добрые люди — остановили коня. А меня сняли, отмыли, привели в чувство. Пришлось идти в казаки. Но и тут я не растерялся. Сначала у гетмана Тетери был. Потом у Дорошенко. У него я в генеральные писари вышел.

— И предал его.

— Конечно, предал,— согласился Мазепа.— И сделал это с удовольствием. Видишь ли, люди делятся на тех, кто живет, чтобы вкусно есть, любить красивых женщин, пить хорошее вино, и на мечтателей. Дорошенко был мечтателем. Ему хотелось славы. Он мнил, что гетмана Дорошенко будут помнить тысячу лет. Смешно. После смерти нет ничего. Темнота и холод. Умному человеку грех не предать Дорошенко. Да и Самойловича тоже.

— Чем ты похваляешься, гетман?

— Объясняю тебе, что мы с тобой — одного поля ягоды. Ты ведь такой же, как я. Оба хотели жить побогаче, есть пожирней, строить себе дома повыше, подва-

лы поглубже, а в подвалах чтобы было побольше сундуков с золотом. Я оказался умнее, ты — глупее. Пошел жаловаться царю Петру. А ведь царь ни словам, ни следам не верит.

— Чего ты сейчас от меня хочешь. Иван? Зачем ты явился мучить меня перед смертью?

— Для удовольствия,— ответил Мазепа.— Мне приятно понимать, что я хоть на год проживу дольше тебя. Оттого чувствую себя моложе. Знаешь, что, государев преступник Василий Леонтьевич Кочубей, никакой божьей кары нет, а высшего суда — тем более.

— Так есть земной! — закричал Кочубей.— Погоди, сбежит из Сибири Семен Палий. Он тебя на краю земли достанет.

— Не сбежит! — покачал головой Мазепа.— У царя Петра тюрьмы крепкие. Но Палий — серьезный супостат. Мнит себя святым и защитником Украины. Такие люди опасны. Их лестью не возьмешь и золотом не купишь. Но чует мое сердце: не только тебя, но и Палия я похороню.

— Подлый ты, Иван Степанович!

— Может быть, Василий Леонтьевич. Почему мне не быть подлым? Разве другие лучше? В чем был повинен бедный Самойлович? Вспомни, как ты обвинял его перед князем Голицыным, а Самойлович топал ногами и кричал, что ты врешь... Ведь правду он говорил: подвирал ты слегка. Но то был твой главный в жизни час. А теперь настал мой. Ты не завидуешь?

— Ненавижу. Завидовать нечему.

— Почему же? Тебя казнят, а я еще поживу. Меня твоя дочь Мотря любит. Каждому ли старцу выпадает такое счастье, чтобы его юная дева так любила?

— Зато и свел ее с ума своими письмами?

— Не я ее свел с ума, а ты со своей женой. Отпустил бы сразу ко мне, так все хорошо было бы. Это вы ее мучили. Недаром же она вам в лицо плевала. Говорю: ос-

тавили бы нас в покое, Мотря была бы жива и здорова. Смеялась бы сейчас, а не плакала. Ты остался бы генеральным судьей. Может быть, я тебя с собой к шведу забрал бы.

— Оставь меня в покое, Иван Степанович! Христом-богом заклинаю!

— Терпи. Скоро уж отмучишься. А у Мотри еще все впереди, еще будет радость, и здоровье к ней вернется... Послушай, Василий Леонтьевич, а тебе не кажется, что на нас, хоть мы будто бы одни, еще кто-то смотрит и все разговоры наши запоминает?

— Уйди! — простонал Кочубей. — Без тебя мўки хватает.

— Ах да, я и забыл, что по тебе кнут погулял. Вот уж вправду сытый голодного не понимает! Меня сейчас другое занимает. Я как бы вижу все со стороны. Два старика. Один, битый палками и кнутом, лежит на лавке. Второй сидит рядом с ним и странные речи заводит. Так ясно все это вижу, Василий Леонтьевич, будто сам за собою подглядываю. И когда Мотрю твою целовал, тоже сам себя, как в зеркале венецианском, видел. Интересно и страшно.

— Будь ты проклят!

— Да уж проклинал ты меня. Заговариваешься... Не прыгай, как рыба на сковороде. Осталось недолго. Потерпи. Будь настоящим казаком. Казак смерти бояться не должен. Она все равно косою над тобой замахнулась. Теперь уже не спасешься.

Гетман долго глядел на задыхающегося Кочубея, гладил свою седую, уже с желтизной бороду. Потом поднялся и вышел.

Утром 14 июля на площади в Борщаговке Кочубея и Искру обезглавили. Тела их лежали до окончания службы в церкви, чтобы народ видел, что случается с теми, кто решается доносить на гетмана. К вечеру их положили в гробы и отвезли в Киев. Через три дня те-

ла Кочубея и Искры предали земле во дворе Печерского монастыря, подле Трапезной церкви.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

В начале XVIII века письма реже слали с голубями, а чаще с курьерами. Но все же почтовые голуби сохранились. Их удобно было посылать на небольшие расстояния, особенно в пределах одного города. Панна Мария дала Василию двух голубей. Они сидели в его комнате, в большой проволочной клетке. Голубей можно было держать в клетке не больше недели. Затем они «притомлялись». Их надо было заменять другими из той же голубятни, а обитателям клетки дать возможность отдохнуть, полетать и размять крылья.

В один из августовских дней 1708 года голубь принес панне Марии от Василия записку такого содержания:

«Возле Вашего дома бродит очень странный человек с повязкой на глазу. Появляется он в городе по утрам. К ночи исчезает. Имени его установить не удалось. Но можно предположить, что это один из партизанов Лещинского или же самого короля шведского. Будьте осторожны».

А письмо, которое вы читаете ниже, так никогда и не было отправлено. Его написал Даниил Крман 15 июля 1708 года своему приятелю Ивану Калишевскому в Пряшев. Но поскольку оказии переслать его так и не случилось, Крман возил все написанные в странствиях письма с собой.

«Любезный мой Иван!

Спешу сообщить тебе, что с божьей помощью мы

прибыли наконец в лагерь шведского короля в Могилеве. Долгой была дорога и мучительной. Только в Кенигсберге провели мы несколько спокойных дней в отличной гостинице, где хорошая кухня и тихие комнаты для постояльцев, с видом на реку Прегель, по которой на канатах тянут суда от моря к городу. В Кенигсберге улицы мощены хорошим камнем и содержатся в чистоте. На возвышении стоит красивый королевский замок, а напротив него, на острове, образуемом двумя рукавами Прегеля, — кафедральный собор красной кирпичной кладки. В двух шагах от королевского замка — знаменитый Кенигсбергский университет, в стенах которого приобщались к истине многие столь славные ученые мужи. И мне захотелось снова стать студентом, почувствовать себя человеком, у которого будущее еще впереди...

В общем, Кенигсберг показался мне раем земным, если бы только не постоянные северные ветры с моря. Но горожане столь догадливы, что улицы строят не прямыми, а с частыми поворотами. Это помогает удерживать ветры. Однако нам надо было спешить. Мы направились в Вильно, а оттуда через Слободку, Уперевичи, Борисов и к Днепру. Путь пролегал через лесистую и болотистую местность. В селах рядом с католическими костелами можно было видеть униатские и православные церкви. В Головчине над речкой Выбейей мы видели место недавней битвы между шведами и московскими войсками.

Все поле от Головчина до Могилева было усеяно трупами погибших шведов и русских. Мы с удивлением отметили про себя, что благочестивый шведский король не распорядился с почестями предать земле павших своих соотечественников. Надо думать, он очень спешил настичь русские войска, дать им решающую битву и занять Москву.

Теперь подробнее о нашем первом свидании с королем. Состоялось оно не сразу. Поначалу нам на встречу вышел обозный по имени Магнус и отвел к королевскому духовнику и президенту военно-церковной консистории доктору Мальбергу. После короткой беседы нас представили министру графу Пиперу, человеку холодному, надменному и недоверчивому.

«У нас нет уверенности в том, что письмо от Ракоци не поддельное,— сказал нам Пипер.— Однако королю мы о вас доложим. А пока будьте любезны побеседовать часок-другой с королевским секретарем Олафом Гермелином. Думаю, это будет поучительная и небесполезная беседа».

Не знаю, что имел в виду граф Пипер, обещая интересную беседу, но королевский секретарь измучил нас расспросами о том, кто мы такие, откуда родом, почему решили обратиться за помощью и защитой именно к шведскому монарху. Беседа была столь утомительной и долгой, что под конец ее у меня закружилась голова. Я едва не рухнул на пол. Удержался, схватившись за края дощатого стола.

Лишь через день, в полдень, принял нас сам король. Он был в простом сюртуке, походных сапогах, коротко острижен, без парика. Среди тех, кто его окружал, король отличался не пышностью, а простотой одежды. Он молча кивнул нам. И я начал заранее продуманную речь, в которой, надеюсь, убедительно описал тяжелое положение словацких и мадьярских протестантов, ожидающих помощи и протекции от благочестивейшего, могущественнейшего и самого смелого из королей. Мне кажется, что говорил я хорошо, с внутренним жаром. Чувствовал, что у самого в груди все дрожит, а сердце от волнения подкатывает к горлу. И опять, как давеча, закружилась голова. Я даже побоялся, что упаду перед королем на пол и не закончу своей речи. Именно страх, что я не скажу

всего того, что обязан сказать, подхлестнул мою волю. Я глубоко вдохнул всей грудью, секунду помолчал и собрался было продолжить, но король поднял руку:

«Все ясно. Наше решение узнаете завтра через Гермелина».

Ответ был для нас столь неожидан, что мы растерялись и поначалу не знали, как поступить. Уж не разгневали ли мы чем-либо этого сурового человека? Хорошо еще, что я догадался вручить секретарю короля мемориал о состоянии дел в нашем крае.

Наутро мы получили ответ короля — несколько вежливых фраз, обещание поддержки и совет уповать на господ. Но нам нужны были деньги. А о них не было сказано ни слова.

«Как быть? — спросил меня Погорский. — Возвращаться назад?»

«Но вокруг полно казаков. Может быть, нам разрешат остаться при шведской армии до победы над врагом?»

Гермелин, который видел нашу растерянность и слышал весь разговор, заметил:

«Это нелегкий поход. Но если хотите, я замолвлю за вас слово. Королю вы оба понравились».

Так мы остались в шведском лагере. Что нас ждет, сказать не могу, так как сам не знаю. Да и кто может знать наперед свою судьбу? А потому помолимся в надежде на то, что бог услышит нашу мольбу сохранить нас в пути нелегком и убережет от напастей и горьких неожиданностей.

Твой Даниил».

Зато третье письмо было и отправлено и получено адресатом. Им оказался известный философ Лейбниц. А писал ему друг Урбих, датский дипломат, перешедший на русскую службу:

«Вы правы, что война между царем и шведом не кончится, пока не погибнет тот или другой. Правдоподобнее, что это случится скорее с Карлом XII, чем с царем, у нас есть и всегда будет возможность оправиться, если же шведы будут побиты, то они не оправятся и в сто лет. Поэтому шведскому королю следовало бы заблаговременно подумать о мире, возвратив царю то, что прежде ему принадлежало, и бросить своего Станислава, который никогда не может быть королем в Польше. Если король шведский не сделает этого, то я опасаюсь, что ни его армия, ни он никогда не возвратятся живыми в Швецию».

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЙ

Человека этого провели в покои, где все было для него необычным — ковры, картины на стенах, стоящие по углам стеклянные вазы с водой. А в воде плавали белые цветы. И это ранней весной, когда даже подснежники еще не успели зацвести!

— Жди здесь.

— Хорошо, пан справца¹. Я подожду.

В дверях справца оглянулся: странным и непонятным казался ему этот человек. Плохо говорит по-польски. Одет в простую овчину, хотя и хорошей выделки. Для чего-то повязка на лбу, скрывающая левый глаз. Ноги в яловых сапогах, которые оставляют на паркете сырые следы. Значит, пришел в город откуда-то издалека: на городских улицах снег давно вычищен.

— Панне доложили о тебе,— все еще не решался выйти из комнаты справца.

— Пусть пан справца не изволит волноваться. Я никуда не опаздываю.

¹ С п р á в ц а (пол.) — управляющий.

Справца притворил дверь. Постоял, прислушался. Затем мягким и осторожным шагом привыкшего к скользкому паркету слуги пошел по направлению к покоям хозяйки.

Но она сама уже шла навстречу справце.

— Ясная панна, он пришел. Я не советовал бы беседовать с ним с глазу на глаз. Может, позвать кого-нибудь из людей?

— Мне нечего бояться,— сказала Мария.

Справца покачал головой и сделал шаг в сторону, пропуская хозяйку к двери. Та вошла в гостиную, поздоровалась с гостем, села сама и предложила сесть ему.

— Я постою.

— Нет, садись. Это ты писал мне? Объясни подробнее, чего хочешь.

— Убить его!

— Кого?

— Короля Карла.

— А ты не боишься, что я сейчас кликну людей, велю тебя связать и отдать под суд?

-- Нет,— ответил человек.— Я этого не боюсь. Мне уже все равно. У меня ничего не осталось, кроме жизни. И ее я отдам подороже, убив шведского короля. А выдавать вы меня, светлая панна, не станете.

— Почему ты в этом так уверен?

— Ваш брат погиб на стороне короля Августа в несчастной битве при Клиссове.

— Да, Андрей сложил голову в этой злосчастной битве. Но воевал он не за короля Августа. Но об этом позднее. Что тебе еще обо мне известно?

— Я знаю, что ваш жених — партизан русского царя.

— Кого ты считаешь моим женихом?

— Я наблюдал за вашим домом и видел, как поэт Василий Подольский перемахнул через забор.

— Значит, ты шпионил за мной?

— Мне надо было знать правду.

— Для чего?

— Я должен отомстить ему.

— Королю Карлу? Какие у вас могут быть с ним счета?

— Счет есть. И он не оплачен. Мне нужны помощники.

— И ты отводишь мне роль своего помощника?

— Стрелять в Карла буду все же я!

— Понятно,— сказала панна Мария.— Пожалуй, теперь самое время представиться. Ты забыл это сделать в начале разговора.

— Секрета в том нет. Меня зовут Иван. Родом из-под Галича. У нас там народ тихий. Дед мой ни с кем не воевал. И отец мне наказывал пасти овец и ходить за полем. Я поначалу тоже так жил.

— Что же теперь тебя заставило вступить в споры со шведским королем?

— Я раньше и не знал, что есть Швеция, а в ней живут шведы, а у этих шведов есть король. Ничего об этом не знал и знать не хотел. А вот четыре года назад узнал. Да так, что на всю жизнь запомнил. Мы ехали во Львов продавать кожу и воск. Я двух сыновей взял с собой и жену, царство им всем небесное! Думал: пусть посмотрят город. Когда въезжал в город, вдруг слышим крики и шум. Оказалось, шведы подошли. По ним из Низкого замка открыли пальбу. Лошади мои понесли. Дети кричат. Старшему всего десять лет было, а малому — шесть. Жена схватила малого на руки и прыгнула с воза. Я попробовал остановить коней, но разве удержишь! Тогда мы со старшим тоже попрыгали — пусть пропадает добро. Тут бы живот спасти. Но не спасли. Из-за леска шведы выскочили. Я увидел, как сын крикнул и упал. А потом и меня как огнем в голову ударило. Очнулся ночью. Лежу. Странно, думаю, где я? Светло как днем. Только свет этот красный. Голова болит, и одним глазом ничего не вижу. Потом узнал, что этого глаза уже и не было.

Повернул голову — горит Низкий замок. Значит, взяли его шведы. Поднял я мертвого сына, нес его на руках. Нашел и жену и младшего. Всех вместе похоронил.

— Горе твое большое, — сказала панна Мария. — Но король Карл, конечно, не знает о твоих несчастьях. Вокруг война. Гибнут тысячи людей.

— А мне все равно, знает король Карл обо мне или не знает. Зато я знаю его очень хорошо. Ни королю Августу, ни русскому царю, ни Ференцу Ракоци я не верю. Они всегда между собой договорятся. А потому сделаю все сам. И Карл в живых не останется.

— Это единственное, чего ты теперь хочешь?

— Я хочу, чтобы у нас не было никаких шведов, никаких саксонцев, никого. Мой дед и отец ошибались, когда учили меня думать только о своем поле. На мое поле придет какой-нибудь швед и надругается над ним. Сначала надо сделать так, чтобы любой швед боялся сюда заглядывать.

— Почему же ты, Иван, не подался на Сечь?

— Я был у Семена Палия. Мы хотели выгнать ляхов и пойти с челобитной к московскому царю, чтобы он нас взял под защиту. Но московский царь договорился с Августом. Славного Семена Палия захватил Мазепа и отдал царю. Он, говорят, в Сибири уже помер. А в нас стреляли царские войска и казаки Мазепы, как будто мы шведы какие-то.

— Зачем же ты обратился ко мне?

— Мне нужны деньги, оружие. Двое или трое верных людей.

— И решил, что мне можно открыться?

— У меня нет выхода.

Панна Мария поднялась:

— Ты ошибся, странный человек по имени Иван, если только это твое настоящее имя. Я верна моему новому королю Станиславу Лещинскому. А наш король в

дружбе с Карлом. Так что за моим домом шпионил ты напрасно. Люди!

Посетитель стоял спокойно. Он даже не повернул голову на шум шагов. В приемную вбежали лишь двое — справца и странного вида хромой человек. Скорее всего, истопник или курьер.

— Связать! — приказала панна Мария. — В подвал!

— Не надо веревок! — грустно улыбнулся посетитель. — Выдавай меня шведам, если после этого сможешь спать спокойно. Куда идти?

Человека увели. Вскоре справца вернулся в гостиную.

— Что мы будем делать с ним, светлая панна?

— Пусть посидит в подвале.

— Но он может выломать окно и убежать.

— Вряд ли. Бежать ему некуда. Вот записка. По какому адресу отправить ее, ты знаешь.

Справца поклонился и вышел.

На следующее утро в гостиной у панны Марии сидели поэт Василий и человек мало кому известный во Львове — купец из Гродно, которого называли Михайлом Петровичем. Купец этот время от времени появлялся во Львове с партиями рижских амбарных замков и слесарного инструмента, что, если вдуматься, представлялось малообъяснимым, так как Лифляндия была разорена войной. Время было малоподходящее для торговли. Кроме того, из-за нехватки меди и железа рижские ремесленники ни замков, ни инструментов почти не изготавливали. Но у торговых людей своя логика. Кто знает, может быть, все эти изделия были закуплены давно и хранились где-нибудь до поры, пока цена на них не выросла настолько, что возник резон сбыть их с рук?

Купец восседал по левую руку от панны Марии, у красивого столика с гнутыми ножками, украшенного интарсией. По правую руку сидел Василий.

— Привести его! — распорядилась панна Мария.

Одноглазый вошел в комнату так спокойно, будто

провел ночь не в подвале, а в уютной комнате какого-нибудь постоянного двора, на мягкой постели.

— Хочу предупредить,— начала панна Мария,— что сейчас тебе надлежит говорить абсолютную правду. Запираться нет смысла. Мы знаем если не все, то почти все. И в состоянии проверить каждое твоё слово. Итак, с какой целью ты бродил вокруг моего фольварка? Кого выслеживал? Кем подослан? При чем — и пусть это для тебя тоже не будет секретом — сами мы не откроемся тебе. Ты не узнаешь, чьи мы сторонники: курфюрста ли Августа, короля Станислава Лещинского или же партизаны царя Петра. И именно потому, что ты не знаешь, кто мы, тебе остается сказать чистую правду. Если окажется, что ты наш друг,— твоё счастье. Если недруг... Что ж, тогда постараемся не забыть о том, что повинную голову меч не сечет.

Человек посмотрел на панну Марию и сказал:

— Светлая панна, вы слишком много говорите о том, что можете проверить мои слова. Значит, подозреваете, будто я подослан кем-то. Ваша воля — сомневайтесь, проверяйте. Только все это можно сделать проще: разузнали бы, служил ли у славного Семена Палия писарь по кличке Иван Одноглазый. Так вот, Иван Одноглазый — это я. Мазепа захватил нас вместе с Палием, но я бежал. Скрывался в Литве. Сейчас здесь. И многое знаю. Может быть, больше, чем знаете вы. Карл с войсками выступил на Москву. Но до Москвы он не доберется, а повернет на юг, к Мазепе.

— Почему ты так решил?

— Да у меня при самом Мазепе есть верный человек.

— Тогда отчего же вы с этим верным человеком не донесли обо всем царю Петру?

— Не царь ли велел пытаться Кочубея и Искру? Не он ли сослал в Сибирь Семена Палия? Пришло время решать все самим.

Панна Мария поднялась с кресел, а купец Михайло сделал рукой предостерегающий жест. Но панна Мария едва заметно улыбнулась, а затем заговорила так спокойно, будто каждое слово было продумано ею заранее:

— Тебе известна моя фамилия. Знай же и другое: мы все, Друкаревичи, ведем свой род от московского печатника Ивана Федорова. Он приехал во Львов, здесь жил и умер. А мечтал о том, чтобы свободной и образованной стала вся Русь — и Московия, и Украина, и литвины. Нам ли, его потомкам, поддерживать курфюрста Августа, Станислава Лещинского, а тем более Карла? Но мы хотели бы знать, чем ты можешь быть нам полезен. Говори коротко и ясно.

— Когда Карл придет на Украину и гетман отложится от царя, тогда и начнется настоящая война, — сказал Одноглазый. — Воевать будут не только царские войска, а мы все. Как было при Палии. Нужны деньги. Нужны тайные магазины оружия. Казаки за гетманом не пойдут. А Карла и Мазепу надо убить еще до начала больших боев. Я готов это сделать.

Панна Мария подошла к стоящему у стены бюро, вытащила из-за корсажа ключик и открыла один из ящиков. Все молча следили за нею.

— Вот пять талеров. Найди себе ночлег, купи приличную одежду. Послезавтра придешь сюда снова. Ступай.

Монеты тревожно звякнули в руке Одноглазого.

— Приду! — сказал он.

— Мы рискуем! — воскликнул Михайло, когда Одноглазый вышел. — Разумно ли это?

— Разумно ли рисковать? — переспросила панна Мария. — Вы спрашиваете, разумно ли рисковать? А были когда-либо действия без риска? Что же касается разумности... Вообще, что такое разумность? Разумно ли стрелять друг в друга, пытаться отнять у соседа дом или землю? Разумно ли поступил польский король Казимир, которого почему-то прозвали даже Великим, захватив

наш Львов? Как будто он не понимал, что в ответ последуют походы на Польшу! Если бы только разум руководил нашими действиями! А можно ли жить и побеждать, не рискуя? Объясните мне это — ты, поэт, которому придется стать воином, и ты, купец, вынужденный под видом замков возить ружья... Конечно, Одноглазый мог быть подослан кем-то. Но подумайте сами, стали бы сейчас этим заниматься шведы? Вряд ли. Карл уверен в своей непобедимости. Мазепа? Этот мог бы. Но его партизан мы знаем всех наперечет.

— Недолго прислать новых! — впервые за все время подал голос Василий. — Однако мне не кажется, что этот человек пробует нас обмануть. Если бы он появился с целью войти в доверие, то не пришел бы напрямик к панне Марии, а постарался бы найти рекомендателей.

— Возможно, — согласилась панна. — Я думаю вот о чем... Раз он смог так легко нас выследить, то, значит, это могут сделать и другие.

— Конечно, — сказал Василий. — Но не слишком ли мы всё усложняем? Наши тайные встречи, разговоры о том, что надо, а чего не надо делать, — пустое все это. А Одноглазый говорит дело: нужны магазины оружия, надо объяснить народу, что ждет его, если гетман Мазепа отложится от Москвы. Только в делах, а не в разговорах правда.

— Странно! — рассердилась панна Мария. — Разве наши разговоры — не дела? Разве мы не пытаемся узнать все, что можно, о действиях шведов и Лещинского? Может быть, это важнее, чем обучить десять полков. И вообще, ты больше похож не на поэта, а на воина, которому мирная жизнь кажется бездельем.

— Жизнь мне больше нравится мирная и спокойная, если бы она могла быть таковой.

— Мне кажется, иной раз ты сам себе противоречишь.

— Это оттого, что я пытаюсь смотреть на вещи как

бы с разных сторон, светлая панна. Мне же самому всегда ясно, кого я одобряю, а кого порицаю.

Михайло с улыбкой слушал этот диалог. Человек бывалый, много видевший и знавший, он понимал, что Василия и панну Марию связывает не только общее дело. Он чувствовал и другое: между прекрасной панной и поэтом, которого только что называли воином, идет непростая внутренняя борьба. И понимал, что такое частенько случается между людьми, которые друг к другу равнодушны. Купцу стало неловко. Ему показалось, будто он присутствует при разговоре, не предназначенном для посторонних ушей.

Михайло с Василием вместе вышли из ворот. Чтобы сократить путь от Подзамчя к городу, поднялись по тропе к полуразрушенному Высокому замку, прошли мимо уже разбитых надгробий крестоносцев. Сюда, во Львов, свезли когда-то плененных при Грюнвальде рыцарей и держали до самой смерти в цепях. На могилы клали тесаные каменные плиты с изображением креста. Было бы вовсе оскорбительным для крестоносцев, если бы их лишили даже этого столь любимого ими символа. Несколько потрескавшихся, косо лежащих плит — вот все, что осталось от грозных рыцарей. Здесь же четыре года назад стоял и двадцатитрехлетний Карл XII, гроза Европы, и решал, куда направить штурмующие Львов шведские полки.

Тропа привела к склону. Отсюда были хорошо видны купол собора святого Юра и шпиль Кафедрального собора, разноцветные черепичные крыши жилых домов, опоясывавшие город оборонные стены, местами уже обрушенные и разбитые.

— А появляться вместе нам в городе не следует, — сказал Михайло. — Я пойду вперед.

— Хорошо. Завтра в это же время...

Василий еще минут десять стоял на склоне и глядел на город, некогда оживленный и веселый, а теперь будто вымерший, напуганный. Никто не восстанавливал сгоревших при шведском штурме домов. Зияли пробоины в стенах Низкого замка. Львов погрузнел и точно уснул тяжелым сном, как спит человек после долгой болезни.

Еще через четверть часа он уже шагал по знакомым улицам. У многих домов стояли железные клетки с тушками сожженных крыс. Утверждали, что если сжечь в железной клетке крысу, то остальные будут обходить это место стороной. Но, верно, сами крысы считали это предрассудком и спокойно сновали от брамы к браме, уже не боясь ни страшных железных клеток, ни людей, ни собак.

У главного входа в Кафедральный собор кто-то оставил разбитую телегу. Ее уже неделю никак не могли убрать. Прямо в ограду кладбища, примыкавшего к собору, была воткнута палка, а к ней привязан грязный белый плат. Кто и для чего вывесил его, неизвестно. Но это казалось видением уже апокалипсическим: точно мертвые покорно просили не впутывать их в распри еще живых. И лишь мальчишки не унывали. На берегу Полтвы они на самодельные крючки удили рыбу, гоготали и дрались за самые удобные камни у воды.

Василий взобрался на кладбищенский забор и снял палку с белым платком. Затем откатил от входа в собор телегу. Выяснилось, что это не так уж трудно сделать. Усмехнулся про себя: подмести улицу, что ли?

— Ты зачем телегу трогал? — заорал вдруг кто-то над ухом Василия.

Перед ним стоял ксендз Шимановский. На голове Шимановского не было никакого убора. Седые волосы всклокочены, лысина на макушке побагровела, а глаза красные, как у кролика.

— Я полагал, что телеге здесь не место. Впрочем, мне все равно.

— Оно и видно, что тебе все равно. Благодаря этой телеге народ может воочию убедиться, что святые места находятся в запустении, что набожность падает, мир становится похожим на вселенский вертеп. Король Карл разорил город и надругался над нашими храмами. Король Станислав не защищает веру.

— Если хотите, я откачу телегу назад.

— Да, я хочу этого. Уже трижды кто-то оттаскивал ее, и трижды я, истощая последние силы, возвращал ее на место. Это конец мира!

Василий рассмеялся и ушел, а Шимановский еще долго что-то кричал ему вслед и грозил кулаком.

...— Вы почему такой веселый? — спросила Василия тетушка Фелиция.— Наследство получили?

— Да, и большое. Если бы вам, пани Фелиция, разрешили назначать королей, кого бы вы избрали?

— Помилуй бог, я отказалась бы от такого права!

— А если отказаться нельзя было бы?

— Какие странные вопросы вы задаете! Наверное, я избрала кого-нибудь из близких... Ну, например, моего покойного мужа... Фаддей дома. Проходите.

Художник соскребал краску с портретов Августа.

— Работай, не помешаю.

— Есть новости?

— Множество.

— Какие, к примеру?

— Кто-то откатил от входа в собор телегу и снял белый флаг с кладбищенского забора.

— Да? — удивился Фаддей.— Наконец-то! А я все думаю: к чему бы там белый флаг и почему телега у собора?

— Что — телега? Тут дела посерьезнее. Короли слетают с тронов, как осенние листья. Пора нам с тобой и о себе подумать. Надо чью-то сторону принимать.

— Ох, пора! — согласился Фаддей.— Только страшно.

— Что страшно?

— За временем гнаться. Вдруг отстанешь? Пока на месте стоишь, так вроде и не обидно, что оно мимо тебя бежит. Как там эта река времени называется?..

— Лета.

— Вот, я про нее. Пока на берегу стоишь — полбеды. А прыгнешь в воду — надо плыть. Почем знать, не утащит ли тебя течение?

— А ты не вплавь, ты сядь в лодку и запасись крепкими веслами...

— Да где их взять?

— Поищи.

— Мы — люди маленькие. Куда нам?

— Ну что ж, посиди, маленький человек, подумай. Может, до чего-нибудь додумаешься. Вдруг выяснишь, что ты не так уж мал, а, напротив, велик...

— Да кто поверит?

— Для начала сам сумей в это поверить. Со временем придет и черед других. Прощай.

Домой идти не хотелось. Ему надоела пустая, тоскливая комнатуха на третьем этаже постоянного двора «Три галки». На вывеске его действительно были изображены три птицы, смахивающие, впрочем, скорее, на ворон, а не на галок, но с человеческими лицами. Причем лица у галок были разные — одно смеющееся, второе постное и третье гневное. Из этого можно было сделать вывод, что здесь будут рады постояльцу любого темперамента. А на самом деле хозяин постоянного двора пан Дзендрок плевать хотел на постояльцев и их настроения. Единственное, что ему нужно было, — звонкая монета за каждую комнату, в которой и было что деревянная кровать, табурет и рукомойник. Если постояльцу требовался стол, его можно было получить только за дополнительную плату.

Василий работал на подоконнике. Дзендрок сердился, но молчал: жилец формально не нарушил никаких

правил. Писать на подоконнике не возбранялось. Но все же!.. И однажды Дзендрек спросил:

— Пану поэту легче пишется на подоконнике?

— Нет,— спокойно возразил ему Василий.— Просто у меня нет денег, чтобы купить себе стол...

...Василий долго бродил по пустому городу. Постоял возле капеллы Боимов, разглядывая скульптуры и рельефы, украшающие фасад. Чего тут только не было: и фигуры апостолов, и евангельские сцены, и медальоны с фигурами пророков, маскароны¹, картуши². На фоне угрюмого, ныне грязного и неухоженного города капелла теперь казалась вызовом здравому смыслу. Да, может, она такой была сразу же, когда сто лет назад поставил ее во славу себе и своему семейству выходец из Венгрии, сначала разбойник, а затем ростовщик Юрий Боим, чей портрет теперь украшает задний фасад здания?

Василий отправился домой и уснул еще до вечерней зари. Но поспать до утра ему не дали. Опять на улице поднялись крики, шум и какая-то перебранка. Василий выглянул в окно. К площади Рынок бежали люди с фонарями. Пришлось одеться и поспешить за всеми. Оказалось, что виновником ночного переполоха был все тот же ксендз Шимановский.

Незадолго до полуночи он почему-то подошел к каменному льву у ратуши и боднул пьедестал, на котором лев сидел. Пьедестал оказался крепче головы ксендза. Шимановского подняли, отнесли в дом напротив. Это как раз и был «королевский отель». Пустили кровь, положили на голову лед. Ксендз открыл глаза.

— Отчего так много света, панове? — спросил он.

— Люстры зажгли, чтобы я мог видеть цвет вашего лица,— ответил лекарь.

¹ М а с к а р ó н — архитектурное украшение в виде личин сатира или фавна.

² К а р т ú ш — орнамент в виде гирлянд.

— А это что? — Ксендз указал рукой на медный тазик с кровью. — Божья кровь?

— Ну, не совсем, — смутился лекарь. — Лишь в переносном смысле.

Ксендз спустил ноги с софы и, пошатываясь, встал. Его попытались подхватить под руки.

— Нет, не надо! — твердо сказал Шимановский. — Разрешите пройти туда, панове! Мне здесь, среди вас, не нравится...

Никто не понял, куда это «туда», но все расступились. Неторопливым, но твердым шагом Шимановский пересек комнату, вышел на балкон и шагнул через низкие перила в вечность...

Когда Василий прибежал на площадь, тело Шимановского уже унесли, а история дома пополнилась еще одной небезынтересной страницей.

— Вот что способна творить истинная вера! — сказала стоявшая рядом с Василием старушка и перекрестилась.

Василий подошел к бронзовой русалке и погладил по холодному хвосту. Странно, что, столько лет наблюдая казни и смерти на этой площади, она не сменила улыбку на гримасу боли. Напротив, она, казалось, подмигивала Василию.

* * *

Через день панна Мария, купец Михайло и Василий получили известия от верных людей при великом коронном литовском гетмане Адаме Синявском. Те сообщали, что Синявский вопреки распространившимся слухам не собирается признавать Станислава Лещинского королем, поддерживает тесные связи с царем Петром и пытается организовать вооруженное сопротивление шведам. Те же люди утверждали, будто Синявскому точно известно, что Иван Мазепа собирается перейти на сторону

шведов. Синявский об этом даже намекнул царю Петру в одном из писем.

— Да ведь похоже на правду,— сказал Михайло.— Мазепу надо держать под присмотром.

— Но как именно? Легкое ли дело! Он сам кого хочешь проведет и под присмотр поставит.

— Ну уж не так он страшен.

— Хитер, да и не глуп.

— А я рискну предстать пред его ясны очи. И уверен: мой план направиться прямо в Батурин — годится,— решил Василий.— Хочу взять с собой одного знакомого художника. Говорят, гетман любит, когда его рисуют или гимны в его честь слагают.

— Художник верный человек?

— Такой попутчик не повредит,— уклонился от прямого ответа на вопрос Василий.— Он прикроет меня.

И решили, что Василий с художником немедленно отправятся в Батурин, Михайло — к Адаму Синявскому, а одноглазый Иван — на Хортицу, чтобы удержать запорожцев от перехода на сторону шведов и Мазепы, если гетман все же решится на измену. Связь пока что должны были поддерживать через панну Марию.

Сама панна Мария во время этого совета молчала, но, когда все дела обсудили, попросила Василия остаться для важного разговора. Разговор этот растянулся до полуночи. И мы не стали его излагать в деталях.

— Розы, которые плавают в вазе... от кого они? — спросил, уходя, Василий.

— Их прислал Лянскоронский.

— Ну, теперь, когда меня во Львове не будет, он сможет их слать дважды в день.

— Ты говоришь со мной зло и враждебно.

— Это не так. Но мы расстаемся. И я, естественно, неспокоен. Кроме того, мне представляется странной и не во всем объяснимой твоя жажда маскарадов, переодеваний... Да и многие другие неожиданные поступки.

Например, с Одноглазым можно было говорить проще. Желание время от времени являть себя миру в образе «святой Юлианы» мне и вовсе не понятно.

— Я поступаю так, как желаю. И никому в том не стану давать отчет.

Впрочем, до настоящей ссоры не дошло. Василий ушел от панны Марии с перстнем на руке и ладанкой, которую пообещал все время носить на груди. Она должна была спасти его в пути от бед и напастей.

Спускаясь по крутой тропе мимо Низкого замка Василий думал о том, что единственный человек, с кем он хотел бы проститься во Львове, был, как ни странно, все тот же пан Венцеслав Лянскоронский, хотя теперь они вели соперничество за симпатии панны Марии. Раньше Василию казалось, что интересовали Лянскоронского только старинные картины, книги и рукописи. Кроме того, он собирал различные легенды о прошлом города. Именно потому Василию однажды было поручено записать со слов обедневшего шляхтича Челуховского семейные предания о том, будто его прадед был когда-то во Львове лицом весьма влиятельным, научил своих земляков курить табак и пить кофе, а также кое-что сделал для укрепления во Львове иезуитов и униатов. Хотя многое в рассказе Челуховского казалось странным (к примеру, кое-кто утверждал, что граф Челуховский погиб по дороге в Рим; детей у него не было, и все достояние перешло к его вдове, а от нее — уже без графского титула — к ее племяннику, итальянцу по происхождению), Василий с интересом записывал рассказы Челуховского. В них было немало необычного, но все же объясняющего многие события, совершавшиеся в старину во Львове...

В общем, пан Венцеслав Лянскоронский был хоть и странен, но незлобив. Большую часть дня он проводил в креслах, с какой-нибудь книгой в руках. Подчас он казался спящим. Лишь шелест перелистываемых страниц убеждал, что пан Венцеслав бодрствует.

Но с какой стати он шлет цветы Марии? Кому поручает их относить? Трудно предположить, что пан Венцеслав находит в себе силы, чтобы подняться с кресел, пересечь весь город и с букетом в руках взобраться на гору...

Эхо шагов обгоняло Василия, дробилось о высокие каменные дома, залетало в каменные подворотни. Завтра в путь. А когда он вновь увидит этот город? И увидит ли?

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

«Добрались. Приняты хорошо. Появились ли новые розы?»

Подписи не было. Но почерк панна Мария узнала сразу же.

На этот раз голубю пришлось лететь очень далеко — больше трехсот верст. Но он все же принес письмо своей хозяйке. И сейчас, воркуя, поклевывал зерна в бронзовой тарелочке, равнодушно взирая на мир маленькими черными глазами. Панна Мария решила дать голубю волю, позабыв, что это голубь почтовый, ручной. Она открыла окно и выпустила птицу: лети куда хочешь. Но голубь, сделав круг над фольварком, снова вернулся к знакомому окну и к тарелочке с зерном. Ему тут было спокойнее и милее, чем в небе...

Зато другое письмо было отправлено не с голубями, а, скорее всего, с каким-нибудь шкипером английского судна, зашедшего в Архангельск. Известно только, что ушло оно в Англию с «верной оказией».

«О том, что случится, можно только гадать,— общал английский посол в Москве Витворт Джону

Черчиллю графу Мальборо в Лондон,— но так как у меня теперь есть верная оказия для пересылки письма, то я прошу разрешения высказать вам свое скромное суждение. У шведского короля есть такое преимущество, как закаленные солдаты, опытные генералы и храбрые офицеры, он необыкновенно терпелив и даже любит утомлять себя, он непоколебимо храбр, и его решения неизменны... Но постоянное отвращение его врага от всякой мысли о переговорах и тяжкие условия, поставленные королем последнему союзнику Петра Августу, показали царю, что́ его самого ожидает и что у него лишь есть выбор между решительной обороной или полной гибелью... Русская армия состоит из здоровых, хорошо сложенных молодцев, обучение их хорошее, у них совсем не тот вид, как во время кампаний в Польше, и многие полки, несомненно, будут сражаться хорошо, если их поведут...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КОГДА КОРОЛЬ ВО ГНЕВЕ

Кто знает, может быть, в молчаливом шведском короле погиб писатель. И недюжинный. Может быть... Все может быть... Во всяком случае, письма его отличались необычным слогом и менторским многословием в то время, как в жизни король был предельно немногословен. Посланий вечно отсутствовавшего Карла ждали в Швеции со страхом. Король всегда требовал денег — много денег! — и новых рекрутов.

Вот добралась наконец шведская армия до Костеничей, города неподалеку от узкой речки Ипути. Несколько улочек, мазаные домики вперемешку со срубами. Едва хватило квартир для главной квартиры и штаба. И король тут же решил написать письмо в Стокгольм. Ему принесли бумагу, чернила и хорошо очиненное перо. Но надо же было, чтоб именно в этот час в Костеничи приковылял оборванный и озябший солдат, чтобы сообщить о катастрофе под Лесной.

— Как было дело? — спросил Карл, морщась, случай небывалый: обычно лицо Карла оставалось неподвижным.

— Ваше величество, русские неожиданно напали на нас.

— Русские напали на Левенгаупта? Левенгаупт мог напасть на русских, русские на Левенгаупта — никогда. Этот солдат лжец! — заявил Карл и удалился.

Полковник Хорд решил все же расспросить солдата подробнее. По словам солдата выходило, что на переправе через Днепр в районе Шклова Левенгаупт узнал, что его догоняет русский корволант — летучий отряд — во главе с самим царем. Однако это не очень взволновало Левенгаупта. Его огромный обоз охраняло шестнадцать тысяч первоклассных солдат, многие из которых помнили еще успех под Нарвой, знали, как сражаться с русскими и как обращать их в бегство.

Все же Левенгаупт принял некоторые меры предосторожности: подослал к русским мнимого дезертира, чтобы тот своими показаниями сбил их с толку.

— И что же? — спросил полковник. — Добрался лазутчик до русских?

— Не знаю. Никто ничего не знает, кроме того, что у деревни Лесной русские внезапно напали на нас.

— Пехота или калмыки?

— Была пехота, потом подошла и конница. Это была страшная баталия.

— Что же в ней страшного? Да конница у них слабая. Пехота — еще куда ни шло...

— Может быть... Откуда мне знать? Я простой солдат. Было очень страшно... Ад! — и он вдруг заплакал, опустив голову на колени.

Полковник Хорд, высокий белокурый красавец, любимец короля и всей армии, бесстрашный и невозмутимый Хорд, который во время даже самых жарких сражений больше заботился не о сохранности собственной персоны, а лишь о целостности парика, — этот храбрый и внешне недоступный сантиментам человек вдруг склонился над измученным солдатом и, похлопав его по худой спине с остро обозначенными под мундиром лопатками, сказал:

— Ну, ничего! Ничего... Русских, наверное, было намного больше, чем вас.

— Не знаю, — сказал солдат, всхлипывая. — В этом бою убили Ивара, Свена. Да не только их. Погибли почти все мои приятели.

— Приятели — дело наживное. Ты скажи, удалось ли спасти пушки, порох, провиант?

— Московиты всё захватили.

Хорд понимал, что солдат не лжет. Тем более что к вечеру подошло еще несколько гонцов от Левенгаупта с сообщением о катастрофе. Это казалось невероятным. Дурным сном. Не могли русские разгромить большой отряд под командованием талантливой и опытной генерала...

Тем не менее с фактом приходилось считаться. Телеги с оружием, порохом, припасами Левенгаупту пришлось бросить. Полегла и большая часть отряда. Да и те, кто спаслись, сумели это сделать лишь благодаря хитрости генерала, который ночью приказал разжечь костры, будто шведы стали лагерем напротив русского войска, чтобы поутру продолжить бой. А на самом деле остатки армии Левенгаупта бежали ночью, обмотав

копыта лошадей ветошью, чтобы не выдать неприятелю свою ретираду¹...

И что казалось уж совсем невероятным, так это способ действия русских войск — внезапное, стремительное, а главное, тактически грамотное нападение. Царь Петр выстроил свои силы в две линии. В первой были пехота с кавалерией на флангах, во второй — кавалерия, подкрепленная гренадерскими ротами. Именно так строили порядки еще со времен Ганнибала все полководцы, уверенные в своих войсках. Кавалерии полагалось во время боя зайти во фланги противника, если, конечно, противник разрешит это сделать.

— Следовательно, — сказал Хорд вслух, ни к кому, впрочем, конкретно не обращаясь, — русский царь перестал бояться нас. И уверен в том, что его войска будут тверды в деле...

Совершенно неожиданным представлялся и маневр конного корпуса русского генерала Боура. Появившись на поле в разгар сражения (он спешил к месту схватки из соседнего Кричева), Боур прошел в тылу русских войск на их левый фланг и тут же ударил по шведам. Остатки отряда Левенгаупта, как и самого генерала, спасли ранние сумерки и разыгравшаяся вскоре метель...

К тому же выяснилось, что беда постигла и другой шведский отряд, под командованием генерала Лагеркроны, который должен был занять город Стародуб, где были удобные зимние квартиры, запасы продовольствия и пороха. Крестьяне, специально высланные навстречу шведам стародубским полковником Скоропадским, сбили их с верного пути. Тем временем в Стародуб вошли русские войска под командованием генерала Инфланта. Теперь о попытке взять город штурмом не могло быть и речи.

¹ Р е т и р á д а (от «ретироваться») — отступление, бегство.

Королю доложили и об этом.

— Лагеркрона сошел с ума! — сказал король. — Буду рад, если ему помогут эскулапы. Я помочь ему уже не в состоянии.

Ночью Карл собрал совет. Присутствовали граф Пипер, фельдмаршал Рейншильд, полковник Хорд и генерал-квартирмейстер Гилленкрот. Все молчали. Когда король попросил первого министра графа Пипера сказать свое мнение о создавшейся ситуации, тот ответил, что всегда считал и сейчас считает лучшим для шведской армии двинуться к Балтике и очистить от русских Эстляндию. Рейншильд уклонился от ответа. Он лишь спросил, не меняют ли последние события планов похода на Москву.

— А у меня никакого плана нет! — ответил вдруг король. — Война сама их продиктует. Я знал, что надо найти неприятеля, разгромить его, как мы поступали всегда, войти в Москву и сместить с престола царя Петра.

Тут граф Пипер решился заметить, что такой план может быть невыполним.

— Но ничего другого нам не остается! — возразил король. — Вы, граф, призываете меня к осторожности, забывая, что русские претендуют на половину нашего королевства. Будем честны: когда-то многие из наших земель действительно принадлежали им. Но мы отняли у русских эти пространства во время московских смут и безвластия. Более того, ни в одном из договоров русские не признали нашего права владеть этими землями. Не царь Петр, так кто-то другой начал бы войну. И ее исход может быть решен только в самой Москве. Надо раздробить это царство на множество других, помельче. Иначе Москва всегда будет нам угрожать. Если такое невозможно, то тем хуже для нас и всей Европы. И потому я намерен идти вперед и искать русскую армию, чтобы ее уничтожить, пока не поздно. Ни мы сами, ни

кто-либо другой даже во главе всех европейских армий лет через десять уже ничего не сможем поделаться с этой страной. Она уже сильна, а в будущем обещает стать еще сильнее. Надо спешить.

Может быть, это была самая длинная речь, произнесенная королем со времени его вступления на престол. Его слушали молча, кутаясь в плащи, не зная, что ответить. Все были очень похожи на озябших птиц, сидящих на голой, исхлестанной осенними дождями ветке.

— Итак,— продолжал Карл,— я должен поблагодарить за совет. Мы идем на юг, во владения казацкого гетмана Мазепы, где найдем и провиант, и оружие, и порох, и союзников.

Все поднялись и с поклонами удалились.

Карл принадлежал к породе людей, которые попросту не нуждаются в советчиках.

— Он парализует мою волю! — признался Рейншильд Пиперу, выходя от короля.— Я надеялся, что вы сможете на него повлиять. Теперь, без обоза, без подкреплений, идти на Москву, да еще таким окольным путем, дело рискованное...

— Оставьте! — недовольно оборвал его Пипер.— Раньше вы к моим мнениям не прислушивались. Кто, как не вы, во всем подпевали королю, потакая его честолюбию?

— Мне кажется, граф, вы не неправы. Король и без наших советов честолюбив без меры. Но и удачлив. Будем верить, что фортуна и на сей раз не отвернется от него.

Тем временем сам король, казалось, не грустил. Он отложил недописанное письмо в Стокгольм своей любимой сестрице Ульрикс-Элеоноре и сел за воззвание к казакам и всем жителям Украины, в котором обещал им свое покровительство, защиту от Москвы и царя Петра и прочие блага. Но не забыл напомнить, что те, кто

не будут доставлять шведам провиант и все, что необходимо для армии, подвергнутся репрессиям.

А затем король совершил поступок и вовсе необъяснимый. Он решил... поздравить генерала Левенгаупта с победой.

«До меня уже раньше дошли слухи о счастливом деле, которое вы, господин генерал, имели с неприятелем,— писал король,— хотя сначала распространились известия о том, будто вы, генерал, разбиты...»

Остается добавить, что писал все это Карл без тени юмора. Он попросту решил не считаться с реальностью. Левенгаупт потерпел поражение? Ну и что? Проще простого объявить это поражение великолепной викторией, то есть победой.

Подходы к Москве перекрыты, а вся шведская армия загнана на Украину? И это правильно. Надо просто объявить, что именно такой план был принят с самого начала похода.

Уже совсем за полночь, когда свеча почти догорела, Карл вновь призвал к себе полковника Хорда:

— Велел ли я повесить солдата, который принес весть о поражении Левенгаупта?

— Нет, ваше величество.

— Солдату повезло. Раз уж так вышло, пусть еще поживет.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

Письмо царя Петра от 29 сентября 1708 года всем русским воеводам:

«Объявляю вам, что мы вчерашнего числа неприятеля дошли, стоящего зело в крепких местах, числом 16 000, который тотчас нас из лесу атаковал всею пехотою во фланг... Правда, хотя неприятель зело жестоко из пушек и ружья стрелял, однако ж оного

сквозь лес прогнали к их коннице, и потом неприятель паки в бой вступил, и начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не всё отступал, но и наступал, а виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет; на последи, милостью победодавца бога, одного неприятеля сломив, побили наголову, так что трупом с 8 000 на месте осталось (кроме что по лесам от ран померло и калмыки побили); обоз весь, с 2000 телег, 16 пушек, 42 знамя и поле совсем осталось нам. Генерал Флюк неприятеля бегущего достиг в Пропойску, из которых больше 500 на месте положил, да в плен взяли 45 человек офицеров, 700 рядовых, а потом еще много в наш обоз привозят и сами приходят из лесов; також и достальной обоз с 3000 телег взяли. А достальные шведы побежали вниз реке Соже и в шести милях вплавь за реку переплыли, за которыми сзади калмыки гнали и зело много побили...»

**Письмо купца Михайла
панне Марии Друкаревичевой
из Белой Церкви от 30 сентября 1709 года**

«Светлая панна!

Нами получены точные сведения, что гетман Иван Степанович Мазепа уже несколько лет состоит в переписке с кумою своею, матерью князя Вишневецкого, по второму мужу княгинею Дольскою, которая теперь проживает во Львове. Переписку они ведут с помощью цифровой азбуки, коея нами еще не разгадана, хотя многие письма побывали в наших руках и нами переписаны для возможного прочтения в будущем времени. Однако можно предположить, что княгиня Дольская склоняет гетмана к переходу на сторону незаконного короля польского Станислава

Лещинского, поелику он посещал дом ее, бывая во Львове.

Магазины нами созданы около Батурина и на Северской земле. Василий при гетмане. Иван Одноглазый увел с Сечи полтора десятка верных людей, собрал некоторых и на Правобережье — из тех, кто воевал под началом Палия. Если дело с гетманом будет иметь тот оборот, которого мы все опасаемся, к нам пристанут и многие люди из тех, кто доселе пороку не нюхал. Однако то нас мало тревожит. Коли надо, люди искусству воинскому научаются быстро, если есть хотение... Верю, что с помощью божью скоро снова буду во Львове. Да еще спешу сообщить, что епископ Иосиф Шумлянский многое делает, чтобы Ставропигийское братство, где русские книги от покон веку печатались, признало церковную унию и римский престол.

Многие братчики уже вняли прельщениям Шумлянского, о чем донесли други наши из Киевско-Могилевской духовной академии, а также лично нам говорил в том же Киеве ученый муж Феофан Прокопович — царю Петру верный союзник и враг гетмана...»

А теперь об анонимном стихотворном письме (листовке) под названием «Дума», распространяемом по Украине сторонниками Мазепы.

В «Думе» не прямо, но звучал призыв точить сабли и сохранять вольность.

Авторство «Думы» приписывали самому Мазепе. Да и Кочубей в своем доносе настаивал на этом.

Но гетман решительно заявил царю, что все клевета, никаких стихов он не писал и писать не намерен. Тем более странным должно было показаться, что осенью 1708 года из Батурина в разные города

{ Украины полетели гонцы с аккуратно переписанным
{ на лучшей немецкой бумаге текстом «Думы»...

АПОФЕОЗ МАЗЕПЫ

Утром гетмана ужалила в ухо пчела. Обычная пчела, которой положено мирно собирать на цветах нектар и носить его в улей, видимо, сбилась с пути, влетела в открытое окно, напрямик понеслась к голове гетмана, сделала над нею два круга, выбирая место для атаки, и вогнала жало в мочку левого гетманского уха.

— Беда! — воскликнул гетман. — Это предвестье божьей кары!

И не понять было, всерьез он говорит или шутит.

Генеральный писарь Филипп Орлик, сидевший в этой же комнате у стола, удивленно глядел на гетмана, не понимая, почему тот подхватился с лежака и держится за голову.

Сообразив наконец, в чем дело, он аккуратно положил перо рядом с чернильницей и пошел звать лекарей. Их при Мазепе было трое. Двое — ученых в польских университетах, а один — старый казак, который хорошо разбирался в травах, знал, как лечить «хирургические и подагрические боли», на которые в последние годы все чаще жаловался гетман. Этот казак по имени Лука, кроме того, умел готовить маковый отвар, помогавший гетману засыпать и прекращавший головокружение.

Орлик привел Луку. Тот осмотрел гетманское ухо и сказал:

— Может, само пройдет, а может, яд в голову ударит.

— Так сделай что-нибудь, чтобы не ударило!

— Все от бога! — поспешил снять с себя ответственность Лука. — Зачем с босой головой лежали? Были бы

при полном гетманском убранстве, она бы не посмела кусать. Да и некуда было бы ей...

— Авось не помру! — махнул Мазепа рукой. — Ну, а ежели помру, тогда и все тревоги сами собой отпадут.

В последнее время гетман все чаще переходил от тоски к внезапной веселости, даже бесшабашности. Лука все же принес примочку для уха и немного макового отвара в серебряном кубке.

Гетман выпил отвар и подремал. Через час проснулся и вновь призвал к себе Орлика:

— Пиши дальше. «Если я, особою своею гетманскою, оставя Украину, удалюсь, то очень опасаясь, что в здешнем непостоянном и малодушном народе произойдет возмущение. Уже появились на берегах днепровских шайки — одна в восемьсот, а другая в тысячу человек, — которые грабят добрых людей и учиняют разбой. Если я с полками уйду отсюда, разбойники и вовсе в смелость войдут. А главная причина та, что я совсем болен и собираюсь помирать. Велел даже гроб себе изготовить. Последний час мой наступает. Собираюсь ехать к архиерею в Борзну собороваться. В общем, прибыть с полками к Стародубу не могу...» Вот и все, Орлик. Пошли Войнаровского с письмом к князю Меншикову. Да пусть он не забудет рассказать там, как мы праздновали победу войск его царского величества под Лесной. Что салют из пушек давали и после каждого залпа кубок пили...

— Постой, постой! — сказал Орлик. — Кто ж поверит? То ты вдруг из пушек стреляешь и вино пьешь, то гроб себе готовишь...

— А так оно и есть! — спокойно сказал Мазепа. — И из пушек стреляю, и вино пью, и гроб готовлю. Помирать-то придется. Скоро уже. А поверят или не поверят, мне все равно. Главное — не идти к Стародубу и остаться здесь.

— Значит, ты уже решил?

— Что?

— Как это что? — удивился Орлик. — О чем вчера говорили? Идти под шведа.

— Ну, правильно, говорили, — согласился гетман. — Мало ли о чем люди могут говорить. На то им и язык дан. Какой приказ я стародубскому полку послал? Помнишь?

— Впускать в город того, кто первый придет. Русские — так русских, шведы — так шведов...

— Про то я и говорю. Бог за нас решит. Если швед победит, я напишу царю письмо с благодарностью за многолетнюю протекцию и поддержку и сообщу, что перехожу под покровительство шведского короля. Ведь и вправду царя есть за что поблагодарить, и к шведу пора перекидываться.

Орлик помолчал, задумался над чем-то, а затем мечтательно произнес:

— Если б я был гетманом...

— Может, когда-нибудь станешь, — тихо ответил Мазепа. — Только я в том сомневаюсь. Почему — скажу позже. Так что бы ты сейчас сделал, Орлик, если бы был гетманом?

— Пошел бы со своими полками на Москву!

— И далеко дошел бы?

— Швед царские войска приковал к себе. Москву оборонить некому.

— Кому оборонять Москву, всегда найдется. А где ты, Орлик, полки возьмешь?

— Да разве мало у нас? В одном Батурине триста пушек!

— А пушки, Орлик, сами не стреляют. К ним пушкарки нужны. Наши полки на Москву не пойдут.

— Почему?

— Да потому, что не от Москвы нам настоящая угроза. Для такого похода если соберем тысяч десять вместе с запорожцами, так и то хорошо будет. Ты, Орлик,

молодой и ученый. Две академии закончил — в Вильно и Киеве.

— Так что с того?

— А то, что обязан быть и умнее и хитрее.

— Значит, мы под Станислава Лещинского пойдём? — попытался генеральный писарь уловить ход мысли гетмана.

— Нет, Орлик. Поляки нам не нужны. Но и Москва не нужна. Лучше идти на поклон к шведу. Стокгольм далеко. Вдали от короля легче живется. Пусть даже шведские школы здесь откроют и их языку детей наших учат. Я не против. Больше от русских будем отличаться. А ходить походами на Москву нам сейчас нельзя. Ни казаки, ни простые люди посполитые того не захотят... Ладно, Орлик, ступай научи Войнаровского, что ему говорить князю Александру Даниловичу Меншикову в ответ на его письмо. Я еще посплю. А вечером разбуди и пришли тех хлопцев, что из Львова прибыли.

— Ты им веришь?

— Верю ли? Да не очень. И тебе, Орлик, верю не всегда. А хлопцы пока что ведут себя смирно. Один портрет мой рисует, второй историю жизни пишет. Надеются, что щедро награжу. Так и сделаю, если портрет выйдет хорошим, а история будет написана стилем ладным и словами красивыми.

Обычно сон освежал гетмана. На время проходили дурнота и головокружение. Случалось даже, что после сна Мазепа разрешал себе выкурить люльку¹ и выпить вина. Но сегодня, несмотря на маковый отвар и еще более крепкое зелье, принесенное Лукой, гетман до вечера лежал с открытыми глазами. Думал он о разном. А больше всего о том, что уж нельзя ему находиться в селе Салтыковой-Девике, хоть и хоромы здесь удобные,

¹ Люлька (укр.) — трубка.

и октябрьское солнышко светит не в пример минувшим годам нежно и ласково, и на небе ни тучки, ни облачка. А все равно надо бы мчаться в свой Батурин, созвать полковников, устроить большую раду, чтобы не он один решал, как быть дальше. Мало ли что случится! Вдруг строптивый швед внезапно повернет и, не дав генерального сражения, отправится выгонять русских из Ливонии? И хоть по сей день не было такого, чтобы Карл менял первоначальные свои решения, но и ему верить до конца нельзя. До Москвы он наверняка доберется, считал гетман. Сожжет ее. Кремль приступом возьмет. Да разве на том война кончится? Сто лет назад поляки чуть было не взяли Москву. А три года назад царские полки побывали в Варшаве. Кто знает, что случится завтра. Значит, надо выждать. Пусть жизнь сама решает. Царь Петр на том и надорвется, что стал всем навязывать свои законы. Себя погубит и державу свою развалит. Разделит ее Карл на разные княжества. Посадит в каждом из них на престол своих людей, как посадил на польский престол Лещинского. А затем эти маленькие страны, как встарь бывало, начнут ссоры и драки между собой...

Понимал Мазепа и то, что жить самому ему осталось немного. Теперь, просыпаясь по утрам, он уже не мог, как раньше, легко спустить с лежака ноги, в минуту одеться и, наскоро умывшись, вскочить на коня. Стены комнаты кружили иплыли в глазах. Хотелось крепко стиснуть голову руками, чтобы остановить это безумное вращение. Гетман тянулся к серебряному колокольчику, чтобы призвать кого-нибудь. Но пальцы дрожали. Никак не удавалось схватить колокольчик за ушко с меховым помпоном. Бессильно падал на подушки, закрывал глаза и начинал прислушиваться к тому, что творят старость и болезни с его немощным уже телом. Стучала кровь в висках, болели сердце и грудь, похолодели левая рука и левая нога. Он шевелил дрожащими

пальцами, изумляясь, что они ему еще повинуются, и творил про себя молитву. Затем принимался растирать затекшую ногу. Неужели смерть? Наверное, так она и подкрадывается к людям... Но в глубине души он не верил, что это уже его последний час. Нет, он жив! И дух его бодр, как никогда, и крепок, как даже в молодости не бывал. Теперь он, Иван Мазепа, умудренный опытом и знанием людей, готов творить дела большие. Он чувствовал себя умнее царя Петра, и гордого молодого шведа, и ничтожного клоуна на троне Августа, и нового польского короля — заикающегося бледногубого Станислава Лещинского. Вот если бы, сохранив свою мудрость, свою голову, обрести молодость Филиппа Орлика!

Гетман улыбался своим мыслям, понимая, как они нелепы, но на всякий случай еще раз творил молитву и гнал прочь от себя бесовские искушения. Но отчего при случае не помолиться, отчего в очередной раз не заверить царя Петра в верности его особе? Убытку от этого не будет. Зато всегда выигрывает тот, кто скрытнее, кто держит свои мысли и чувства за семью замками. В этом гетману приходилось убеждаться неоднократно. Абсолютно все — и покойный царь Алексей Михайлович, и князь Голицын, и царевна Софья, и Август II — были уверены, что на Мазепу можно положиться, что это верный и открытый человек. А сейчас так же думают швед Карл, царь Петр и пугливый Станислав Лещинский. Так с кем же он? Кому вправду верен?

— Самому себе! — произнес гетман и испугался звука собственного голоса: думать вслух — опасная и неудобная привычка. — Свят, свят, свят, спаси меня от напастей и врагов!

Но тут опять занули левая нога и затылок. Тело мстило Мазепе за то, что он время от времени забывал о нем. Гетман поднялся, кряхтя сел на лежаке, позвонил в колокольчик, выпил еще отвару, затем молока с

хлебом и велел звать художника и поэта. Они пришли. Тихие, вежливые, внимательные.

— Холст у тебя германский? — спросил вместо приветствия гетман у Фаддея.

— Голландский.

— Это хорошо. У них холсты самые лучшие. А краски?

— Тоже голландские. Но растираю и готовлю их сам.

— Вот я скоро, хлопцы, помру, а портрет останется. Будут люди смотреть на него и думать: что за человек был этот Мазепа? Что на уме тайл? Что сказал, а чего сказать не успел? И все-таки странно, что портреты остаются, а люди умирают... Меня сегодня пчела укусила. Лекарь не знает, к добру или нет. И я не знаю. Интересно, в загробном царстве пчелы тоже водятся или там одни птички красивые летают и райские песни поют? Ты, поэт, что про это скажешь?

— Я ничего не собирался говорить. О загробном царстве мне ничего не известно.

— Вот как! — удивился гетман. — Ты говоришь только о том, что видел собственными глазами?

— Да.

— Но бога же ты видеть не мог? А так неужели же ты не веришь, что он существует? — Гетман засмеялся, но тут же закашлялся. — Сердце болит! Ох, хлопцы, не дай господь дожить вам до того. Лучше голову в бою сложить в молодом возрасте, как мой племянник Обидовский. Завидую я ему. Пошел по приказу царя Петра в Лифляндию, погиб там как герой, вдову молодую и красивую оставил. Теперь Войнаровский на нее глаз положил, а Обидовскому уже все равно. Герой лежит себе в земле, страсти и грехи земные его уже не волнуют. А мы тут все еще разбираемся, кто хороший, кто плохой, кого судить, а кого наградить...

И не понять было, шутит гетман или говорит серь-

езно. Он с интересом наблюдал, как Фаддей закрепляет подрамник, раскладывает краски и кисти. Подошел и заглянул через плечо художника на картину.

— Кто это? — спросил он. — Вот этот — посредине, в рыцарской одежде... Я? Хорошо. Можешь даже помоложе меня сделать. Да еще уши нарисуй одинаковые, а не такие, как у меня сейчас, — одно вспухло. Сам его краем глаза вижу... Сверху — города, церкви и апостолы. Тоже правильно. А что за женщины по бокам? Лица мне незнакомы.

— Это Россия, Польша, Швеция и Турция. У каждой в руках будет ее герб.

— И все вокруг меня выются? Каждая любви моей добивается?

— Да ведь так и есть на самом деле.

— Неужто? — спросил Мазепа, и опять было неясно, прикидывается он наивным или же вправду впал в детство. — Оказывается, такой я важный и могущественный пан? Как картину свою назовешь?

— Апофеоз Мазепы.

Гетман погладил раздвоенную бороду, покачал головой и ничего не сказал — то ли не нашелся, то ли счел за благо промолчать. Но как-то приосанился. И шаг его стал легким и упругим.

— А ты, поэт, как свою поэму назовешь?

— Не знаю, будет ли это поэма.

— Что же иначе? Жизнеописание главного гетмана войска казацкого Ивана Степановича Мазепы?

— Может, и так.

— Видишь, художник проворней тебя. Он уж и название придумал. Гляди, через день-два картину закончит.

— Разные характеры.

— Да, это уж точно, что разные. Хитрый ты. Ничего, такие мне даже интереснее. Перо очинил? Бумага готова? Ну, начинай... Впрочем, нет, погоди. Запишешь

потом. Пока же выслушай. Если Иван Степанович Мазепа и был знаменит чем-то, так это тем, что умел читать мысли любого человека, с которым сводила его судьба. Знал, о чем думали и покойный царь Алексей Михайлович, и все польские короли, и патриарх всея Руси, и нынешний царь Петр... Ведомы мне и твои мысли, поэт...

Линялые глаза гетмана встретились со спокойным взглядом карих глаз Василия. Минуту, а то и более смотрели они друг на друга. Ни гетман, ни поэт не отвели взгляда. Наконец Мазепа усмехнулся и сказал:

— Будет нам в гляделки играть. Надо и о художнике подумать. Давай-ка я сяду так, чтобы ему лучше было видеть меня... Хорошо? А теперь можешь и писать. Любит меня царь Петр. Я вторая особа, которую царь наградил орденом святого Андрея Первозванного, землями одарил, шубой со своего плеча...

Но тут в комнату вбежал Орлик и, подойдя к гетману, стал что-то шептать ему на ухо.

— Черт бы их всех побрал! — воскликнул гетман. — Вот возьму тебя — и отправимся к его царской милости. Почему я должен все за всех решать? Чтобы потом говорили, что Мазепа во всем виноват? Я стар. Мне уже ничего не надо. Земель столько, что я их до смерти уже и не объеду. Из золота дом могу построить. А они все пусть хоть пропадают!

— Но швед повернул к нам! — воскликнул Орлик. — Раздумывать некогда.

— Черт бы и этого шведа побрал вместе с царем и моими полковниками! Чего вы все от меня хотите? Скорее в Батурин! Там и будем сидеть, пока царь с королем друг дружке глотки не перегрызут!

— Надо слать письмо королю.

— Почему королю, а не первому министру графу Пиперу? И послать можно управника Быстрицкого с пленным шведом, которого мы уже два месяца даром

кормим! — Тут же, точно спохватившись, гетман продолжал: — Да мне все равно! Это вам нейдет! Мне и под царем Петром хорошо.

— На каком языке писать Пиперу?

— Конечно, на латинском. Оставьте меня в покое!

— Значит, я сегодня же шлю графу Пиперу письмо,— спокойно продолжал Орлик.

— Делайте что хотите. У меня болит голова. Со мной сейчас придибка¹ будет. Я тебя, Орлик, уже и не вижу. Только голос долетает. Уходи!

Генеральный писарь твердым шагом направился к двери. Его остроносое лицо было бледным и неподвижным, как гипсовая маска. Поспешно собрал мольберт и недописанную картину Фаддей. Кланяясь Мазепе и что-то шепча, он делал знаки Василию: мол, пора удаляться... Сам Мазепа сидел, уронив лицо в ладони и покачивая головой из стороны в сторону, будто был убит внезапно свалившимся на него горем... И вдруг гетман не то заплакал, не то заныл:

Ой, беда, беда
Чайке несчастной,
Которая вывела деток
У торной дороги.
Киги! Киги!
Поднявшись вверх,
Пришлось утопиться
В Черном море.
Киги!

Василий махнул Фаддею рукой: иди в шатер. Правая бровь Фаддея изогнулась дугой. Он ничего не понимал.

— Иди, я тебя догоню! — сказал ему Василий.— Так надо.

А гетман продолжал стонать:

¹ П р и д и б к а — эпилептический припадок.

Жито поспело,
Дело приспело,
Придут жнецы жать,
Деток забирать.
Киги! Киги!

Голос у гетмана был тонкий, почти детский, а «Киги! Киги!» выкрикивал он пронзительно и неожиданно громко. Но когда Фаддей вышел, гетман замолк и поднял голову. Лицо его было пугающе спокойным, а взгляд линиялых глаз твердым. Гетман посмотрел на Василия и вдруг подмигнул ему, а затем рассмеялся мелким, дробным смехом. И смех этот был еще страшнее, чем выкрик «Киги! Киги!».

— Ничего,— сказал гетман.— Живы будем — не помрем. Думаешь, так я тебе и поверил, будто ты книгу обо мне приехал писать? Ведь я не малое дитя. Многое и многих на веку своем повидал.

— А для чего же я здесь?

— Наверное, чтоб захватить меня или убить. Только вряд ли ты царем Петром подослан. Боюсь, что другими.

— Кем же?

— Да тебе это лучше знать.

— Но если я никем не подослан?

— Не может такого быть,— сказал гетман.

— Почему?

— Да потому, что кого-то ко мне обязательно должны были подослать. Странно, если этого не сделали. Это первое. А теперь и второе: глаза у тебя дерзкие. Не такие, как у художника. Но ты не пугайся. Ни в чем не переубеждай меня. Не хочешь говорить со мной открыто — твое дело. А я о себе скажу честно. Если мне сегодня кто и опасен, так не царь Петр, который во мне души не чает, а свои же казаки. Их я и боюсь. Вот я и хочу предложить тебе уговор. Если ты послан моими врагами, я это все равно узнаю, но не трону тебя. По-

глядим, чья сила пересилит. Если швед победит москoviта, ему пойдем бить челом. Тогда я тебя не забуду. Если москoviт победит, что, думаю, сегодня богу противно, то и тогда я буду в выгоде.

— Я никем не подослан,— сказал Василий.— А если бы это даже было правдой, то какой смысл, ваша милость, вступать со мной в сговор, когда вам не страшен любой поворот событий?

— Не понял? Я ведь тебе объяснил, что своих боюсь. Потому что им невыгодно быть ни под королем польским, ни под королем шведским, ни под царем русским. А и того хуже: им под гетманом тоже жить невыгодно. Скорее к царю пойдут, чем ко мне. Чует сердце, убьют меня не москoviты, а свои же казаки. Смотрю я тебе в глаза и соображаю: уж не ты ли пришел ко мне, как Брут к Цезарю, с кинжалом под платьем?

— Разве ты меня растил и воспитывал, как Цезарь Брута?

— Это я неправильно сравнил, — согласился гетман. — Но о Бруте подумай. Какая ему выгода была убивать Цезаря, если тот его своим наследником назначил?

— Выгода одна: Брут не хотел, чтобы погибла Римская республика.

— А она все равно погибла. И сам Брут тоже погиб.

— Зато до последнего дня жил честным человеком.

— Глупо. Честных и нечестных людей не бывает. Просто у одних есть сила, чтобы делать то, что они хотят, а у других силы такой нет. Потому слабые и должны быть честными. Им другого не остается.

— Но Цезарь все ж погиб. Погибла в конце концов и Римская империя.

— Все мы смертны. Раз умерли те, кто делал империю, кому она была выгодна, умерла и сама империя. Так ты все еще будешь отрицать, что подослан ко мне?

Ты же себя выдал. Я специально заговорил о Бруте.

— А я специально о Цезаре! — ответил Василий.

— Ты не боишься, что я велю тебя схватить?

— Тебе лучше держать меня при себе. Тебе сейчас очень одиноко, гетман. Тебе хочется не убивать меня, а доказать мне, что ты прав, что иначе поступить не мог. Ты ведь обманываешь себя и других, будто ничего не боишься и от жизни уже не ждешь ничего. Не так это. Ведь человек бессмертен.

— В детях своих? У меня их нет.

— Не только в детях, но и в делах. И ты, Иван Степанович Мазепа, тоже хочешь жить долго, вечно. Потому и стихи пишешь. Потому и за молодость Мотри Кочубеевой ухватился. Потому и меня сейчас не пошлешь на смерть. Я тебе нужен для бесед, для того, чтобы осталось после тебя жизнеописание твое.

— Не хочу жизнеописаний! — закричал вдруг гетман и затопал ногами. — Не хочу никакого жизнеописания. И тебе велю голову отнять. Понял? Да, я боюсь смерти. И боялся ее всегда. А кто ее не боится? Ты? Врешь!.. Иди! Надоел!

Когда Василий ушел, Мазепа поднялся с лежака, походил по комнате, подергал реденькую бороду и вдруг произнес совершенно загадочную фразу:

— А что? Пусть будет так. Жизнь решит...

Фаддей сидел на табурете, поджав под себя ноги, смотрел прямо перед собой круглыми остановившимися глазами и что-то шептал. Если бы рядом с табуретом не валялись прохудившиеся уже сапоги, во всей этой картине было бы даже что-то мистическое и величественное.

— Что с ним было?

— С гетманом? Ничего особенного. Маленький спектакль.

— Но он так кричал!

— Недолго. Вскоре успокоился.

— Послушай, Василий, вот что мне не дает покоя: вдруг гетман, получив картину, не заплатит денег, а велит гнать нас вон? Такое может случиться?

— Деньги он тебе заплатит обязательно. Можешь не волноваться.

— Почему ты в этом уверен? Люди никогда не отдают денег, если можно не отдать. Деньги — всё! Власть, сила, хорошая жизнь. Потому гетмана и уважают, что у него золота больше, чем у всех королей. Если бы он был щедрым дураком, если бы раздавал ефимки¹ направо и налево, то никогда не накопил бы столько. Не заплатит он нам. Был бы последним болваном, если бы заплатил. Я бы на его месте картину отобрал бы, а приبلудного художника в шею вытолкал.

— Если бы ты был гетманом, то написал бы автопортрет и сэкономил на художнике.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Мазепа тебе заплатит. И щедро. При той игре, которую он затеял, какая-нибудь сотня ефимков не имеет никакого значения. Он сейчас решает, когда перекинуться к шведскому королю.

— Ну, это его, а не наши дела.

— Это как сказать! Разве тебе все равно, под кем ты будешь ходить?

— Да разве человек замечает, под кем ходит?.. Мне бы фольварк, немного денег и земли. Тогда бы я, наверное, нашел себе жену. Желательно блондинку и не очень сварливую. Если будут деньги, любая добрая женщина за тебя пойдет.

— А как с живописью?

— Никак, — честно признался Фадей. — Зачем бы мне тогда нужна была живопись? От бедности и нищеты ею и занимаюсь.

¹ Е ф и м к и — серебряные монеты.

Они легли на лавку, завернулись в плащи. Но оба долго не могли заснуть. Каждый думал о своем.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

Даниил Крман неизвестному адресату (конец октября 1708 года)

«Сам не знаю, почему пишу обо всех этих событиях. Может быть, потому, что они представляются мне невероятными, невозможными, каким-то страшным сном. Я никак не мог себе представить, что в этих диких холодных краях встречу своего сына.

Но сначала о том, как добрались мы до села Бахмач.

Я не все могу вспомнить, настолько тяжкими были эти дни. Просыпаясь утром, никто не знал, доживет ли он до вечера. Мы идем по пустой земле. Во многих деревнях — ни души. Люди уходят в леса, прячутся в болотах. Черкасы — их здесь называют также казаками, — которые делятся на украинских, запорожских, богуминских и донских, нападают на тех, кто отстаёт хоть на версту от головного войска. К тому же тут очень рано ударили ночные морозы и выпал снег. Мы замерзаем в своих плащах, пытаемся хоть где-то достать водки, чтобы согреться, но удаётся это редко. Если бы я умел писать, то постарался бы подробнее рассказывать обо всех ужасах, с которыми встречаемся мы в этой стране. Не так давно мы чуть было не попали в плен к башкирам или калмыкам. Они составляют нерегулярное войско царя Петра.

Напали они на полк, в обозе которого мы были, из лесу. Началась стрельба. Все смешалось. Был слышен только сплошной крик: «И-и-и!» Наверное,

это их боевой клич. Минут через десять нападающие куда-то исчезли — рассыпались по равнине, ускакали в лес. Королю доложили, что нападение неприятеля с честью отбито. Но мне кажется, что у этих калмыков или башкир такая тактика войны. Во всяком случае, они потеряли едва ли пятерых или шестерых воинов, а в нашем полку пришлось похоронить четырнадцать человек, да еще не менее двадцати получили разного рода ранения.

Но я хочу рассказать совершенно о другом и не знаю, сумею ли. Не так давно на сторону шведского короля перешел гетман войска казацкого Иоганн Мазепа. Он пришел к королю с небольшой военной дружиной. Впереди войска вместо хоругви несли длинную жердь. Вершок ее был украшен золоченой короной и огромным конским хвостом. Оказалось, что это и есть хоругвь Мазепы. Другие хоругви были поменьше, частью из ткани китайки, некоторые с крестом, но уже без конских хвостов.

Гетман казаков произнес на латинском языке речь, адресованную королю. Он сказал, что принимает протекцию шведского короля не для того, чтобы получить какую-то выгоду, а во имя всего казачества.

Позднее был дан обед в честь гетмана. Король сидел на одной стороне длинного стола. Рядом с ним не было никого. По другую сторону — Мазепа. Нас тоже пригласили к обеду. И тут рядом с Мазепой и его приближенным Войнаровским я увидел своего сына Василия. Мне захотелось броситься к нему, поздороваться, обнять. Наши взгляды встретились, и я понял, что сын не узнает меня или сознательно не хочет узнать. Во время обеда король не проронил ни слова, тогда как казаки Мазепы время от времени поднимали какой-то шум и о чем-то между собой спорили. После обеда король заинтересовался хо-

ругвью Мазепы и попросил принести ее, чтобы внимательно рассмотреть. Просьба короля была удовлетворена. Я тем временем подошел к сыну и поздоровался с ним. Он посмотрел на меня холодно и сказал: «Меня действительно зовут Василием, но, полагаю, вы все же принимаете меня за кого-то другого. Не упомню, чтобы я когда-то считал вас своим отцом».

Я совершенно растерялся. Позднее я узнал: мой сын — сторонник гетмана, пишет его жизнеописание. Его и еще одного художника гетман возит с собой, часто беседует с ними.

Я нашел время еще раз встретиться с сыном, который не так давно сам отыскал меня, а теперь не захотел признать.

«Занимайтесь своими делами, — ответил мне сын, — и не впутывайтесь в чужие!»

Не знаю, возвращусь ли я когда-нибудь домой, доживу ли до завтрашнего дня, но, если бы мне год назад сказали, что на мою долю выпадут такие страдания, телесные и душевные, я просто лег бы в кровать, отвернулся к стене и тихо умер от ужаса и огорчения. Тем не менее сейчас я жив. Бегаю по деревням в поисках водки, еды и теплой одежды и зачем-то пишу письма... Кому? Отсюда их все равно нельзя отправить. Не себе ли самому я пишу их?..»

Гетман Мазепа приказал стародубскому полковнику Ивану Скоропадскому в письме от 30 октября 1708 года начать истребление войск московских. Но тот, посоветовавшись с казаками своего полка, поступил иначе, открыл огонь по шведам, а о письме Мазепы тут же сообщил царю Петру.

Из воззвания малороссийских архиереев ко всему народу:

«...Бывший гетман Иоанн Мазепа изменил и пристал к еретическому королю шведскому, малороссийские отчизны отчуждился, желая оную под иго поддати... Изменник Мазепа за клятвопреступление — буди анафема! Буди проклят!»

Из обращения царя Петра к украинским казакам:

«Можем непостыдно рещи, что некоторый народ под солнцем такими свободами и привилегиями и легкостью похвалиться не может, как по нашей царского величества милости малороссийский, ибо ни единого гроша в казну нашу во всем Малороссийском краю с них брать мы не повелеваем...»

Царь призывал украинцев делать врагу «всевозможные препятствия», «если кто приведет пленного генерала неприятельского, то получит 2000 рублей». За полковника обещано было 1000, за офицеров — «по расчету против чина», а за каждого рядового шведа — по пяти рублей.

Но шведов, как правило, не доводили до царской ставки, хотя армия Карла вдруг начала таять на глазах. Поступали сведения, что в селах солдат и офицеров короля «воруют и закапывают», часто поджигали и дома, в которых шведы останавливались постоем...

**Даниил Крман своему сыну Василию
(конец ноября 1708 года)**

«Дорогой мой сын!

Вот уже месяц, несмотря на страшные лишения и ежечасную борьбу за жизнь, я наблюдаю за тобой

в надежде, что ты меня наконец признаешь. Я не мог ошибиться. Ведь это ты, а не кто иной. Раз жизнь нас вновь свела, то почему же ты не хочешь меня признать, да еще в такую трудную годину?

Столица гетмана Батурин сожжена и разгромлена русским князем Меншиковым. Король шведский оказался без артиллерии, на которую надеялся, без провианта и без зимних квартир. Даже мне, человеку не военному, ясно, какие испытания ждут всех нас впереди.

Да и твой покровитель Мазепа привел к королю не все свое войско, а всего две тысячи человек, из которых половина уже разбежалась... Местные крестьяне очень сердиты и убивают всех иностранцев, которые попадают к ним в руки. Недавно я сам чуть не погиб. И не верю, что доживу до весны. Так неужели в эту грозную годину ты не откроешься мне, не скажешь, почему ты здесь, не поделишь со мной все превратности злой судьбы?

Если я в прошлом виноват перед тобой, то готов искупить вину, как бы тяжело это искупление ни было.

Любящий тебя отец».

Возможно, и это письмо не было передано адресату, так как и черновой и чистовой варианты его сохранились в бумагах Крмана.

ПРОКЛЯТО ДЕЛО НАШЕ

Казалось, уже ничто не могло заставить гетмана улыбнуться. Еще осенью, стоя у дымящихся развалин своей столицы Батурина, он произнес:

— Кажется, проклято богом дело наше!

Вправду, все совершалось совсем не так, как хотелось гетману. Отряд Меншикова опередил шведов.

Князь поспел к Батуруну раньше, взял его штурмом, сжег запасы провианта, а пушки — их было 315 — увез с собой.

— Если я кого боюсь, так не царя Петра, а Меншикова. Этот медлить не станет. Чего доброго, сам на шведов нападет и не только викторию над ними добудет, но и самого короля в полон возьмет.

Василия и Фаддея гетман возил за собой, часто оставлял ночевать в своем шатре, который охраняли не только казаки, но еще и конный шведский отряд.

— Не пойму, — говорил Мазепа, — то ли казакам король не верит, то ли мне самому. Гость и союзник я ему или пленник?

Из Глухова в шведский лагерь прорвался какой-то казак. Никто не знал, подослан он царем или же сам решил идти за гетманом. Перебежчика допросили, а затем отвели к Мазепе. Тот рассказал, что уже в ноябре в Глухове были собраны киевский митрополит, черниговский и переяславский архиереи, полковники стародубский Скоропадский, черниговский Полуботко, переяславский по фамилии Томара и нежинский — Журавский. Приехали и сотники. После предварительной молитвы князь Григорий Федорович Долгорукий открыл выборы гетмана. Старшины после совещания предложили избрать Ивана Скоропадского. Тот, по давнему казачьему обычаю, стал отказываться, говорил, что он не достоин такой большой чести, и советовал избрать гетманом какого-нибудь молодого и достойного человека. Некоторые казаки тут же называли имя Полуботко, но в конце концов выбрали все же Скоропадского. Он тут же присягнул в церкви, а затем принял приветствия от царя и вельмож.

Через неделю в соборной Троицкой церкви после литургии и соборного молебна состоялся обряд проклятия Мазепы. Говорили, что текст его написал сам царь. В церкви установили портрет Мазепы, украшенный ор-

деном Андрея Первозванного. Затем трижды пропели анафему его имени, после чего к портрету привязали веревку, выволокли его на улицу и отдали в руки палача. Тот вздернул портрет на виселице. Одновременно митрополит распорядился, чтобы по всей Украине на дверях церквей прибили текст отлучения Мазепы и его приспешников.

— Ты сам видел, как вешали мой портрет?

Казак утверждал, что видел. Затем отдал гетману и сам текст отлучения, подписанный митрополитом.

Мазепа часами изучал его, попросил Орлика прочитать отлучение вслух. Сам лежал, закрыв глаза, вздыхал и что-то шептал, но так тихо, что Орлик, сколько ни прислушивался, но мог понять, молится гетман или хулит бога.

— Не грусти, Иван Степанович, повесили не тебя, а портрет! — решил приободрить его генеральный писарь. — А прокляли не только тебя, но и меня. Однако я весел и верю в свою звезду.

— У тебя, Орлик, нет звезды, — заявил гетман.

— Как это? У все людей есть счастливая звезда, а у меня нет?

— У всех есть, а у тебя нет. В небе на том месте, где должна быть твоя, Орлик, звезда, — дырка. И некому заплату на нее поставить.

Орлик обиделся и ушел.

Ближайшие дни ознаменовались тем, что из шведского лагеря бежали пришедшие вместе с Мазепой полковники Даниил Апостол и Игнат Галаган. Причем отчаянный Галаган умудрился увести с собой чуть ли не тысячу казаков, которые по пути в жестоком бою сбили шведскую заставу, захватили пленных и доставили их в русский лагерь.

Гетман точно в сон погрузился. Он будто и не заметил бегства Апостола и Галагана. Как ни в чем не бывало он велел звать в шатер Фаддея и Василия. Шатер

был двойным, а сверху покрыт сеном. Но все равно в нем было холодно.

— Портрет готов? — спросил гетман. — А то все остальные царь Петр испортил. Теперь, если я перекинусь от короля к Петру, так шведу придется всшать «Апофеоз».

Осмотрев портрет со всех сторон, гетман спросил, не потрескается ли краска от лютого мороза, велел завернуть в кожу и наградил художника горстью ефимков.

— Теперь ты богат. Если хочешь, оставайся при мне. Коли боишься, поезжай вслед за Апостолом и Галаганом.

— Что вы, ваша милость! Напрасно меня подозреваете. Я не предатель.

— Ладно, не буду подозревать, — согласился вдруг Мазепа. — А насчет предательства ты напрасно, а вдруг сочту., что меня решил обидеть? Придется вешать не портрет, тебя самого. Ступай! Но ты, Василий, останься. Садись здесь, рядом со мной. Я буду говорить тихо, но ты все услышишь. В том, что Апостол и Галаган от меня удерут, я никогда не сомневался. Тому и другому успел сказать, что если царь меня простит, то готов захватить в плен некую «главную особу». Как ты думаешь, что царь ответит?

— Наверное, он просто не станет отвечать. Как «главную особу» захватить, если у тебя нет и пятисот человек, годных для хорошей баталии?

— Вот и я так думаю. Не станет царь отвечать. Да не только потому, что людей у меня нет. Обижен он очень. Долго верил мне.

— А если бы царь ответил?

— Не знаю. Может, вправду, попытался бы захватить «главную особу»... Или что-нибудь другое придумал бы. Вижу лишь одно: плохи дела у шведа. Если даже запорожцы с их кошевым Костей Гордиенко к нам придут, то все равно ничего не поправить. Уж больно про-

ворен оказался Иван Скоропадский. Вон какое войско собрал. Потихоньку терзает шведа. И народ за нами не пошел. Провианта не дают. Обороняются даже тогда, когда русских войск или казаков Скоропадского рядом нет. Похоже, что проклято дело наше. Я тебе, врагу своему, о том говорю прямо.

— Если ты так уверен, что я твой враг, почему не велишь связать?

— Уже говорил: ты мне нужен. Даже коли бежать к царю надумаешь, и то не знаю, помешаю или, напротив, пособлю... Дело пропало, но я-то еще жив. И никому не ведомо, какой следующий шаг сделаю. Ты позавчера ездил в Борщаговичи. Зачем? Побледнел... Напрасно. Не пришло еще время нам с тобой бить горшки. Но каждый твой шаг мне известен. Швед сейчас как бы в плену у царя, я в плену у шведа, а ты — у меня. Так зачем же ты ночью ездил в Борщаговичи?

Василий молчал. Гетман понял, что его собеседник колеблется, а это, казалось, было не в характере поэта. Мазепа глядел на Василия снизу вверх, склонив голову на левое плечо, а в уже гаснущих глазах его проснулась жизнь и пряталась смешинка.

— Ведь ты там виделся с неким юношей, который прибыл в Борщаговичи откуда-то издалека.

И опять этот взгляд не то хитрой птицы, не то какого-то хищного зверька, подглядывающего из норки, что делается в мире широком.

Василий понял, что гетман знает больше, чем говорит. И сейчас было бы самым опасным попытаться выкручиваться или врать. Гетман мог поймать на какой-нибудь неточности, и тогда пощады от него не жди.

— А я так думаю, — продолжал Мазепа, — что приезжал к тебе кто-то из Львова, от русской партии. И через день-два я и имя этого человека буду знать. Думаешь, мне неизвестно, что русская партия во Львове давно

обо мне сведения собирает, чтобы царю сообщить? У меня среди ваших свои люди есть. Еще когда вместе с царем в Жолкове стояли, я о том позаботился. Так что, хлопче, поздно тебе скрываться.

Василий знал, что теперь от его ответа будет зависеть очень многое.

— И что же, удалось выследить этого юношу?

— Конечно, — ответил гетман. — Не только выследить, но и побеседовать с ним. Он оказался разумнее тебя. И многое рассказал нам.

— Вот как! — удивился Василий. — Может быть, юноша сообщил вашей милости и то, что он вовсе не юноша, а прелестная панна?

— Ты о чем это? — пришел черед удивляться Мазепе.

— Да о том, что виделся я не с юношей, а со своей невестой, — усмехнулся Василий. — Просто она одета была в костюм для верховой езды, короткий жюстокор¹ и плащ на меху.

— Невеста? Как ее зовут?

— Марией, как иногда называют и твою Мотрю.

— Стой! — закричал гетман. — Ты или смеешься надо мною, или сам сумасшедший! Как твоя невеста могла оказаться здесь? Если это правда, я хочу ее видеть. Ты для меня загадка, хлопче. Одно из двух: то ли ты невероятно смел, то ли ты сам дьявол.

— Ни то, ни другое.

— Тогда, может быть, ты дитя, которому просто еще неизвестно, что на свете существуют смерть, убийства, страх?

— Мне случалось пугаться, да так, что волосы на голове дыбом поднимались и сбрасывали шляпу на-земь. Если же я ее успевал подхватить, то моей трусости

¹ Ж ю с т о к о р — кафтан (буквальный перевод с французского: «точно по телу»).

никто не замечал. Все полагали, что я учен французским манерам и сдерживаю ее с головы для вежливости.

— Гм! — произнес гетман.

— Что же касается сравнения с дьяволом, то оно тоже неверно. Мне далеко до него, слишком робок.

— Гм! — во второй раз промычал гетман.

— И о невесте. Разве удивительно, что она приехала повидать меня? Кто знает, не сложу ли я голову в очередной баталии!

— Я хочу ее видеть! — сказал гетман.

— Зачем?

— Должен понять.

— Что?

— Должен понять, что вокруг происходит... Кто ты таков? Почему к тебе в лютую зиму мчит твоя невеста? Езжай за нею! Сейчас же. Привези сюда, а потом она уедет, куда захочет. Я все сделаю. Скажу, что шлю вас по делам важным. Не могу я больше сидеть здесь, слова человеческого по целым дням не слыша. Надоели мне все, а пуще других — Орлик... Езжай быстрее... Нет, постой! Когда с нею возвратишься?.. К утру. Ну, хорошо. Сейчас скажу, чтобы тебя пропустили. Да оденься потеплее.

Уснул гетман поздно. От нечего делать все же побеседовал с Орликом. Говорили о том, что, забравшись в Ромны, шведы могут оказаться в ловушке. Если Скоропадский со своими казаками отрежет пути отступления в Польшу, то генерального сражения на условиях, выгодных царю Петру, не миновать.

— Подожди. Подойдут запорожцы с Костей Гордиенко — станет повеселее, — утешал гетмана Орлик.

— Кому повеселее?

— Нам.

— Что повеселее — это уж точно. Народ они веселый, — согласился Мазепа. — А будет ли от Кости с его ребятами толк, не знаю. Лука спит? Буди его. Пусть настойку свою несет. Грустно на душе.

Луке гетман сказал, что теперь его мучит не только бессонница, но другая, ранее неведомая ему болезнь. Он как бы все время видит себя со стороны — и когда с королем беседует, и когда один сидит в комнате. Когда же ненадолго засыпает, то тоже видит сны про самого себя — то будто его на казнь в Глухове ведут, то Мария Кочубеева является ему здоровой, веселой, с веткой цветущей вишни в левой руке. А когда целует она гетмана, то на губах он чувствует терпковатый вкус уже спелой вишни...

— Не от нас все это! — покачал головой Лука. — Сны от бога. Одначе зелье дам вам сегодня крепкое, чтоб сон настоящий сморил.

Вправду, ночью Мазепа спал, как когда-то в молодости, спокойно и глубоко. Проснулся свежим, отдохнувшим, без болей в коленях и кистях рук.

— Орлик! — громко крикнул он. — Орлик! Они приехали?

— Кто? — прибежал из соседней комнаты генеральный писарь. — О ком ты?

— Василий и Мария.

— Василия что-то не видно. А кто такая Мария?

Мазепа махнул рукой:

— Я так и знал!

ПРОЩАНИЕ

Они ехали по узкой дороге, скользкой, укатанной и такой твердой, будто это был вовсе не снег, а шлифованный мрамор.

Низко над деревьями висела кровавая луна. Каза-

лось странным, что свет ее все же был желтым, а не красным.

Время от времени лошади сбивались с шага, наступая на замерзших, уже покрытых ледяной коркой птиц. Такой холодной зимы не помнили даже столетние старцы. Недавний ураган смел с деревьев снег. И теперь черные голые ветви их казались воздетыми в мольбе к небу гигантскими руками. Земля просила о пощаде.

— Может быть, надо ехать лесом? Не ровен час, наткнемся на шведов.

— Вряд ли. За сто верст вокруг ни души. Холод загнал всех в дома.

Дальше ехали молча.

Вечер они провели в натопленной до духоты хате, где остановилась панна Мария. Хозяйка (ее муж еще месяц назад ушел в Стародуб, к Скоропадскому) достала из подвала соленое мясо, хлеб и яйца — все, что удалось сберечь после недавнего шведского грабежа. Принесла и два полушубка. Кони стояли в сарае у соседа. Он пообещал нарезать мешковины, чтобы сделать потеплее попоны. Пока лошадь на ходу, она не замерзает, но лишь станет — покрывается ледяной корой.

Погасили огонь, хотя эта предосторожность была излишней. Все равно в лунную ночь хорошо виден дым топящейся печи, выдающий жилье.

Лишь блики огня из топки печи тускло и неровно освещали убогую комнату со столом, двумя табуретами и деревянным лежаком.

— Тебя не хватятся?

— До утра — нет. А к рассвету мы будем уже далеко.

— Могли послать кого-нибудь следом.

— Мне кажется, гетман о многом догадывается, но

решил не вмешиваться... Хватит о Мазепе. Спой мне что-нибудь.

— Разбудим хозяйку.

— Она все равно не спит.

И вот уже кажется ему, что не песню он слушает, а окунулся в реку. Вода теплая, ласковая, летняя. И не плывет он, а лежит на поверхности. А волна ласкает, баюкает, нежит... Пела Мария балладу о дружбе странствующего витязя и орла. Они встретились в безлюдном ущелье. Рыцарь был на земле, орел — в небесах. Но он спустился и сел на луку седла, словно уже знал, что встретил верного друга. Во многих странах побывали они вдвоем. И повсюду витязь вступался за сирых и обиженных. А орел с небес падал на его врагов и помогал побеждать. Когда витязь в лесу терял путь, орел взмывал в небо, откуда видно, и указывал дорогу. Но однажды, когда орел парил в небе, враги подстерегли витязя, схватили и заточили в замковой башне на морском острове — такой высокой, что она почти всегда пряталась в тучах. Но орел нашел хозяина, схватил его и поднял в небо. Да слишком тяжел был груз. Не хватило у орла сил перелететь через море. Вместе с рыцарем рухнул он в волны. Так и погибли они свободными и непобежденными.

Балладу Василий написал еще два года назад. А за день до отъезда Василия из Львова Мария спела ее.

— Кто придумал музыку? — спросил тогда Василий.

— Пою, как поется.

И сейчас, здесь, в затерявшейся среди лесов, скованной небывалым морозом деревеньке, она опять пела, «как поется». А может быть, эту мелодию кто-то написал или наиграл на клавесине, а Мария запомнила? Но — кто? Уж не Лянскоронский ли?

— Поздно, милый. Пора... Ты уснул?

Василий встрепенулся и тут как бы впервые увидел

полутемную комнату, длинную лавку у окна и лампаду у образа в углу.

— Не до сна. Едем.

А сейчас, на скользкой снежной дороге, теплая хата, в которой они сидели еще час назад, казалась ему далеким сном. И вообще, не так давно он побывал у Крмана в Пряшеве, а будто бы сто лет назад. Куда-то ушел, отдалился и растаял где-то вдали Львов и беседы с Фаддеем после спектакля о Цезаре, ночные прогулки через Высокий замок к фольварку панны Марии. Да и сама панна Мария оказалась за много верст от Львова, рядом с главной квартирой шведского короля... Она приехала передать ему, что одноглазый Иван увел с Сечи триста человек. Теперь ему, Василию, предстоит принять над ними команду, ворваться в шведский лагерь и схватить и короля, и всех его министров, и Мазепу.

— О чем ты думаешь?

— Ни о чем. Вспоминаю разное... Лянскоронский все еще шлет тебе цветы?

— Что тебе Лянскоронский? К тому же сейчас зима. Откуда взяться цветам?

— Ты ничего не слышишь? Вроде бы скачут... Поймай, я сниму шапку... Похоже... Левее, в лес.

Они отъехали с четверть версты в сторону, когда по дороге действительно проскакало десятка полтора всадников в суконных шведских плащах.

— Несладко им в такой одежке, — сказал Василий. — Но и гнать в мороз коней не дело. Загубят. Поедем лесом, но так, чтобы видеть дорогу.

Луна совсем уже поднялась и теперь висела прямо над головами. Тени стали короче. Хрустел снег под копытами.

— Стой! — воскликнула Мария. — Тут тоже люди.

У сосны стоял бородатый человек в овчине. К стволу дерева был прислонен мушкет.

— Друг! — позвал его Василий. — Кого поджидаешь?

Человек молчал. Может быть, не знал, с кем имеет дело, а потому не хотел выдать и себя.

— Мы мирные путники. Отвечай.

Человек молчал.

— Назад! — встрепенулась Мария. — Тут что-то неладно.

— Подожди. Сейчас.

Василий подъехал к человеку, тронул его за плечо.

— Он мертв, Мария... Постой, вот еще один...

Глаза человека были открыты. Иней, который покрыв бороду еще в те минуты, когда человек дышал, превратился в ледяную корку. Когда Василий тронул мертвеца за плечо, тот с глухим стуком упал рядом с деревом.

Через несколько шагов они натолкнулись на третьего. Тот был без мушкета. Рядом с ним лежал топор. Поодаль на полянке, накрытые сеном и рогожей, лежали шестеро мужчин. Все они были в овчинах и сапогах. Одеты не так уж плохо, но мороз оказался сильнее. Судя по одежде, это были не шведы, не царские войска и не казаки.

— Это засада, — сказал Василий. — Местные крестьяне.

— Но почему они здесь?

— Поджидали шведов. Может быть, тех, что сейчас по дороге проскакали. Или других.

— А кто же их прислал сюда?

— Наверное, сами собрались и сделали засаду.

— Гляди, в снегу бутылъ...

— Пытались согреться. Но водка коварна. Сначала вроде отгоняет мороз, а потом и не замечаешь, как в вечный сон тебя затягивает...

— Надо бы похоронить.

— Сейчас даже заступом не выроешь могилу.

Мария все же спешила, подошла к каждому из замерзших и перекрестила.

Еще через час Мария и Василий вновь остановили коней. Он разжег захваченные с собой сухое тряпье и несколько поленьев.

— Мне страшно,— сказала Мария.— Так эти замерзшие люди и будут стоять до весны?

— Наверное. Сейчас их похоронить некому. Мужики из сел разбежались. Да и бабы с детьми уходят.

— К царю Петру?

Василий подбросил в огонь валявшийся рядом сук. Но он был совсем промерзший, покрытый льдом и чуть было не загасил маленький костер.

— Нет, бегут не к царю Петру. Бегут в леса. И действуют без команды, без генералов и полковников. У шведов за последние дни угнали больше тысячи коней.

— Ты хмур. Тебе грустно?

— Просто думаю о разном. И о нас с тобой. О других людях. Кто выживет в этой войне? Что останется после нее на земле? Пепелища и заброшенные нивы?

— Города отстроят, а нивы можно засеять вновь.

— Конечно. Но погибших не вернешь. И тех, что сегодня замерзли, и тех, кто сейчас еще жив, но кто не доживет до конца войны. И еще я думаю, какими смешными были наши беседы в твоём фольварке. Можно убить Мазепу, можно оставить его в живых — от этого мало что изменится. Народ поднялся. Ни Карл, ни тем более гетман уже ничего поделать не могут.

— Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь. Конечно, наша партия — всего лишь кучка людей. Но мы не сидели сложа руки. Иван все же увел с Сечи казаков. Мы раньше других узнали о планах Мазепы и еще сумели сделать что-то полезное. Может быть, убедим

Августа выступить на помощь Синявскому. Это отвлечет часть сил шведов... Но ты опять задумался.

— Уже о другом. О бедном Фаддее, который остался у гетмана. Ведь это я его зазвал туда. А еще — о тебе и о себе.

— Что же именно обо мне?

— Да вот не могу отогнать мысль, что любишь ты в жизни лишь яркое, красивое. Может, в том ничего плохого и нет. Отсюда и жажда приключений. Ты их ищешь. Не оттого ли, что не интересно наедине с собой?

— Я могла бы обидеться. Но сейчас не время. И ты устал.

— Пусть будет так,— сказал Василий.— Устал и потому говорю глупости. Спорить нам сейчас действительно ни к чему.

На рассвете они выбрались из лесу, нашли хутор, где панну Марию ждали трое вооруженных провожатых, которые должны были ехать с нею до самого Львова. А Василию надо было мчаться на восток, к реке Псел, где его ждали Иван Одноглазый с товарищами.

— Помни: ты должен выжить!

— Я выживу, Мария!

И тронул коня. Оглянется или нет? Василий не оглянулся. Но если бы панна Мария знала, что чувствовал Василий, то, наверное, расплакалась. Больше всего на свете он хотел повернуть коня, но удержался.

КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

Орлик доложил Мазепе, что его уже дважды спрашивает находящийся при свите короля некто Даниил Крман, который хочет получить от гетмана какой-то совет. Мазепа был не в духе:

— Он в свите короля? Пусть с королем и советуется.

Причин для плохого настроения у гетмана было предостаточно. Украинские города один за другим отказывались впускать шведов. Зато слали гонцов за помощью к русским. Карлу не удалось взять Смелу и Веприк. Более того, стоило шведам покинуть Ромны и перевести главную квартиру в Гадяч, казаки Скоропадского тут же захватили Ромны. А маленькое местечко Зеньков, где не было ни одного русского солдата, оказало такое яростное сопротивление, что понадобилось несколько полков, дабы заставить жителей открыть ворота. К тому же у казаков, верных новому гетману Скоропадскому, вошло в привычку красть шведских генералов и адъютантов короля. Так исчезли Линрот, Канифер и другие известные всей армии военачальники. Был вчера вечером человек, а утром его уже нет. Где он? Не ответишь же королю, что украли казаки! И приходилось придумывать истории о сражениях со специально отряженными полками русского царя... Но Мазепа отлично понимал, чем пахнет дело: народной войной против шведов. И с нетерпением ждал ответа из русской ставки. Согласятся ли простить его? На каких условиях? Может быть, царь сделает широкий жест — примет покаявшегося грешника и разрешит ему проживание в каком-нибудь из отдаленных русских городов? В том, что оставаться ему на Украине уже нельзя, Мазепа не сомневался — наверняка найдутся люди, которые не простят ему измены...

Окольными путями, через третьих лиц, дошло наконец до Мазепы предложение канцлера графа Головкина, чтобы гетман подтвердил свои намерения «выкрасть главную особу» письменно. «Подлавливают! — решил Мазепа.— Хватит с меня писем! Пусть безопасность моей особы гарантирует не только Петр, но и другие государи. И тоже письменно!»

Мазепа понимал, что никто таких гарантий ему не даст ни сейчас, ни в будущем. Да и не только ему, но и самому королю шведскому хорошо бы отсюда убраться подобру-поздорову.

— Какой Крман? Где он? В сенях? Пусть там и сидит. Ему холодно? Незачем было ехать сюда, жил бы у себя дома.

Но тут дверь приоткрылась, и в комнату осторожно вошел крупный, полный мужчина, одетый в непонятный костюм, состоявший из суконного плаща, шляпы и женского серого пухового платка, накинутого на плечи поверх одежды.

— Извините,— сказал мужчина.— Мне совершенно необходимо с вами поговорить с глазу на глаз. Я Крман.

— Орлик, постой за дверью. Да караульных проверь: не заснули ли?

— Уверяю вас, предосторожности излишни,— продолжил Крман.— Я с самыми лучшими и открытыми намерениями. Мне надо узнать, где сейчас находившийся при вас юноша по имени Василий.

— Это я и сам хотел бы знать. Он поехал повидать невесту, да боюсь я, что этой невестой оказался кто-нибудь из русских генералов.

— Не может быть! — прошептал Крман.— Извините, я сяду. Мне плохо. У меня кружится голова.

— У меня тоже кружится. Зачем вам Василий?

— Мне он очень нужен.

— Ищите то ли у Меншикова, то ли у самого царя.

— Но он честный человек. Он не мог убежать!

— Интересно, почему это не мог? Полковник Апостол мог, полковник Галаган с тысячей казаков мог, генеральный судья Чуйкович мог, и генеральный есаул Максимович тоже мог. А Зеленский, Кожуховский, Андрияш, Покотило, Гамалия, Невинчанный, Лизогуб, Григорович, Сулима тоже не дети, а как-никак полков-

ники и все сбегали от меня к царю. Так почему же не мог бежать туда и обычный хлопец?

Гетман перечислял имена и звания беглецов не без некоторой гордости, что особенно удивило Крмана.

— Сейчас такие времена, что ни за кого нельзя поручиться! — продолжал гетман. — Я не удивлюсь, если вы и завтра убежите, прихватив с собой моего генерального писаря Орлика и первого министра короля графа Пипера. И останемся мы вдвоем с королем супротив всего русского войска. То-то будет весело! Но с нами бог, а потому мы и в этом случае победим!

Крман и вовсе перестал понимать, шутит гетман или говорит всерьез.

— Я очень надеялся на встречу с вами, — пробормотал он. — У меня нет никакой другой возможности что-либо узнать о Василии.

— Да зачем он вам?

— В некотором роде он мой родственник.

— В каком роде и какой родственник? — оживился гетман. — Орлик! Зови сюда нашего маляра. Да поживей! Выходит, вы своего родственника приставили ко мне, зная, что он партизан русского царя? Что же вы сначала без спросу сели перед лицом моей гетманской особы, а теперь без спросу вскакиваете? А, вот и Фаддей. Посмотри, хлопче, тебе знаком этот человек? Да гляди получше. Что качаешь головой? Никогда не видел его? Ведь это родственник твоего беглого приятеля Василия...

— Присягаю вам, ваша милость, что Василий не был моим приятелем. Не казните! — рухнул на колени Фаддей.

— Вот уже и отрекся от друга.

— Я не хотел.

— Хотел, не хотел, а уже отрекся. Где он сейчас?

— Не знаю.

— А этого человека, который стоит перед тобой, ты тоже не знаешь?

— Впервые увидел здесь, в шведском лагере.

— Врешь! Это ведь родственник твоего Василия.

— Клянусь, ваша милость, что ранее никогда не видел этого человека.

Крман всегда был медлителен, даже когда речь шла о нем самом. Сейчас он собрался наконец с силами, вышел на середину комнаты, сложил руки на животе и попросил внимания. Обращаясь к гетману, он сказал, что явился по очень ответственному делу и не понимает, зачем выяснять вещи, которые он, Крман, и не собирается скрывать. Да, Василий его племянник. Правда, до войны виделись они лишь единожды. Теперь случайно встретились в шведском лагере. И вдруг он исчез.

— Исчез и исчез! — изрек гетман. — Что же нам теперь, голову пеплом посыпать? Не на поэтах земля держится, а на багинетах¹ и пушках. И пришел господь к королю нашему Карлу и сказал: «Я поставил тебя отцом многих народов!» Потому пусть глупцы бегут к царю русскому. И вы можете бежать! До единого!

Тут уж все совсем растерялись. Длинный нос Орлика стал еще острее и теперь казался нацеленной прямо в грудь гетмана пикой. Крман на манер статуи замер посреди комнаты в нелепой позе с разведенными в стороны руками, а Фаддей, пятась спиной к двери, все же промахнулся и упрямо пытался протаранить спиной стену. При этом Фаддей крестился и что-то лепетал о своей полной невинности перед богом, гетманом и людьми.

Тут-то и вошел без стука в комнату уже известный нам секретарь короля Гермелин.

— А-а! — сказал он. — Все общество в сборе. Вы, достопочтенный Даниил Крман, пришли просить у гетмана охранную грамоту?

¹ Багинет — штык.

— Да, да! — обрадовался Крман. — Мы надеемся все же попасть на родину. Охранная грамота от имени его милости князя войска казацкого нам помогла бы.

— Не дам никакой грамоты без разрешения короля.

— Король уже дал грамоту, — возразил Гермелин. — Вопрос, думаю, ясен. Напишите и вы от своего имени.

— А почему я знаю, кто таков этот Крман? Может, он вовсе не Крман, а Иван. Почему по-русски говорит?

— Я жил в Пряшеве, бывал на Подолии. У меня с детства склонность к языкам.

— Вот видите! — обрадовался Мазепа. — Для чего бы обычному человеку иметь склонность к языкам? У моего стародубского полковника Ивана Скоропадского тоже была склонность к языкам, особенно к русскому. А чем кончилось? Скоропадского вместо меня избрали гетманом. И он времени даром не теряет. Собрал войско поболее, чем у меня когда-то было. Перекрыл дорогу в Польшу. Да и здесь нам покоя не дает.

— Думаю, — возразил Гермелин, — на наши гарнизоны нападают не только казаки Скоропадского, но и какие-то другие вооруженные люди, неизвестно кому подчиняющиеся. По пути я обогнал Войнаровского с дамой. Он идет к вам, чтобы рассказать о каких-то новостях. Полагаю, в наше время приятных новостей быть не может.

— Да что у меня, званый обед или бал?

— Войнаровский уже у двери, — сказал Орлик. — Не пускать?

— Черт с ним, пусть заходит!

Сестра Марии Анна Обидовская, вторая дочь Кочубея, последовала вслед за Войнаровским в лагерь шведского короля. И гетман не знал, радоваться этому или нет. Уж слишком Анна была похожа на Мотрю и напоминала гетману грустные и сладостные для него минуты, которые — Мазепа это твердо знал — никогда уже не возвратятся.

— Я с хорошими вестями. Костя Гордиенко вышел с Хортицы и ведет с собой запорожское войско.

— Посмотрим, многих ли приведет.

— Еще в Зенькове захватили слепого старца бандуриста — русского партизана.

— Что же слепой бандурист мог высмотреть?

— А он не смотрел. Он пел песни против вашей милости и призывал казаков бороться от шведов.

— Его захватили?

— Сейчас же.

— Где он?

— Там,— сказал Войнаровский, указывая пальцем в потолок.— Уже на небесах. Наши люди осерчали, раздели его и облили водой. Он так и замерз. Сидит со своей ледяной бандурой на площади возле церкви.

— Узнали, откуда он был и как звали?

— Звали Кириенко. Два месяца назад он был на Сечи. Кто привел его в Зеньков, еще не выяснили...

— Не Скоропадского ли дела?

— В том-то и дело, что не Скоропадского. Может быть, он из тех шаек, что разгуливают сейчас по берегам Днепра да по местным лесам? Они и не от гетмана и не от царя. Пойманные утверждают, что сами от себя. Будто воевать с нами им бог велел.

— Что говорил бандурист, когда его обливали водой?

— Он пел.

— О чем?

— Возмутительные песни. Мне не хотелось бы пересказывать.

— Понятно: меня назвал изменником и вероотступником.

— Вы читаете мысли, ваша милость. А еще...

Тут Войнаровскому пришлось умолкнуть. Более того, он упал на пол и потянул за собой Анну Обидовскую. Дело в том, что замерзшее окно разлетелось вдре-

безги, а на улице началась стрельба и слышались крики. Гермелин и Орлик бросились к двери, гетман встал с кресла, лишь Крман оставался неподвижным. Из разбитого окна на улицу валили клубы пара, потому нельзя было разглядеть, кто метнул со двора в окно горящий факел. Затем в комнату просунулась голова в меховой шапке, черная перевязь скрывала один глаз человека.

— Вот где ты, проклятый! — крикнул человек. — Получай за Палия!

Человек протянул руку с пистолетом и выстрелил в гетмана. Мазепа охнул, схватился за грудь и упал. Первым опомнился Гермелин. Он тоже выхватил пистолет, добежал до окна и послал пулю вслед убегающему. Стрелял Гермелин отменно. Одноглазый споткнулся, как-то странно надломился и тут же рухнул на снег.

— Гасите факел! — крикнул Гермелин. — Займите оборону у двери!

— Гетман убит!

— Ему не поможешь. Помогайте себе!

Оказалось, что наружная охрана перебита. Гермелин и Орлик стреляли из окна наугад. Войнаровский распахнул дверь и тут же столкнулся с усатым человеком в тулупе, который уже успел занести над его головой саблю.

— Стойте! — закричал Крман. — Нельзя так!

Человек с саблей на секунду замешкался. Этого было достаточно, чтобы «мертвый» гетман подхватился, поднял с полу факел и бросил его в лицо нападающему, а Войнаровский успел выстрелить.

— Вы же только что были убиты! — совсем растерялся Крман. — Вас же застрелили!

— Был убит, а теперь ожил! — рявкнул гетман. — Надо бежать, Фаддей! За мной!

У двери гетман замешкался и пропустил вперед

Фаддея. Даже подтолкнул его в спину. Тот выскочил в сени, вскрикнул и упал.

— Зовите шведов! Мы окружены!

Истошно заголосила Анна Обидовская. Она сидела на полу у стены, натянув на голову вышитый полушалок, и орала.

— Молчи, дура! — толкнул ее ногой гетман. — Нишкни, а то сам застрелю. Ходишь здесь со счастливым лицом! О покойном муже надо почаще вспоминать...

Хату обстреливали с двух сторон, но бессистемно. Может быть, нападающие растерялись после гибели Одноглазого. Не исключено, что именно он руководил атакой, и теперь некому было скомандовать штурм.

— Живыми нас не возьмут! Только бы хату не подпалили.

Вот тут-то и подоспели шведские драгуны. После короткой, но жаркой перестрелки они отогнали нападающих. Трое драгун были убиты, четверо ранены. Нападающие потеряли четверых, не считая Одноглазого.

Мазепа вышел в сени, увидел лежащего там Фаддея.

— Не повезло сверчку, — сказал он, — Войнаровский, возьми у него в кармане мешочек с ефимками. Ему уже не нужны. Где тот, что в меня стрелял?

Его подвели к Одноглазому. Тот лежал, уткнувшись лицом в снег. Гетман велел перевернуть убитого, долго всматривался в его лицо. Оно было ему незнакомо. Драгуны оттаскивали в сарай своих погибших товарищей. Орлик добыл где-то деревянную лопату и присыпал снегом следы крови в сенях и у окна.

— Войнаровский, давай сюда ефимки! — крикнул гетман, не считая, положил их в карман и вернулся в дом.

Анна перестала кричать и теперь звонко икала. Лицо ее было мокрым и бледным. По щекам потекли румяна. Теперь она никак не походила на свою младшую

сестру. Гетман велел увести женщину. Но Анна упиралась — боялась выходить из хаты. Войнаровский и Орлик с трудом подняли ее. Разбитое окно пришлось заделать снятым с убитого драгуна плащом. Теперь свет проникал в комнату лишь через маленькое — величиной с ладонь — окошко над печью.

Гетман снова уселся в кресло, вероятно, специально для него принесенное в эту хату, и тут вновь обратил внимание на Крмана.

— А ты что делал, пока мы тут шутили?

— Я? Я... стоял... Смотрел...

— Стоял... Смотрел... Вокруг людей убивают, а ты стоишь и смотришь! Нет пистолета? Почему не стрелял?

— Не знаю... Я не люблю стрелять. Да и не умею. Кроме того, я испугался.

— А я, думаешь, не испугался?

— Вы очень находчивый человек.

— Это ты про то, как я на пол шлепнулся? Что же мне было делать? Жить-то хочется! А теряться мне ни к чему. Если бы я умел только теряться или каждый раз ушами хлопать от удивления, то не сидел бы столько лет гетманом, не водил за нос царей да королей. И пули я боюсь не больше, чем другие. Недаром говорят: кто испугался — уже проиграл. Знаешь, что страшно? Свои же теперь в меня метят. Кто следующий выстрелит? Уж не твой ли Василий?

— Мой?

— Твой племянник, который на тебя очень уж похож. Правда, повыше, покрасивее и глаза другие. Зато голоса и у него и у тебя одинаковые. В темноте можно спутать.

— Я этого не знал.

— Не знал? Гм!.. — усомнился гетман. — Больно ты хитер. Много вас, хитрых, развелось. Даже скучно от того.

— Господь с вами!

— Нет,— сказал гетман,— он не со мной. И не с тобой. Он ни с кем. И жить за нас он не станет. Сами за себя должны жить.

— Я вас не понимаю.

— Что тут понимать? Прицелился бы Одноглазый получше, не упал бы я вовремя на пол — никакой господь не помог бы. Скакал бы я теперь галопом в загробное царство. А может, такого царства и нет? Только темнота — и все. Кто это знает?

— Станные вы речи говорите.

— Не такое скажешь, когда в тебя в упор стреляют. Ступай. Я отдохну и помолюсь. В другой раз придешь. Сегодня здесь было шумно.

Крман возвращался к себе по слишком широкой для европейского глаза улице. Укатанный снег скрипел под ногами. День был ясный, солнечный и холодный. Но зима уже отступала. Чувствовалось, что морозы эти ненадолго... Впрочем, кто его знает, когда здесь тепло сменяет холод. И вообще, что он, Крман, знает об этой стране? Только то, что она огромна и живут в ней люди загадочные, с душой страстной и неумемной. Он постарался представить себе Василия в церкви, на коленях, с молитвенником в руках, но так и не смог. Потом стал размышлять о том, ходит ли гетман Мазепа к исповеди. Что говорит на ней? Всю правду о себе? Вряд ли.

— Крман! Ты почему мимо дома идешь? Так недолго в руки казакам попасть. Кто там стрелял?

Это был Погорский. Он стоял у ворот дома, где они с Крманом квартировали. У Погорского болел зуб, и потому голова его была обмотана полотенцем, завязанным на темени узлом. Может быть, именно это полотенце сделало Погорского очень похожим на огромного зайца, что показалось Крману невероятно смешным. Он стал хохотать.

— Что с тобой? — всполошился Погорский.

Крман хохотал.

— Да объясни же!

Крман не мог объяснить, так как смех не давал ему возможности вымолвить хоть слово. Погорский видел странные, отсутствующие глаза Крмана и слышал неестественный, слишком громкий смех.

— Перестань! — закричал он. — У тебя припадок!

Окрик помог. Крман умолк и сник.

— Да, — сказал он, — был трудный день. Я хочу прилечь. Идем домой.

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

Купец Михайло Петрович Марии Друкаревичевой в феврале 1709 года

«Светлая панна Мария!

Я уже четвертый месяц нахожусь при коронном гетмане Адаме Синявском, помогаю снабжать оружием верные ему войска. Спешу Вас заверить, что нет никаких указаний на то, что гетман Синявский намерен сложить оружие и сдаться Станиславу Лещинскому. Напротив, к его партии примыкает все больше и больше шляхтичей, Синявский поддерживает переписку с царем Петром и теснит где можно шведов и войска Лещинского. Вот почему у Станислава Лещинского не будет свободных войск, которые можно было бы послать на помощь шведу и Мазепе.

Что же касается нового вовлечения в борьбу Августа Саксонского, то в этом есть большое сомнение.

Август сломлен, боится шведа и даже два года назад под диктовку Карла написал Лещинскому письмо с заверением в своих добрых чувствах, однако

не пожелал его именовать «величеством», а упорно называл «высочеством» не как монарха, а только как члена царствующего дома. Оное письмо стараниями верных нам людей получено в точном списке:

«Государь и брат мой! Причина, почему мы до сих пор не ответили на письмо, какое мы имеем честь получить от вашего высочества, заключается в том, что нам казалось излишним вступать в особый обмен письмами.

Но, исполняя желание шведского короля и стремясь доказать, что мы всегда готовы следовать во всем его воле, мы приносим вашему высочеству свое поздравление с восшествием на престол и желаем, чтобы вы нашли в своем отечестве более верных покорных подданных, чем оставили мы. Весь мир должен признать по справедливости, что за все свои благодеяния и заботы мы были награждены неблагодарностью и большинство наших подданных помышляло только об образовании партий для содействия нашему свержению. Желаем, чтобы вас не постигло подобное же несчастье, и поручаем вас защите всевышнего.

*Ваш брат и сосед Август, король.
Дрезден, 25 апреля 1707 года».*

Одновременно сообщаю, что Август подарил Карлу шведскому саблю, украшенную драгоценностями, которую в свое время получил от царя русского.

Учтите все это, если найдете нужным попытаться вовлечь курфюрста в эту ужасную для нашего отечества войну».

Саксонский офицер Фридрих Мильтиц, находившийся в армии Карла XII, писал в начале апреля 1709 года домой в Дрезден:

«Любезная супруга моя Эбильгардина!

Верю, что провидению будет угодно, чтобы письмо мое дошло до тебя, и ты тогда узнаешь, что пришлось мне перетерпеть за последний год. Поначалу армия шведского короля, в составе которой мы шли на Москву, после ряда успешных сражений двинулась к русской границе в районе Смоленска, но затем упорное сопротивление неприятеля заставило нас повернуть на юг, во владения курфюрста украинских казаков Иоганна Мазепы. Однако и тут неприятель оказался проворнее. Любимец царя Петра Меншиков, которого здесь считают наследником престола, поскольку царь, как говорят, намерен издать закон о выборности монарха, опередил нас, захватил столицу Мазепы, полностью уничтожил ее и вывез все припасы, включая пушки, порох и запасы мушкетов. Нам пришлось метаться от одного города к другому в поисках зимних квартир и провианта. Города здесь маленькие, дома одноэтажные, стены глиняные, а крыши соломенные. Каменных и деревянных построек мало. Все кишит шпионами русского царя. Казаки не пошли за своим курфюрстом Мазепой, а избрали себе нового — Скоропадского. Этот Скоропадский оказался ярким противником Мазепы. Он собрал большую казацкую армию и отрезал нам пути отступления назад. Отсюда я делаю вывод, что наш путь может лежать только во владения турецкого султана или же к самой Москве. Но одному богу известно, что нам в Москве делать и кто нас туда пустит, если царь Петр с фельдмаршалом Шереметевым и князем Меншиковым перекрывают нам все пути к своей столице. Сам я уже не верю в то, что когда-либо увижу милый Дрезден. Правда, в последние дни к нам прибыло подкрепление в лице запорожского атамана Кости Гордиенко и части его войска. Но оказалось, что за ним пошло лишь три тысячи казаков.

Остальные перебежали к Скоропадскому. Те же казаки, которые пришли с Костей Гордиенко, произвели на нас всех удручающее впечатление. Мазепа распорядился звать в свой шатер старших казаков, чтобы угостить их обедом. Но они вели себя дико, моментально выпили всю водку и начали воровать со стола посуду. Когда кто-то им сказал, что так делать нельзя, они тут же зарезали незадачливого моралиста. Между тем казаки, которые совершают набеги на наши полевые квартиры, отличаются от войска Кости Гордиенко. Они действуют смело, подчиняются командам своих начальников и наносят нам серьезный урон.

Теперь пришла весна. Странно понимать, что в этих суровых краях бывает весна и цветут деревья. Думаю, как только дороги просохнут, король будет искать решительной баталии с русским царем. Пока же у нас было несколько мелких схваток, в том числе около города под названием Опошня, не слишком удачных для нас. Нас постоянно терзают своими набегами казаки и калмыки.

Теперь мы идем осаждать город по имени Полтава.

Остаюсь преданным тебе супругом и любящим отцом наших детей

Фридрих Мильтиц».

**Граф Сан-Сальвадор, тайный агент
саксонского курфюрста Августа Сильного,
1709 года**

«Ваше величество!

Сообщаю, что в Дрезден прибыла девица из Львова по имени Мария Друкаревичева: владелица небольшого поместья неподалеку от этого города, ваша бывшая подданная. По имеющимся у нас сведениям,

принадлежит к русской партии, поддерживает связи с коронным гетманом Адамом Синявским, не признавшим законности избрания на польский престол вашего врага Станислава Лещинского.

Нам известно, что она будет добиваться свидания с вашим величеством, чтобы сообщить сведения чрезвычайной важности.

Не исключено, что она ими вправду располагает».

ФАРФОР ВМЕСТО ПУШЕК

В Дрезден пришла весна. Снова выглянуло из-за туч солнце, стоял с тротуаров снег. Хозяйки отмыли содой стекла окон, и город принял праздничный вид, хотя никаких праздников не предвиделось. Где-то там, на востоке, шла война, но в столице Саксонии о ней старались не думать, если не считать семей, чьи близкие были призваны в шведскую армию и угнаны сражаться с потерявшим чувство реальности, как казалось дрезденцам, русским царем Петром. Ибо кто же в здравом уме и трезвой памяти решится выйти в бой против лучшего полководца и лучшей армии в мире без помощи союзников, без надежд на поддержку соседей? А помощи Петру ждать было неоткуда. Польша повержена, расколота, погрязла в борьбе партий и коалиций. Австрия тоже занята войнами за испанское наследство и сотрясена восстанием Ференца Ракоци. Данию молодой швед успел поставить на колени. Что же касается Турции и Крыма, то они только и ждали момента, чтобы попытаться остановить медленное, но неотвратимое продвижение России на юг.

Саксония откупилась от шведа 23 миллионами талеров и 12 тысячами солдат. И это была еще божеская цена. Судя по всему, России придется труднее. Может быть, она и вовсе прекратит свое существование, а Москва будет сожжена дотла.

И дрезденцы радовались, что выжили, что будет разрушен не их город, а чужая столица, что еще есть надежда со временем, пусть ценой упорного труда — а саксонцы всегда считали себя народом трудолюбивым, деятельным и очень организованным, — удастся восстановить и былое благополучие, и такой милый, приятный сердцу размеренный уклад жизни, когда не ждешь никаких неожиданностей, а наверняка знаешь, что завтра все будет так же, как было вчера.

Радовались даже тому, что непутевый курфюрст возвратился домой и теперь, возможно, займется делами своего отечества. Некоторые считали, что истощенная государственная казна скоро пополнится за счет продажи фарфора. Пошла молва, что секрет его производства удалось выкрасть в Китае агентам курфюрста.

В общем, настроения у саксонцев, в том числе и у самого Августа, были вполне весенние.

И потому, когда курфюрсту доложили, что его хочет видеть специально приехавшая из Львова молодая девица, Август подумал, что, может быть, сам бог в дополнение к приятной весне шлет ему не менее приятное знакомство.

— Опишите ее. Похожа на кого-нибудь из известных нам дам?

— Нет, ваше величество, — отвечал генерал-фельдмаршал Флемминг. — Она не похожа ни на кого. Стройна, как лань, грациозна, как кошка, великолепно держится в седле. Но главное ее достоинство — глаза. Они, ваше величество, черны, как ночь, и загадочны, как раскосые очи сфинксов. Не знаю, хорошо ли описал вам ее...

— Посредственно, — сказал Август. — Слишком много сравнений, и нет точных сведений. Ее рост?

— Выше среднего.

— Цвет волос?

— Каштановый.

— Размер рук и ног?

— Насколько я могу судить, руки миниатюрны и изящны, относительно ног, ваше величество, я затрудняюсь...

— Как я могу управлять страной, если мне не приносят точных сведений о важных делах? — буркнул Август.

В общем, приехавшая из Львова красавица не задела воображения Августа. Милых девушек, как справедливо считал курфюрст, достаточно и в Саксонии, а неудачи последних лет отвратили его от желания интересоваться чем бы то ни было за пределами родного государства. Август проводил последние недели в обществе Иосифа Фрейлиха. Говорили они на разные лады об одном и том же, но постороннему их разговор показался бы странным и маловразумительным.

— А что, Иосиф, пусть они себе лбы разобьют!

— Конечно. Причем желательно, чтобы одновременно треснули оба лба.

— Мы же займемся этим...

— Об этом никак нельзя забывать. Это выведет нас в разряд самых богатых и могущественных государств. Если это будет у нас в изобилии, мы попросту купим всех. То-то будет потеха: и побежденный и победитель окажутся нищими и еще придут к нам на поклон. Ха-ха!

Август вслед за Фрейлихом тоже начинал смеяться. При этом он размашисто хлопал себя руками по бедрам и чем-то очень напоминал пытающегося взлететь в поднебесье домашнего петуха.

Речь шла о лбах царя Петра и Карла XII, а под словом «это» подразумевался фарфор.

Август распорядился построить в Мейсене специальную фабрику, где изготовляли бы посуду, вазы, доски для столов, каминов и даже... гробы, которые стоили особенно дорого. Впрочем, затея с гробами все же не удалась. Для вдовы одного обершталмейстера¹ сделали

¹ Обершталмёстер — старший начальник королевских конюшен.

пробный фарфоровый гроб, но он разбился при погребении. Тело почтенной вдовы пришлось тут же перекладывать в обычный гроб. Вышел большой конфуз. Церемония прощания с покойной оберштадмейстершей была сорвана. Короче, с гробами не повезло. Зато остальные изделия из фарфора обещали стать очень ходовыми. Решено было оборудовать для продажи фарфора восемьдесят лавок и складов.

Курфюрст еще больше полюбил Беттигера, часто бывал у него, вместе с ним стрелял из пистолета в цель, подарил изобретателю кольцо со своим портретом, двух обезьян, медведя и открыл неограниченный кредит. Беттигер тут же построил теплицы, где высадил четыреста апельсиновых деревьев и множество других редких растений.

— Пусть играет в свои игрушки. Нам важно, чтобы он делал для нас **это**.

— Конечно,— соглашался с Фрейлихом Август.

— Затем, когда у нас золота будет столько, что и восьмидесяти складов для него не хватит, мы найдем где-нибудь десяток изобретателей, способных создать самые совершенные пушки и мушкеты. Может быть, они будут стрелять без помощи людей. Выставим такую ствольную пушку против наглого шведа. Пусть себе с нею воюет! Ха-ха!

— Главное — не делать из жизни трагедии, потому что в самой основе своей она нелепа и комична, — вторил шуту курфюрст и тянулся к бокалу с вином. — Весьма сожалею, что когда-то позволил вовлечь себя в тайные союзы, искал славы на поле брани. Фарфор вместо пушек — вот что мне пришло на ум, Иосиф.

— Я позволю себе вас перебить, ваше величество. Но только для того, чтобы дополнить вашу же мысль. Есть такая пословица: надо хорошо знать длину собственной руки, чтобы не протягивать ее напрасно. Так вот, молодой швед длины своей руки не знает. Она ко-

роче, чем ему кажется. Но он делает полезное для нас дело — подрывает силы царя Петра.

Произнеся эту вполне связную и серьезную речь, Фрейлих вдруг захохотал, хотя, казалось бы, никакого повода для смеха не было. Если в старые времена в качестве шутов при дворе держали в основном уродцев — карликов, горбатых, кривых, косых, — то позднее на доходные должности шутов стали пробиваться и обычные люди. Возникли французская, итальянская, английская и немецкая школы шутов. Английские шуты отличались невозмутимостью и саркастичностью, французские — фривольным остроумием, итальянские — хорошей акробатической подготовкой. Что же касается шутов немецких, то они были грубоваты и прямолинейны. Например, Иосиф Фрейлих, который свято следовал традициям своей национальной школы, вряд ли смог бы рассмешить француза или англичанина, но успешно веселил Августа. Фрейлих просто-напросто всем грубил и при этом хохотал. Причин его смеха подчас никто не мог понять. Но смеялся Фрейлих так истово, с таким старанием, что невольно втягивал в хохот и остальных, особенно Августа, который хоть и жаловался, что от Фрейлиха у него «кишки болят», сам же первый вслед за шутом начинал хохотать по поводу и без повода.

Вдоволь насмеявшись, они решили съездить в цейхгауз и заняться гимнастикой. Дрезденцы привыкли к тому, что курфюрст все чаще разъезжает по городу в сопровождении не только драбантов, но и шута. Потому вежливые, хорошо воспитанные горожане уже несколько не удивлялись, заведя вместе Фрейлиха и Августа, а лишь поспешно сдергивали с головы шляпу и кланялись вслед.

В цейхгаузе Август снял камзол, парик, швырнул их просто на пол, деловито потер одну ладонь о другую и принялся подтягиваться на перекладине. Зато Фрейлих,

несмотря на то что гардероб его стараниями курфюрста был великолепен, одежду свою сложил аккуратно, чтобы случайно не смять, и в одном исподнем принялся кувыркаться на грубом ковре. При этом он опять хихикал и что-то шептал себе под нос.

— Что случилось, Иосиф? Ты смеешься как-то натужно и даже печально, я бы сказал — через силу.

— Это потому, что в голове у меня нет ни единой мысли. Совсем ничего нет. Пустота.

— Не горюй. У меня не гуще.

— Вам легче. Если бы я носил одежду курфюрста, а не шута, то тоже мог бы себе позволить такую роскошь — не иметь в голове ни единой мысли. И никто не посмел бы меня за это упрекнуть.

— Эка невидаль! Надень мой камзол. Мы с тобой одного роста. И парик не забудь. А что, Иосиф, это идея. Побудь сегодня курфюрстом. Тогда ты поймешь, что управлять государством ничуть не легче, чем служить шутам... Ну вот, я же говорил, что камзол будет тебе впору. Теперь надень и парик. Фрейлих, неужели и я так же величествен в этом наряде? Нет, право, ты рожден для лучшей доли.

— В жизни не поменял бы положения шута на службу курфюрстом. Шут влиятельнее и свободнее.

— Что правда, то правда! — согласился Август. — А все же кого бы ты хотел видеть в победителях, Иосиф: царя Петра или же шведа?

— Я? — удивился Иосиф. — Что касается меня, то я хотел бы видеть одного повешенным на кишках другого.

Ни Фрейлих, ни курфюрст сразу не заметили, что они не одни в цейхгаузе. У двери стояла молодая женщина, модно одетая, в остроносых французских туфлях на высоком каблуке, с прической фонтанаж и в легком палантине, наброшенном на платье, отделанное кружевами.

— Вы здесь — почему? — удивился Август. — И кто вы?

— Мне надо говорить с курфюрстом.

— Как вы прошли мимо драбантов?

— Я им сказала, что курфюрст назначил мне здесь свидание.

— Значит, сознательно солгали?

— Да, но на это у меня были причины.

— Выкладывайте их. Перед вами курфюрст, — сказал Август, указывая на Фрейлиха. — А я его шут!

— В таком случае, — отвечала женщина, — я предпочитаю побеседовать с шутком. Кстати, у меня дома есть портрет короля Августа. Я приехала из Львова. Вам обо мне должны были доложить.

— Конечно! — вскричал Август, польщенный тем, что его узнали даже в шутовском одеянии. — Мне доложили, но не лучшим образом. Я не думал, что вы так хороши. Надеюсь, вы прибыли не с целью убить меня и не прячете под палантином кинжал или пистолет?

— Я не вооружена даже веером.

— Бойтесь наивных овечек! — заметил Фрейлих. — Они опаснее волков.

Но приезжая, видимо, приглянулась Августу, и он громогласно заявил, что не боится ни волков, ни овец, ни бога, ни дьявола, если ему, как путеводные звезды, светят такие прекрасные глаза, если его манит такая нежная рука, а под конец пышной и яркой, как фейерверк, тирады зачем-то еще раз обругал Флемминга.

— Как можно жить и трудиться на благо народа, имея столь слепых министров? Мне описали вас совсем не так.

Марии тут же была назначена аудиенция. Август принял ее во дворце — надушенный и увешанный драгоценностями. Подал руку, подвел к креслам и вручил подарок — фарфоровую розу, изготовленную Беттиге-

ром. Она походила на неудачно выпеченную лепешку, но Мария сделала вид, что потрясена подарком. Август, видимо, решил, что первый ход в игре сделан верно. Остается развить успех.

— Повелевайте мною!

— Я здесь не для того, чтобы повелевать. Напротив, спешу доказать, что всегда была верноподданной. И в те времена, когда на горизонте были тучи, и сейчас, когда пробил ваш звездный час.

— О, с помощью фарфора мы завоюем мир.

— Я говорю не о фарфоре.

— Тогда о чем же, прелестная гостья? Право, по нынешним странным временам, когда ни в чем нельзя быть уверенным, лишь фарфор, точнее говоря — обладание секретом его производства может стать ступенькой на пути к подлинному величию и славе.

— Ваше величество, вы потеряли польский трон, и вернуть его с помощью фарфора невозможно.

Август нахмурился. Стоит ли в такой ласковый вечер, когда воздух напоен негой и пропитан сладостными предчувствиями, думать об утратах? Даже в жизни королей их бывает слишком много. И лучшее, что можно придумать для поддержания бодрости духа (а бодрость духа просто необходима каждому монарху), — побыстрее о них забыть и думать о чем-нибудь ласкающем душу и веселящем кровь.

— Ах, польский трон? — молвил Август. — Поверьте, я забыл и думать о нем. К тому же это, на мой взгляд, не самое удобное место для отдыха. Мне приятнее нежиться вот в таких обычных креслах... Разрешите, я сам разолью в бокалы вино. И мы с вами будем вкушать жизнь, смаковать каждое мгновение, как смакууют заморские яства.

— Я тронута, ваше величество, и навсегда запомню этот миг. Но мне не хотелось бы злоупотреблять вашим временем и вниманием. Я приехала, чтобы сообщить

очень важные сведения о делах, свершающихся сейчас в России.

— Карл успел взять Москву?

— Нет, Карл не взял Москву и не возьмет ее. Он завяз на Украине и вряд ли когда-либо оттуда вырвется. Для вас настало время действий.

— Но ведь на сторону шведов перешел гетман Мазепа со своим войском. А царь Петр все еще не решается дать генеральное сражение. Боюсь, что и не решится.

— Карл не вернется назад в любом случае — будет дано генеральное сражение или не будет. Мазепа перебежал к шведам без войска, многие казаки ведут войну с Карлом. Его армия окружена. Сейчас самое время вновь вмешаться в дело и возвратить себе польский трон.

— Не знаю, не знаю... — сказал Август. — У меня другие сведения о положении на востоке. Возможно, Карл действительно испытывает временные затруднения, но говорить о поражении шведов еще рано. Кроме того, как вы знаете, я временно отошел от европейских дел. Устал, да и увлекли другие, не менее важные заботы. Вот почему я не рассердился, что вы коснулись не слишком приятной для меня темы. Давайте поговорим о другом. Например, об удивительном вечере, подаренном нам с вами природой и богом. Сейчас я открою окно. Вдохните этот пьянящий воздух. Да кстати и о вине: вы его даже не пригубили...

— Вино прекрасное, ваше величество.

— Я предпочел бы, чтобы вы сейчас называли меня просто Августом.

— Увы, я никогда не решусь на такое.

— Но вы решились просить у меня аудиенции.

— На то были веские причины. Поверьте, я хорошо знаю, что происходит на Украине. Вне зависимости от того, когда и где состоится генеральное сражение, Карл проиграл кампанию. Кроме царских войск и ка-

заков Скоропадского, против него воюет весь народ.

— Никогда не слыхивал, чтобы народ сам по себе, без приказа монарха или подстрекательства бунтовщиков, воевал против кого бы то ни было!

— Но у меня сведения: против шведов на Украине уже действует больше двухсот отрядов крестьян и казаков. Гетман Синявский готовится занять Львов. Его поддерживают не только поляки, но и львовская русская партия. Вы сейчас без труда могли бы двинуться к Варшаве и взять ее.

— Зачем?

— Это еще больше осложнило бы дела шведов.

— А для чего их осложнять? Они у шведов и без того сложны. Что же касается гетмана Синявского, то его успехи мне ни к чему. А тем более не по душе флирт с царем Петром. О русской партии во Львове и говорить не хочу. Сожалею, что в свое время не разгромил ее.

— Ваше величество, вы сейчас можете совершить еще одну роковую ошибку. Царь Петр — а он выйдет победителем — вам ее не простит...

— Мне не нравится разговор, — прервал гостью Август. — Судьба войны еще не решена, и я не знаю, кому из противников следует желать успеха. Самое лучшее, чтобы они оба, да и все их войска, до единого человека, полегли на поле брани. Оба венценосных брата мне порядком надоели. И вообще, вы неучтивы со мной!

— Зато правдива, ваше величество.

— Говорить монархам правду в лицо — привилегия шутов. Только им это прощается.

— А вы уверены, что шуты пользуются этой привилегией сполна?

— Мне неясна цель вашего визита, — твердо сказал Август. — Более того, не вполне понятно, кто вы сами.

— Ваша подданная...

— Бывшая подданная: я уже не король Польши,

— Но можете вновь им стать.

— Оставим это... Вспомним о вине, о веселье, о земных радостях. Слово чести, пока что наша встреча доставляет мне мало удовольствия. Мне даже стали мерещиться кошмары. Что, если в будущем все женщины начнут вести себя так, как вы? Ударятся в политику, науки, торговлю... А то, чего доброго, решат служить в армии. Наденут кирасы, схватят в руки мушкеты.... Страшно подумать! Большой скуки не могу себе представить!

— Я пришла сюда для очень серьезного и прямого разговора.

— А он не получается?

— Да, ваше величество, мы все время говорим не о том.

— Тогда сами поверните разговор в нужное русло. Уступаю вам инициативу.

— Я уже произнесла главное: Карла победят и без вашей помощи. Но о том, что обошлись без вас, не забудут. Всем его бывшим союзникам придется плохо.

— Но вам-то что? — на этот раз искренне удивился Август.— Зачем вам воинские дела и мужские страсти?

— Что ж, отвечу честно: там, на Украине, с оружием в руках ждет битвы человек, который мне дорог. Если вы ударите в тыл Карлу, возможно, и сама битва не состоится.

— Он молод, этот человек?

— Не стар.

— Высок ростом?

— Среднего роста.

— Красив?

— Мне он кажется красивым.

— Как только речь заходит о каком-нибудь другом мужчине, я теряю интерес к разговору,— заявил вдруг Август.— Простите мне эту откровенность, но прямога лучше лукавства.

Гостья поднялась. Август не стал ее удерживать. Могло показаться, что он отступил.

Допоздна сидел курфюрст в своем кабинете. Перед ним лежал текст двух листовок на немецком языке, которые предполагалось напечатать в одной из типографий. Обе они были анонимны и сфабрикованы по распоряжению Флемминга, а Августу предъявлены на санкцию.

В одной листовке река Днепр, которая внезапно обрела способность говорить человеческим языком, высокопарно восхваляла молодого шведского короля, благодарила за избавление от неволи, обещала Карлу свою верность и покорность. Эта листовка была писана стихами. Правда, прескверными. И, даже не будучи докой в поэзии, Август запыхтел, читая неуклюжие строки. Одно сравнение громоздилось на другое. Тут были и «Северный Александр», и «витязь славный и могучий», и даже «земной бог». Оплаченный рифмоплет явно переусердствовал.

Вторая листовка, напротив, была сотворена наспех. В ней со ссылками на достоверные источники говорилось о том, что Карл со своей армией погряз в болотах, что среди шведов усиливается дезертирство, прославленные полководцы никак не могут одолеть русских. Август подумал минуту, взял в руки перо и дописал еще несколько фраз о том, что гетмана Мазепу, перешедшего на сторону Карла, не поддерживали рядовые казаки, которые теперь сами ведут войну против шведов.

Какую из листовок уместнее издать? Если первую, то что скажет царь Петр в случае, если швед действительно потерпит поражение? Если же вторую, то что скажет король Карл, если он все-таки победит?

— Черт бы их побрал! — рявкнул Август. — И того и другого!

На голос курфюрста прибежал камердинер:

— Вы меня звали, ваше величество?

— Нет... Впрочем, хорошо, что пришел. А теперь Фрейлиха ко мне.

Фрейлих хоть и был весельчаком, но все же по возможности старался пораньше ложиться спать. Что делать: работа у шута нелегкая, требующая отменного здоровья. А сон, как известно, первейшее дело в случае, если хочешь сохранить бодрость духа и тела. Поэтому Фрейлих тоже чертыхнулся, когда явились звать его во дворец. Он сдернул с головы ночной колпак, минут пять массировал ноющее колено и входил в роль. Делал он это очень просто: вместо того чтобы стонать, он начинал понемногу хохотать. Одеваясь, уже смеялся во весь голос. Пред светлые очи курфюрста шут предстал свеженький, как огурчик, и веселый, как младенец, получивший в руки первую в своей жизни игрушку.

— Ты ведь сегодня курфюрст,— сказал Август.— Так ведь мы договорились? А до полуночи еще более часа. С какой же стати ты сваливаешь на меня свои обязанности?

— Я полагал, что свидание с юной девой...

— Оно не было приятным! — буркнул курфюрст.— Охотно уступил бы тебе привилегию беседовать с нею. Она занимается вовсе не тем, чем полагается заниматься женщинам. Кстати, вот две листовки. Прочитай их. Какую бы ты велел печатать? Хоть они и не подписаны, но и Карл и Петр могут рассердиться, узнав, что их отпечатали в Саксонии. Надо быть осмотрительным и сделать верный ход.

Пока Фрейлих, придвинув поближе настольный канделябр, шелестел страницами, Август вышел на балкон. Город уже затих, но кое-где еще светились огни. Любопытно бы знать, что делают там, где еще горят окна? Если уж не спится, то в такую ночь лучше погулять, назначить где-нибудь свидание своей любезной. Вспомнил вдруг Август о царе Петре, о том, что он всегда робел при встрече с царем, потому что не понимал этого чело-

века — длинного, как жердь, и поджарого, как борзая, с непропорционально маленькой головой и странным сверлящим взглядом беличьих глаз. В нем не было величественности, зато много деловитости. Вопросы Петр задавал совершенно неожиданные и не подходящие сану. Его интересовали устройство карет и фонтанов, способы отливки пушек и крепления балконов.

«Зачем вам все это, брат мой? — спросил однажды Август. — Прикажете — и вам все сделают».

«А как же я тогда буду знать, что приказ исполнили верно и меня не обманули?»

А молодой швед — совсем иной. Ему вроде бы не до суетных дел: подай сразу бессмертие. Августу вдруг пришло на ум, что двум столь разным по характерам, но в одинаковой мере упрямым соседям должно быть тесно на земле. Они не уживутся рядом. Потому никакого мира между Швецией и Россией не будет. Похоже на то, что сейчас на небосклоне засияла звезда Петра. Но Август считал, что Петр так же, как и он сам, в глубине души отчаянно боится шведа, его удачливости, его небывалой смелости. Карл умел парализовать волю противников. Уж не колдун ли он?

— Ваше величество! Я нашел выход из положения! — воскликнул в комнате Фрейлих. — Ха-ха-ха!

— Какой выход?

— Очень хороший выход. Ха-ха!

— Твой смех глуп.

— Я это и сам отлично знаю, ваше величество, потому и смеюсь. Ха-ха-ха! Надо издать обе листовки. Одновременно. Ха-ха-ха!

Теперь засмеялся уже и Август. Действительно, почему бы и нет? Кто и как докажет, что печатались они по его прямому распоряжению? Одно дело — подозрения, второе — точные факты. Санкции на издание листовок он дает лишь устно.

— Молодец, Фрейлих! Быть тебе королем шутов.

Что же касается гости из Львова, то поверь мне, опытному сердцееду, она невероятно скучна... Кстати, Иосиф, будет нелишне распорядиться, чтобы эту львицу из города не выпускали. Впрочем, вот что мне пришло в голову. Идея блестящая!.. Пусть мне немедленно сообщат, где она остановилась.

* * *

Через час, одетый в узкие французские кюлоты¹, закрывавшие лишь колени, в белые шелковые чулки, башмаки на высоком каблуке, с бронзовыми пряжками и в золотистый бархатный кафтан, шитый серебром, он стоял у гостиницы, в которой остановилась Мария. За углом, позевывая и в душе проклиная свою шутовскую долю, прятался Фрейлих. Конечно, курфюрст мог постучать привязанным у входа деревянным молотком в дверь, назвать себя — и его с поклоном впустили бы. Но такой ход событий никак не устраивал курфюрста — слишком скучным он представлялся. Поэтому он предпочел другой. Фрейлих подкупил служанку, которая в условленное время должна была с черного хода впустить в гостиницу «неизвестную особу». План удался на славу. Золотая монета проскользнула в карман передника служанки. «Неизвестную особу» своевременно впустили в гостиницу, без свечи провели по узким, темным коридорам на второй этаж и указали комнату приезжей. Оставив курфюрста перед дверью, сунув ему в руки ключ от комнаты, служанка неслышно ретировалась. Август рассердился. Дверь могла быть заперта и изнутри на щеколду или цепочку. Тогда ключ мало помог бы... Но отступать было поздно. Он нажал на ручку двери. Дверь подалась. Тут-то и пришлось ему столкнуться с тем, чего в первую минуту нельзя было даже осмыслить

¹ К ю л ó т ы (фр.) — панталоны.

На безвкусном простеньком комоде стоял подсвечник с наполовину оплившей уже свечой. У комода на табурете сидела старуха в каком-то допотопном костюме — рукава-буфы с продольными разрезами, на цветной линялой подкладке, подвешенные к поясу огромные часы-луковица, дешевое ожерелье на морщинистой коричневой шее. На щеках был слой румян толщиной с палец.

— Кто вы? — скрипуче спросила она. — Как посмели? Ночью? К одинокой даме? Моя честь! Мое имя! Я буду звать людей!

— Ради бога! — взмолился курфюрст. — Вашей чести и вашему имени ничто не угрожает. Здесь жила моя добрая знакомая... Может быть, я ошибся дверью?

— Этого я не знаю. Я только что, под вечер, заняла место, освободившееся после отъезда какой-то молодой дамы. Могу себе представить, каких она была правил, если принимала у себя в полночь мужчин!

Курфюрст попятился, прикрыл дверь. Стер манжетом со лба испарину.

— Фрейлих! — сказал Август, выбравшись из гостиной. — Меня надули, как мальчишку! Она бежала.

— Отоспимся, и все будет выглядеть в ином свете, — сказал Фрейлих неожиданно вяло. — Итак, вперед, в сладкий розовый сон.

Повеление курфюрста задержать при выезде из Дрездена молодую даму или девицу, приметы которой были сообщены караулу на всех заставах города, все же было исполнено. В ту ночь из Дрездена выехало всего лишь четырнадцать карет. Причем только в трех из них путешествовали женщины. И все они были немолоды, а одна и вовсе глубокая старуха. Так и доложили курфюрсту.

— Странно! — сказал Август. — Значит, она прячется где-то в городе. Послушай-ка, Фрейлих, нет ли тут

подвоха? Не было ли среди этих старух одной с особо легкой походкой и родинкой над верхней губой? Не провели ли меня за нос? Причем дважды.

На этот раз Август оказался провидцем. Одна из карет увозила старуху с легкой походкой и родинкой над верхней губой. Через сто верст от Дрездена маскарад закончился. Мария сняла грим. Ее сопровождали лишь двое вооруженных слуг. Слишком рискованно было предпринимать в такую смутную пору подобные путешествия. Но Мария не думала об опасности. Нужна ли была эта поездка? Не было ли слишком наивным пытаться склонить к действиям Августа, столь убедительно доказавшего на деле собственную неспособность к последовательным поступкам?

Несмотря на тряскую дорогу, в конце концов Мария все же задремала. Приснился ей неприятный и тяжелый сон. Будто ехала одна по заснеженному лесу и наткнулась на засаду — ту самую, которую они зимой видели с Василием. Стояли в мертвом карауле замерзшие воины, и в одном из них Мария узнала Василия. Она вскрикнула и пробудилась.

Что за сон? Предчувствие? Голос свыше?

Отец и дед Марии были удачливыми купцами — торговали книгами. И оставили своим потомкам не очень большое, но и не малое состояние. Потому-то хотя Мария рано осталась сиротой, она не испытывала неуверенности и страха перед жизнью, не спешила с замужеством, не высматривала выгодных женихов. А сейчас единственное, чего бы она хотела, — скорейшего окончания войны. А тогда она обеспечила бы Василия всем необходимым, чтобы он мог писать, потому что он, безусловно, талантлив. Он смог бы принести славу себе, ей, да и отечеству. Слава — это долгая память о человеке. А панна Мария хотела, чтобы, когда ей придет срок покинуть эту землю, о ней помнили. И как можно дольше.

Но почему такой непонятный сон? Не вещий ли он? Нет, вряд ли. При чем тут снега, морозы, замерзшие люди? Ведь вокруг бушует весна...

НИЧЬИ СОЛДАТЫ

После неудачного нападения на Мазепу отряд отошел к югу, хотя там была большая вероятность встречи с запорожцами Кости Гордиенко. Сам Костя с несколькими тысячами своих сторонников прорвался в шведский лагерь. В ответ русские регулярные войска взяли приступом и сожгли Сечь. Да и вообще к югу от главной шведской квартиры было беспокойно. В селах не знали, кого ждать завтра: русских, шведов или же отряды Скоропадского? Ходили слухи, будто готовятся к походу в помощь шведам крымские татары. Тем не менее Василий решил идти на юг, чтобы дать людям отдохнуть в не разоренных еще селах. Кроме того, он полагал, и небезосновательно, что именно на юге отряд значительно пополнится добровольцами. Правда, пополнение было весьма своеобразным. Лишь за неделю прибыло до тридцати казаков — от безбородых юнцов до стариков. Но появился и «обоз». Состоял он из жен и детей, решивших идти вместе с мужьями и отцами. Сколько ни убеждал Василий, что никакие возы, запряженные даже самыми крепкими и выносливыми быками, не помогут сделать отряд маневренным, с «обозом» пришлось все же считаться. Люди просто-напросто боялись оставаться в своих домах.

Оружия не хватало. Многие шли с вилами и топорами. Зато появились и двое вооруженных и полностью экипированных солдат из отряда Яковлева, только что взявшего Хортицу. Один был постарше, второй — совсем молодой, едва ли брившийся хотя бы трижды в своей жизни. Эти русские солдаты по всем порядкам во-

енного времени должны были считаться дезертирами.

— Вы сбежали от полковника Яковлева?

— Истинно так! — честно ответил старший.

— Значит, вы изменники?

— Никогда не были. Имеем намерение сражаться со шведами. Если богу угодно, сложим головы в баталии, а хребет казать не намерены...

— Постой,— перебил старшего Василий.— Тебя как зовут? Тоже Василием? Значит, тезки. А товарища твоего? Оба костромичи? Прекрасно. Так почему же из войска его царского величества убежали?

— Потому как сердит он дюже. И грозен. Отвоюем свое, а коли живы останемся, так на Дон, а то и за Яик подадимся.

— А как мне знать, что вы не подосланы шведами?

— В первой же баталии увидишь, кто мы такие — свои или ихние... Под пулями человек сразу понятен.

— Ладно,— решил Василий,— позднее потолкуем.

Но времени для серьезного разговора сразу не нашлось. Уже через день отряду пришлось выдержать короткую, но злую схватку с сотней гордиенковских казаков. Сотню разметали. Двенадцать человек взяли в плен и тут же предали суду. Чем завершился суд — понятно. Водить за собой пленных не было никакой возможности. Но и отряду в этом бою досталось изрядно. Погибло более двадцати человек, в основном новоприбывших и плохо вооруженных. Да еще столько же было тяжело ранено. Их оставили в одном из сел, на попечении крестьян и местного священника. «Обоз» все же бросили и налегке двинулись из-под Рашевки к Гадячу. Тут еще приключилась злая стычка со шведами. Высланные вперед разведчики натолкнулись на полковой магазин и походную конюшню. Их взяли внезапным ночным налетом, потеряв лишь троих ранеными. Полторы сотни ружей с кремневыми замками, шестьдесят лошадей — это уже было целое богатство. Порох пере-

сыпали в кожаные мешки и тоже унесли с собой. Все понимали, что грядет время серьезных сражений, в которых топоры и вилы помогут мало. На привалах учились разбирать и собирать ружья. И тут как нельзя более пригодился тезка Василия — старый солдат, убежавший из отряда Яковлева. Он был знаком с устройством шведских ружей и мушкетов, учил, как насыпать порох, высекать искру, подгонять кремль, чтобы было поменьше осечек.

Весна была такой же шальной, неистовой, как зима. Снег стаял внезапно, в два дня. Ручьи превратились в реки, а реки — в моря. Даже узкий Псел так разлился, что не было видно противоположного берега. Вода срывала с причалов не только челны, но и тяжелые дубки. То тут, то там можно было заметить плившие, как правило, неподалеку от берега трупы. Шведов можно было узнать по синему и серому цвету мундиров. Появились даже «старатели», вылавливавшие трупы баграми в надежде отыскать в карманах погибших деньги и ценные вещи. Василий застал все того же старого солдата отчитывавшим недавно появившегося в отряде хлопца:

— Не дело защитнику отечества таким промыслом заниматься!

— Так для чего же добру даром пропадать?

— И пусть пропадает. Завтра в баталию пойдем, на смерть. Зачем лишний грех на душу брать?

И уж окончательно удивил старый солдат Василия, когда однажды после привала поднимался с сырого ложа веток, прикрытых плащами, где спали все вповалку, не считая караульных. Солдат не сел, как обычно садятся, пробуждаясь ото сна, а перевернулся на живот, отжался на руках, затем с трудом согнул ноги и, кряхтя, качаясь и балансируя руками, неуклюже поднялся, как, наверное, поднимается на задние лапы медведь.

— Что с тобой?

— Может, простыл, а может, старая рана покоя не

дает. Когда-то, еще под Нарвой, швед багинетом ударил.

— Ты и под Нарвой был?

— А как же! С господами шведами мы старые знакомцы.

— И теперь ты, ветеран, решился бежать из царского войска?

— Для чего все время о том толковать: бежал да бежал. Не так-то уж я и бежал, а просто ушел. И не куда-нибудь, а воевать с тем же шведом.

— Чем тебя царь-то обидел?

— Меня самого? Да я его два раза в жизни и видел-то. Ничего царь. Стáтью удался. И норов у него не шуточный. Вон сколько народу в Воронеже загубил, пока корабли строил. А еще сколько загубит!

— Я из Львова,— сказал Василий.— Но наслышан о том, что́ пытается делать царь Петр. Царь хочет вывести Россию к морю. Это нужно. Да еще бояр поприжал, грамотных людей лаской не обходит.

— Только одно печали заслуживает: кнутом и палкой все дела решает. А кнутом человека даже в рай не загонишь. Вырвется и убежит. Кнут — он и есть кнут. Да еще очень хочется царю, чтобы мы стали еще больше шведами, чем сами шведы. Ну переодень меня в иноземный кафтан, так что я, от этого перестану быть сыном своих родителей?

— Нет, тут ты ошибаешься,— сказал Василий.— Нам всем, русским и украинцам, сейчас надо грамоты набираться, крепить войско. Ведь было время, Киевское княжество могло догнать даже светлую Византию. А то и обойти ее, стать еще просвещеннее. Не сумели мы тогда сами с собою и со своими характерами сладить. Сосед дрался с соседом. Потому и допустили татар и монголов на свои земли.

— Это когда-то все было, а мы живем не когда-то, а сегодня,— сказал солдат.— А сегодня у нас много всякого, чего вчера не было и быть не могло. Например,

сегодня у нас швед во дворе. И никуда ты от этого не поденешься. Закрой глаза — вроде на время нет его. Ну, а откроешь — он опять тут как тут. Вот и пришлось всем подняться на него. Сам ведь не уйдет. А про царей скажу тебе одно. Раз уж без них нельзя, то пусть будет царем Степан Тимофеевич Разин. От него, от покойника, мы и пришли к тебе. Считай нас его солдатами.

— Но Разин тоже жил и погиб не сегодня.

— А он не погиб! — возразил солдат. — Он убег и в народе скрывается. Ты почему, например, знаешь, что он еще не появится на Волге?

— Да просто потому, что Степан Тимофеевич давно сложил голову на плахе.

— А я не верю. Сказывают, в Африке есть православные, хоть и черные они все. Может, Степан Тимофеевич среди них?

— Нет, это придумали.

— Значит, хотели так придумать, раз придумали. А иначе и придумывать не стали бы.

— Об этом можно поговорить и серьезнее, — сказал Василий, понимая, что столкнулся с непростым собеседником. — Вот станет немного полегче...

— Серьезнее уже не поговорим, — возразил солдат. — Не успели сейчас — пропало...

Вскоре отряд рванулся к Опошне и Будищам, обошел их стороной, возвратился к Решетиловке, а оттуда — к Ворскле. Тем временем Карл уже успел осадить Полтаву, а на другом берегу реки появились полки авангарда царской армии. Было совершенно очевидно, что под Полтавой быть баталии. Но что решит баталия, этого, конечно, никто не знал. Здесь и нашел отряд сотник Зверевский, посланный почти из-под Лубен. От имени гетмана Ивана Скоропадского он потребовал, чтобы «ничейные» отныне подчинялись прямым распоряжениям гетмана. Одновременно гетман повелевал сообщить ему количество годных к бою людей, отписав отдельно,

сколько конных, а сколько пеших, перечислить все вооружение отряда, запасы пороха, количество пушек, если таковые имеются. Василий ничего не ответил Зверевскому, но вручил ответное послание, в котором коротко рассказал об отряде, о последних схватках со шведами, но не преминул отметить, что считает себя подчиненным полковнику Семену Палию, который ныне прощен царем, спешит из Сибири на Украину, чтобы вместе со своими войсками принять участие в генеральной баталии со шведами. А потому просил пересылать дальнейшие приказы через Палия.

Зверевский прочитал письмо и почесал бритую голову.

— А надо ли тебе ссориться с гетманом? Палий тоже будет подчинен ему.

— Я бы хотел получить тому подтверждение от самого Палия.

— Так ли, иначе ли, но его милость гетман ставит непременно условием, чтобы вы без его ведома не делали попыток захватить Мазепу, а тем паче — судить его. Гетман желает сам судить изменника от своего имени и имени народа Украины.

— Если Мазепа будет нами захвачен, мы, с ведома Палия, готовы передать его в руки гетмана.

— Его милости гетмана, — поправил Зверевский. — Я передам твое послание, хотя мог бы дать совет быть с его милостью вежливей, если хочешь остаться во главе отряда, а после победы получить хорошую должность.

— Должности мне не нужны, — сказал Василий. — Те шестьсот человек, которые сейчас находятся в моем распоряжении, готовы к боям. Мы будем согласовывать свои планы с планами гетмана.

— Его милости гетмана Украины и войска казацкого, — почти с угрозой произнес Зверевский.

Минуло еще дней двадцать. И вездесущий Зверевский вновь отыскал отряд уже с категорическим прика-

зом Скоропадского идти на соединение с главными гетманскими силами. Сам Василий именовался в этом приказе сотником Подольским, из чего можно было сделать вывод, что Скоропадский решил возвести его в этот ранг и таким образом прибрать к рукам.

— Еще и до полковников дослужишься! — сказал Зверевский. — Его милость ценит верных людей. Семен Палий уже в главной ставке войска царского. Его люди перешли под начало его милости гетмана Украины. Дело за вами.

И вручил приказ. «Сотнику Подольскому» предписывалось вести отряд поближе к Полтаве, тревожить неприятеля везде, где это возможно, высылать разъезды к его расположению, а пленных доставлять гетману для «дознания планов господ шведов и вероотступника Мазепы...».

— Пане сотнику, вы сегодня еще ничего не ели. Я принесла от общего котла...

Это была восемнадцатилетняя Евдокия, появившаяся в отряде вместе с братом после боя у Опошни. В руках у Евдокии была оловянная тарелка с кашей. Она держала ее двумя руками прямо перед собой.

— С каких это пор я стал паном сотником?

— Все люди вас так называют.

— С легкой руки гетмана, что ли?

— Про гетмана я ничего не знаю, — сказала Евдокия и почему-то покраснела и опустила глаза. — А то, что вы не ели, знаю точно. Третий раз разогреваю.

РИСКНУВШИЙ ОГЛЯНУТЬСЯ

— Нет воды? — спросил король. — Не пойму, о чем вы толкуете, граф. А это что?

— Это болото, ваше величество. Вода в нем гнилая.

— Вы преувеличиваете, граф. Велите мне принести немного этого болота...

И на глазах у первого министра и всего штаба король выпил полную кружку пахнувшей прелью и серой мутной болотной воды.

— На походе как на походе! — сказал он. — Тут нет и не может быть пуховых перин, натертых воском полов и прочих райских прелестей. Кроме того, на войне часто люди гибнут. И это тоже неизбежно.

Возможно, своей сдержанности, а также умению искренне, а не только для формы выслушивать собеседника Пипер и был обязан тому, что в свое время король произвел его в графы, а затем и в первые министры. Пипер осмеливался даже иной раз возражать Карлу. Такого права не было больше ни у кого.

— Ваше величество, армия измучена болезнями и голодом. От Мазепы мы практически не получили никаких подкреплений, если не считать денег гетмана, которые нам сейчас совершенно ни к чему. На них здесь ничего нельзя купить. Конечная цель нашего похода так же далека, как и год назад. Теперь мы заняты бессмысленной осадой маленькой крепости Полтавы. Вы продолжаете выслушивать жалкого старика Мазепу, который советует совершить пешую экскурсию в Азию... Все это пугает, ваше величество, и озадачивает.

— Граф, — спокойно и грустно сказал король, — разговор о прогулке в Азию не более как шутка. Я отлично знаю географию. Что же касается Мазепы, то я бы назвал его не жалким стариком, а стариком добрым. Он искренне желает нам помочь. Предоставил к нашим услугам часть своей казны. Не его вина, что его подданные по трусости не пошли вслед за ним.

— По трусости ли? — пробурчал Пипер. — Куда девается их трусость, когда они угоняют наших лошадей, утаскивают пушки, убивают солдат и крадут генералов?

— Но тем не менее в конечном итоге мы их всегда обращаем в бегство.

— А если это не бегство, а умысел?

— Во всех случаях показывать неприятелю спину негоже.

— Умысел внезапных набегов и изматывания противника. Кроме того, будьте справедливы, ваше величество, русские за последние годы очень укрепили армию. Их действия в Польше и под Лесной наводят на грустные и тревожные раздумья.

— Там не было меня.

— Слов нет, ваше величество, вы — выдающийся полководец.

— Я солдат! — резко сказал король. — Я — первый солдат своей собственной армии. Я ведь и веду себя так, чтобы каждый мог брать с меня пример и на походе и в бою. Кроме того, я король. И обязан думать о благе своей страны.

— Об этом мы все вас и просим! — воскликнул Пипер. — Надо возвращаться, отбить у русских все наши прибалтийские владения.

— Поздно! — сказал Карл. — Нам преградили дорогу к отступлению казаки Скоропадского. Они растащат по частям нашу армию еще до того, как мы доберемся до Минска. Но предположим, отход будет удачным. Что же дальше? Начинать все снова?.. Отойдемте в сторонку от моей палатки, граф, хочу сказать вам несколько откровенных слов. Вы самый осторожный и дальновидный из моих советников. Вы должны многое понимать. Как вы думаете, почему я, воин и никак не трус, так долго тянул с этим злосчастным походом на Россию?

— Вы, видимо, считали, что поначалу надо разгромить саксонцев и навести порядок в Польше.

— Чепуха! — сказал Карл. — С саксонцами можно было расправиться и позднее, в одну из свободных минут. Что касается Польши, то в ней издавна царит бес-

порядок. Опасность для нас представляла, представляет и будет представлять только Москва, которую я не понимаю и откровенно боюсь. Да, я боюсь ее. И не только я. Ее боятся многие. Россия маловразумительная страна. Царь Петр, который решил пригласить на службу иностранцев, строит на реках какой-то флот и, говорят, открывает заводы, может стать очень опасным. Я не так наивен, как это кажется, граф Пипер. Мне просто удобней таким казаться. Это позволяет, не выдавая себя, получше присмотреться к окружающим. Кроме того, мне нужны brave генералы, а они могут быть только у brave короля.

— Вы не перестаете меня удивлять, ваше величество! — прошептал Пипер. — И весь мир тоже.

— Хочу верить, что у меня достанет сил удивить его еще раз.

— Что же нас всех ждет?

— Смерть или не очень почетный мир. Сейчас я отклонил предложение царя Петра о перемирии не только потому, что он хочет оставить за собой отвоеванные области. Боюсь, что их так или иначе придется отдать...

— Что вы говорите, ваше величество! Я не ослышался?

— Нет, граф, вы не ослышались. Забудем на минуту о ролях, которые каждый из нас вынужден играть. Что я получил в наследство? Державу с великолепной армией, но почти пустой казной; благополучие и будущее во многом зависело от того, удастся ли удержать отобранные когда-то у русских территории, законность захватов которых — во второй раз повторяю вам это — русские никогда не признавали. Что оставалось мне? Воевать. Запугивать их разделом России. А сейчас мне надо взять эту мелкую крепость, выиграть у царя хотя бы одну большую баталию, а затем уже пойти на новый мир. Мы снимем свои угрозы взять и разорить Москву,

а они должны отказаться от Лифляндии и Эстляндии и прекращают строить крепости на Неве.

— Мрачная перспектива, ваше величество. Выходит, все жертвы были ни к чему.

— Как это ни к чему? Мы боремся за право выжить в качестве влиятельной державы. К тому же на моей стороне еще одно преимущество. Царь Петр меня боится, что совершенно очевидно. По сей день не может забыть разгром под Нарвой. Надо пользоваться моментом. И потому мы сейчас дадим приказ к штурму крепости. Возьмите свою подзорную трубу. Понаблюдайте. Не ленитесь.

Пипер повиновался. Идиллический пейзаж: небольшой городок на возвышенности, окруженный двойным валом и вырытыми шанцами. Напротив недостроенного монастыря уже были сооружены шведские апроши¹. Между монастырем и городом протекала небольшая и, видимо, не очень глубокая река. По ту сторону реки русские уже начали рыть окопы. Трудно было сказать, подвел ли фельдмаршал Шереметев сюда все свои силы или же только авангард, но Карл весьма мудро распорядился сделать окопы на другом берегу реки, чтобы не позволить русским подбросить в крепость подкрепления.

Пипер безучастно разглядывал полтавские валы, а сам вспоминал беседу между королем и генерал-квартирмейстером Гилленкроком, свидетелем которой ему довелось быть месяц назад.

«Вы должны приготовить все для нападения на Полтаву», — распорядился тогда король.

«Намерены ли ваше величество осаждать город?» — уточнил Гилленкрок.

«Да, и вы должны руководить осадой и сказать нам,

¹ А п р о ш и — зигзагообразные земляные рвы, которые устраивали атакующие для скрытого приближения к осажденной крепости.

в какой день мы возьмем крепость. Ведь так делал Вобан¹ во Франции, а вы — наш маленький Вобан».

«Как бы велик ни был Вобан, он имел бы сомнения, видя недостаток во всем, что нужно для такой осады».

«У нас достаточно сил, чтобы взять такую жалкую крепость, как Полтава?»

«Хотя крепость и мала, ваше величество, но гарнизон ее упорен. Там четыре тысячи человек, не считая казаков».

«Когда русские увидят серьезность наших намерений, они сдадутся при первом же выстреле, — упрямо говорил король. — Для осадных работ я думаю употребить запорожцев Мазепы».

«Но запорожцы никогда такими вещами не занимались. Кроме того, у нас совсем нет пушек. Я не понимаю, каким образом будет взят город, если нам не выпадет необычайное счастье».

«Да, вот именно: мы должны совершить то, что необыкновенно, — заявил король. — От этого мы получим честь и славу».

Но необыкновенное счастье не приходило. Первая шведская атака на крепость была отбита с большим уроном для осаждающих. Не принес победы и настоящий штурм, последовавший через два дня после атаки. Тогда сам король провел рекогносцировку полтавских укреплений и пришел к выводу, что валы низки, укрепления не так хороши и основательны, чтобы обеспечить безопасность гарнизона. Однако следовавшие один за другим штурмы, как ни странно, заканчивались полным провалом. Более того, полтавский комендант Келин, которого Карл поклялся повесить, как только он попадет в руки шведов, провел несколько удачных вылазок, захватил пленных, разрушил апроши, которые начали возводить шведы вблизи полтавских палисадов. А на-

¹ В о б а н — известный полководец и инженер конца XVII века.

против Полтавы, за рекой, царь Петр и фельдмаршал Шереметев всё стягивали и стягивали в кулак главные силы русской армии. Это не предвещало шведам ничего хорошего. И теперь Пипер понимал, что и Карл это знает и видит, а личина легкомысленного баловня судьбы понадобилась ему для поддержания собственного духа и духа солдат. Этот узкоплечий, сутулый человек с узким лицом, на котором как-то неожиданно вырастал большой хищный нос, был не только талантливым воителем, но и хорошим актером.

— Вы о чем-то задумались, граф?

— Да, на минуту ушел в свои мысли.

— Эта минута растянулась на полчаса,— без улыбки произнес Карл.— Русские успели отбить наш очередной штурм. Я решил было, что вы уснули.

— А дальше,— спросил Пипер.— Что будет дальше?

— Новый штурм,— отрезал король.— Будем пришпоривать коня. Вперед, не оглядываясь! Горе оборотившемуся назад. Оглядываться не рисковал даже сам Александр Македонский. Сзади всегда темнота и страх. Я приказал повторить атаку.

Пипер видел в подзорную трубу, как по апрошам побежали к крепости крошечные фигурки. Странно было понимать, что на самом деле это были живые люди из плоти и крови, чьи-то сыновья и отцы, чьи-то мужья или женихи. С полтавских валов ударили пушки, началась ружейная стрельба. Поле быстро заволакивало густым серо-белым дымом. И все же можно было разглядеть, что кое-где оловянные солдатики, одетые в шведские мундиры, взобрались на вал. Несколько из них были сброшены вниз. Другие совершали странные судорожные движения. На самом деле это они кололи штыками или, приложив приклад к плечу, целились в неприятеля.

— Наконец-то! — сказал король.— Давно пора было захватить эту крепость. Слишком долгое стояние у ее валов плохо действует на наши войска. Надо усилить натиск.

Полтавские пушки все еще стреляли. Валы совсем заволокло дымом. Граф Пипер поймал себя на мысли, что впервые понял, что эта красивая картинка на самом деле — поле брани, на котором побеждают или гибнут люди, такие же, как он. Странно, что ранее он об этом никогда не задумывался. Просто не приходило в голову. Понимал, что противника надо оттеснить, обмануть, обойти с тыла... Видел и собственных убитых и раненых. Но уже после боя, когда красивая картинка переставала быть картинкой, а превращалась в реальную землю с полями, холмами, реками, которую король и его свита осматривали после очередной победы. Будет ли так и теперь? Войдут ли они в конце концов в Полтаву?

Король что-то пробормотал, но Пипер не расслышал слов.

— О чем вы, ваше величество?

— Штурм отбит! — бросил Карл. — Они столкнули наших с валов. Хотел бы я знать, откуда у коменданта этой жалкой крепости берутся силы?

ВЕСЕЛЫЙ КИРАСИР И ОГНИ НА ХОЛМАХ

Этот шведский кирасир был человеком веселым и, наверное, даже немного легкомысленным. Но одно несомненно — парнем он был не робкого десятка. Иначе не рискнул бы в одиночку идти лесной тропой, беззаботно напевая что-то и размахивая сорванной по дороге дубовой веточкой. Ходить в одиночку шведам не следовало бы даже вблизи своей главной квартиры. Но уж очень хорош был этот майский день — как не запеть? Весело и озорно светило солнышко, которое казалось ласковым и вовсе не жгучим, что, впрочем, было впечатлением весьма обманчивым. За каких-нибудь два часа на нем можно было и обгореть. Вот почему кирасир и налепил на нос зеленый листик. Видимо, он сле-

дил за своей внешностью. Да об этом можно было догадаться и по тому, как ладно сидела на нем обычная форма, в каком хорошем состоянии были ботфорты, смазанные и начищенные. Конечно, щеголь поступил все же крайне неразумно, отправившись в рискованную прогулку по лесу. Но что делать, если на душе поют соловьи, если ты молод, мускулист и силен и тебе кажется, что сам черт тебе не брат, а ведьма не кума. Судя по всему, этот легкомысленный кирасир испытывал радость от самого факта бытия. Даже песня, которую он пел, нисколько не напоминала нечто связанное и осененное мыслью. Скорее, это было какое-то щебетание:

Тра-ля-ля-ля!
Там-там!
Тра-ля-ля-ля!
Там-там!

Но, как известно, судьба бывает снисходительна к смельчакам, одержимым и детям. Кирасир избежал засады, на него не напали казаки, не сразила шальная пуля, хотя он вовсе не заботился о собственной безопасности. Напротив, услышав в чаще голоса, он смело повернул на звук. Раздвинув сосновые ветви, увидел троих саксонских офицеров, сидевших у небольшого, уже гаснущего костра. Над костром, надетый на шпагу, жарился тощий и не то очень уж старый, не то плохо кормленный петух. Да к тому же неумело ощипанный. Саксонцы испугались, завидев кирасира. Тот лишь усмехнулся, помахал офицерам рукой и, не вступив в разговор, продолжал свой путь.

Распевая во все горло, он и явился в шведский лагерь.

Часовые улыбались: приятно видеть человека, не потерявшего бодрости духа даже в такую годину и отвечавшего песней на невзгоды, обрушившиеся на всех в далеком и опасном походе.

— Привет, дружище! Уж не на собственную ли свадьбу ты идешь?

— Тра-ля-ля-ля! Там-там! — отвечал солдат и тоже смеялся. — Тра-ля-ля-ля! Там-там!

В этом бессмысленном «тра-ля-ля-ля!» было нечто странное, необычное, напоминающее о том, что где-то существует и другая жизнь — с нормальной, а не тухлой водой, со светлыми теплыми комнатами, а не палатками без окон.

— Тра-ля-ля-ля-там-там!

Кирасир прошел мимо палаток, где размещался главный штаб, и направился к окраине села. Встречный казак из отряда Кости Гордиенко шарахнулся в сторону: от такого удалого шведа можно ждать чего угодно. Даст оплеуху или за нос потянет. Рядовые шведские солдаты не испытывали особого почтения к своим новым союзникам. Но кирасир остановился и поманил казака пальцем.

— Ну, чего тебе, чего тебе, шведские твои уши? — бормотал казак, отступая в канаву. — Чего зовешь? Так я тебе и подойду! Знаем мы вас. Горилки нализался и теперь норовишь честного человека обидеть? Ты лучше пойди московского царя пальцем помани. Он тебе покажет! А то от русских тикать собрались, а над нами издеваетесь!

— Иди-ка сюда! — сказал вдруг кирасир по-русски. — Иди, миленький, не бойся. Так лучше будет. А то я тебе за «шведские уши» твои собственные надеру.

— Ваша милость, господин швед! — закричал казак. — Не мог я знать, что вы нашему языку учены! За что же карать невинного?

— Что же ты пятишься? Впредь будь осторожней. Я — толмач. Но среди нашего брата есть немало таких, кто русский понимает. Недаром же полтора-два года с русскими воюем. Многому научились. Ладно, прощу

тебя, если укажешь мне, где живет Даниил Крман. Это тот словак, который следует в обозе короля и гетмана. Дело у меня к нему.

Казак почесал грязную шею и спросил:

— Это который заграничный поп? Розовый весь и дебелий? Они вон в той хате.

Кирасир зашагал дальше, а казак долго смотрел ему вслед.

Кирасир подошел к указанной ему хате и крикнул:
— Крман!

Распахнутые окна были занавешены от мух грязным куском некогда белой, а теперь серо-желтой ткани. Большая белая рука отодвинула занавесь, и кирасир увидел удивленное лицо Крмана.

— Василий! Ты ли это? Кто тебя так нарядил? Входи.

Василий вошел и тут же снял кирасу.

— Жарко. Что здесь у вас делается?

— Пытаемся взять Полтаву. Ждем подмоги из Польши и от крымского хана, но вряд ли дождемся. Ты лучше расскажи о себе. Почему ты зимой так внезапно исчез? Почему ты служил Мазепе, а затем убежал от него? Как сейчас оказался в шведской форме?

— Шведскую форму мы сняли с пойманного нами кирасира. Она пришлась мне впору. Мазепе я никогда не служил, а находился при нем совершенно с другой целью. Ты часто видишься с Мазепой и Карлом?

— Да, король иной раз снисходит до бесед со мною. Что же касается гетмана казацкого, то, после того, как нам вместе пришлось пережить зимой внезапное нападение...

— Так ты был вместе с Мазепой, когда убили Ивана? Ты тоже стрелял в нас?

— Я случайно оказался в доме. А ты был среди нападавших?

— Не был. Но мог быть.

— Но ты ведь хотел стать поэтом, писать пьесы. Зачем тебе война?

— О войне этой поговорим позднее — когда она закончится. Сейчас мне нужна твоя помощь.

— Какая? Я постараюсь сделать все, что в моих силах, чтобы спасти тебя.

— Спасать пока что меня не от кого, если не считать Мазепы и Фаддея. Они могут меня узнать даже в этом наряде. Потому укажи мне хату, где они обретаются, чтобы я мог обойти ее стороной.

— Гетман живет на этой же улице, в доме, который рядом с баракком короля. Что же касается художника, если ты его называешь Фаддеем, то он погиб именно во время вашего зимнего нападения на ставку гетмана.

— Вот как! Я и не знал. Он тоже стрелял в наших?

— Не помню. Кажется, нет. Ты говорил о том, что нуждаешься в моей помощи. Я готов... Я всей душой...

— Нужно немного. Подойди к окну. Видишь те холмы? Через три дня, к вечеру, на этих холмах будут зажжены костры. Как только они вспыхнут, постарайся оказаться около барака короля и узнать, тревожат ли шведов костры.

— Но я должен знать, зачем я это делаю.

— Надо выведать планы шведов. Возможно, король пошлет к кострам разъезд.

— Не навлеку ли этим на тебя беду? Ты еще слишком молод и способен совершать опрометчивые поступки. Я хотел бы тебя удержать.

— От чего? — с улыбкой спросил Василий. — От этой войны? Так я уже воюю. Прощай. Не забудь о моей просьбе...

— Мир рушится! — пробормотал Крман, когда Василий ушел. — Дети не доверяют родителям. Родители перестают понимать детей. Мы на грани гибели!

А через несколько дней на холмах действительно запылали костры. Один, другой, третий... Были они ярки-

ми, как звезды, упавшие с небес на землю. Костры дразнили и пугали. Кто их зажигает? Зачем? По какому поводу?

Крман бессмысленно бродил по лагерю, прислушиваясь к разговорам. Заметили ли шведы огни? Что намерены предпринять? Действительно, кто-то попытался даже стрелять в направлении костров. Но куда там — далеко. Дали даже один выстрел из пушки. Костры не погасли. Более того, вспыхнул еще один. Из палатки вышел король. Гермелин подал ему подзорную трубу. Карл долго глядел на огоньки, потом, не сказав ни слова, повернулся и ушел. Тогда Крман решился заговорить с Гермелином.

— Возмутительно!

— Что возмутительно? — поинтересовался королевский секретарь.

— Костры.

— Костры как костры. Вы, преподобный Крман, очень чувствительны.

— Да, да, конечно, — поспешно согласился Крман. — Я не без недостатков... Трудности похода, непривычная обстановка...

— Привыкайте! — засмеялся Гермелин. — Сейчас надо думать не о кострах, а о петухе.

— Каком петухе?

— Исчез петух, который вот уже много лет будит короля по утрам. Куда он мог сбежать на старости лет? Ведь ему лет десять, не меньше. Поймайте петуха, и вы заслужите вечное расположение короля.

— Петуха? Короля? Чье расположение? Я ничего не понимаю! Извините, я устал. Мне надо домой.

Ночью Крман подхватывался и глядел в окно. Костры горели.

— Какая муха тебя укусила? — сердился Погорский. — Не даешь спать.

— Костры...

— Дались тебе они! Людям холодно, они и жгут костры. Тебе-то что?

— Кому это в жару может быть холодно?

— Даниил, ты стал слишком впечатлительным.

— Возможно,— мирно бормотал Крман.— Мне иногда самому так кажется.

Костры не гасли до зари.

Через день они появились уже в другом месте, затем исчезли и снова вспыхнули там же, где были в первый раз.

— Это ужасно! — кричал Крман.— Они как живые!

Он и гетману сказал о том, что костры его пугают. Они как бы окружают лагерь. И каждую ночь загораются в новом месте, но все ближе и ближе к главной квартире.

— Да я и сам на них смотрю до рассвета! — признался гетман.— Не костры, а очи дьявола. Всё смотрят, смотрят, заглядывают тебе в душу. Я скажу Луке, чтобы он тебе приготовил макового отвару. Может, уснешь...

Крман совсем растерялся. Какая связь между этими кострами и его сыном? А ведь какая-то существует. Это очевидно.

— Меня совершенно выводят из себя эти костры. Я их боюсь и сам не пойму почему.

— Мне хорошо,— сказал вдруг Мазепа.— Я уже стар, но жив. И еще поживу. А вам всем помирать ведь неохота. Ох как неохота! Да придется. Его величеству королю костры тоже мешают. Слышишь, из пушки по ним пальнули? А ведь порох надо беречь для штурма. Его, поди, уже и не осталось. Многим сейчас помирать пришла пора. Бродит по полям старая с косой. Размахивает ею. Обильная будет жатва. Но почему эти костры? Зачем они?

— О том я и говорю: зачем? Кому понадобилось?

— А кому-то ведь понадобилось,— сказал гетман.— Сами по себе не вспыхнули бы. Чудес не бывает.

— Вы так думаете?

— Да, я так думаю. Все чудеса рукотворные. Кому надо, тот их и творит.

В темноте простучали подковы. Король послал отряд атаковать тех, кто зажигает костры. И вправду, через полчаса они погасли. Королю доложили, что возле костров не было ни единого человека.

— А ведь сейчас снова загоряся! — сказал Мазепа. — Думаю, рук князя Меншикова дело. Решительный мужчина.

Крман ушел от гетмана и до утра просидел у окна. Конечно же, костры вскоре вспыхнули вновь. Острые колющие огоньки буравили ночную темноту, не давали спать. Один... два... три... пять... Костры наблюдали шведский лагерь.

Наутро по лагерю распространились слухи, что этой ночью русским удалось перебросить в Полтаву подкрепления. Будто бы, раздевшись донага, держа над головой тюки с порохом и свинцом, отряд, посланный Меншиковым, перебрался через болото и благополучно достиг крепости. Откуда-то стало известным даже имя начальника десанта — бригадир Головин.

Крман попросил у Гермелина подзорную трубу, чтобы получше рассмотреть крепость.

— Умеете ею пользоваться? Вот здесь она раздвигается. Надо подогнать под свой глаз. Хорошо видно? Ну и прекрасно. Поразвлекайтесь.

Разглядывая валы и палисады, окружавшие небольшой городок, не больше его родного Пряшева, Крман не мог взять в толк, что же тут неприступного, почему по сей день не удастся взять крепость. Толковали о необычайном упрямстве ее коменданта Келина, который будто бы по происхождению тоже швед, но обрусевший. И уже успел до такой степени почувствовать себя русским, что оказывает столь яростное сопротивление войскам «Северного Александра». Другие утверждали, что

Келин никакой не швед, а его желание стоять до конца вызвано личной ненавистью к королю. Так или иначе Карл мечтал повесить Келина.

Вдруг полтавские валы окутались дымом. Через минуту до Крмана долетели и звуки выстрелов. В апрошах заметались шведы и казаки. Многие падали. Видимо, пушки били картечью.

Затем Крман увидел русских, бегущих от палисада к апрошам.

— Дайте-ка трубу! — сказал Гермелин. — Они устраивают вылазку.

— Значит, крепость еще не сдается?

— Уж это точно! — зло сказал Гермелин. — Не только не сдается, но, как видите, они атакуют. К тому же вчера снова угнали у нас коней и перебили стражу. Хотел бы я знать, где царь? Почему он не при войске?

— Разве он не в Москве?

— Этого мы не знаем. Может быть, подкрепление ведет. В общем, молитесь за спасение наше, раз не умеете стрелять.

Вылазку из крепости отбили с большими потерями. А к вечеру на холмах опять вспыхнули костры.

Крман вновь поплелся к Олафу Гермелину.

— Если можно, дайте мне еще раз трубу. Я хочу повнимательнее рассмотреть, есть ли возле костров люди.

— Милый Крман, — ответил королевский секретарь, — за кострами наблюдают по поручению короля. Сделаны и засады. Мы с вами вряд ли чем-нибудь сможем помочь в этом деле.

— Тогда я хотел бы побеседовать с королем.

— О чем? О кострах? Пустое. Может быть, вам удалось отыскать королевского петуха?

— При чем тут петух! Я хочу поговорить с королем о войне.

— Война — компетенция короля. Он о ней знает всё.

— Но война — это же не что-то, что существует само по себе, как игра в шахматы. Она имеет отношение к каждому из нас. Гибнут люди. Горят города. Мне есть что сказать королю...

— Что же именно? — слышался сзади тихий голос. — Говорите.

Король подошел незаметно. Он опирался на красивую резную палку черного дерева, набалдашник которой был украшен мелкими рубинами и изумрудом. Палка была единственным, что внешне отличало короля от любого из его солдат. Да, пожалуй, еще худое аскетическое лицо с большим горбатым носом выдавало человека, действиями которого руководят не столько чувства, сколько разум.

— Вы искали аудиенции у меня. И получили ее без особых хлопот. Что вы имеете сообщить мне о войнах?

— Они ужасны! — выпалил Крман. — Люди никогда не должны воевать.

— Тем не менее они всегда воевали в минувшем, воюют сейчас и будут воевать в будущем.

— Но почему, ваше величество? Какой им смысл убивать друг друга? Ведь, если вдуматься, тут имеет место чистейшее безумие.

— О нет! — возразил король. — В связи с войнами можно вести речь о чем угодно, только не о безумии. Сильные всегда будут уничтожать слабых. А способов решить, кто сильнее, а кто слабее, кроме войн, нет. Еще не придумали.

— Ваше величество, но ведь господь призвал нас возлюбить ближнего своего.

— И отлично. Мы и обязаны любить ближних. Но разве русский царь ваш ближний?

— В какой-то мере... Он такой же человек, как мы с вами.

— В какой-то мере — может быть, — ответил король. — Но только в какой-то мере.

Сообщив все это Крману, король удалился. Гермелин, чему-то улыбнувшись, последовал за ним. А Крман остался на глинистом желтом, лишь кое-где покрытом бурьяном пригорке наедине со своими думами и своей растерянностью. Он не был согласен с жесткими словами Карла, в них была великая ложь. Что сказал бы Василий, доведись ему услышать его беседу с королем? Что он, Крман, знал о своем сыне? Почти ничего. Каков этот человек? Во имя чего он живет на земле? Чему молится? Что клянет? Во имя какого бога ежевечерне вспыхивают на холмах костры?

«Может быть, русские не испытывают страха смерти,— думал Крман,— и, наверное, полагают, что жизнь бесконечна, что сами они — лишь частичка, крупинка огромного мира. Для нас с нашей смертью рушится Вселенная, а для них... Что для них? Сразу и не понять. Почему они идут в бой не только в составе царских полков, но и сами по себе, зачастую зная, что их ждет верная смерть? Тяжело — ох, тяжело! — быть отцом русского сына... Никогда толком не поймешь, кто же твое дитя!»

СУМКА ПОЧТОВОГО КУРЬЕРА

Мы с вами уже знаем о разных видах существовавшей в ту пору почты — голубиной, регулярной и специальной. Изобретательные люди пытались использовать для спешных депеш также дрессированных собак. Частенько письма сплавляли по речкам, привязывая закупоренные бутылки к бревнам. Но то, что придумал бывший мальчишка-пирожник, возведенный царем Петром в полудержавные властители, князь Александр Данилович Меншиков, кажется, еще не приходило в голову никому. Меншиков предложил отправлять в осажденную Полтаву письма,

вкладывая их в пустые пушечные ядра. Шведы ничего не могли понять: с какой стати русские время от времени стреляют по своим же? Вдруг из-за реки какая-нибудь из русских пушек ударит по крепости и умолкнет. Это походило на сумасшествие. Даже в этой необъяснимой войне без классических баталий такие поступки все равно казались чем-то диким.

Между тем «ядерная» почта действовала успешно. С ее помощью Келину было сообщено о том, что русская армия концентрируется на другом берегу Ворсклы, ожидаются новые подкрепления и его, Келина, задача — как можно дольше сковывать у Полтавы основные силы Карла. Генеральная баталия уже не за горами. И хотя все русские генералы не сомневались, что теперь уж со шведским нашествием будет покончено, осторожный Петр решил действовать наверняка. Он даже объяснил Келину, что надо будет делать в случае, если шведы одержат победу. Как шведы могли одержать победу, никто из окружения царя не понимал. Но Петр решил предусмотреть все возможные варианты, чтобы на каждый найти ответ и контрдействие. Если генеральная баталия по каким-то причинам закончится в пользу шведов, то Келину надлежало идти со своим гарнизоном на прорыв, чтобы соединиться с основными силами, ибо на мир с Карлом никто и ни при каких обстоятельствах не пойдет.

Теперь мы вас познакомим с письмом, которое было отправлено не с курьером и не с помощью «ядерной» почты. Его повез из-под Полтавы во Львов известный вам купец Михайло, который в тот год поспевал всюду.

«Я так давно не писал тебе, Мария, что сейчас не знаю, с чего начать. Да и Михайло меня торопит — ему пора в путь. О наших делах здесь писать незначем — Михайло расскажет. Да к тому же очень ско-

ро под Полтавой все решится. Верю, что в нашу пользу. И говорить мне с тобой сейчас хотелось бы о другом... Два дня назад сидел я на берегу реки. Вода казалась жирной, тяжелой и текла спокойно, будто нет такой силы, которая могла бы остановить ее. Не всевластен человек. Уйдем мы, но так же будут бродить по небу тучи, будет течь река и светить солнце. Но не для нас, а для других. И осознать это почти невозможно. Да, мы уйдем, а все, что было нам дорого — река и лес, солнце и море, — останется.

Но хватит об этом. Часто видится мне Львов. Отсюда он представляется дремлющим на берегу реки с удочкой в руках старичком, вспоминающим молодость и былую славу.

Сам не пойму, хочу ли возвратиться домой. Боюсь, что теперь, после всего того, что повидал здесь, буду тосковать в той тишине и уюте, которыми Львов одаривает всех. Но обо всем этом — при скорой, я надеюсь, встрече. Михайло уже на коне. Ждет письма. И слова не ложатся на бумагу, будто чувствуют чужое присутствие.

Василий».

ПЕТЬКА И ВЕТЕР

Мазепа как в воду глядел, когда говорил, что костры, ежевечерне вспыхивавшие вокруг шведского лагеря, — выдумка Меншикова или Скоропадского. Устраивать разъезды с целью разведки, жечь костры, выманивать шведов из лагеря и ловить их, дабы из первых уст узнать о планах неприятеля, приказал казачьему отряду сотника Подольского гетман Иван Скоропадский. А князь Александр Данилович Меншиков одобрил действия гетмана и распорядился, чтобы всех «взятых в по-

лон господ шведов» по возможности живыми и невредимыми доставляли в русскую ставку.

Но о кострах позднее. А сейчас о Петьке.

Глаза у Петьки как два василька — голубые и доверчивые. Нос конопатый. Щеки — в золотых россыпях веснушек. А всем своим обликом Петька напоминает подсолнух, доверчиво следящий за солнцем в небе.

— Дядя Василий, расскажите еще что-нибудь. Ну, о больших городах, где высокие дома. Или о звездах.

— Этак нам с тобой на разговоры и жизни не хватит.

— Ну немножечко. Самую короткую сказку. Например, о ветре.

— Ладно. Расскажу тебе сразу и о зверях и о ветре. Как ты думаешь, какого цвета ветер?

— Не знаю. Зеленый... Нет, он синий.

— Пожалуй, синий, с огромными крыльями. Как расправит он их, так полземли накроет. Характер у ветра беспокойный и непоседливый. Ведь это он дует в паруса кораблей, гоняет по небу тучи, шелестит травой, качает ветви деревьев. Прислушайся. Где он сейчас?

Петькины глаза стали еще круглее.

— Да вот он... Тут... рядом... в траве. И дальше — в лесу шумит.

— Еще и на речке, рябь гоняет, а на море, о котором я тебе рассказывал, поднимает волны, да такие, что некоторые из них повыше кораблей будут. В общем, ветер веселый, смелый и быстрый. А такие не всем нравятся. Многие любят тишину да покой. И вот собрались однажды в лесу звери, которым ветер очень надоел.

Василий в лицах изобразил, как медведь жаловался на то, что ветер вечно полощет у него перед мордой ветви, отчего так рябит в глазах, что даже путь в собственную берлогу не отыскать. Зайцу не нравилось другое — ветер обгонял его, самого быстрого из зверей. Тихая озерная вода считала себя красавицей. Недаром же

все — и люди и звери — наклоняются над нею, жадно целуют ее, утоляя жажду. Воде вовсе не хотелось, чтобы ветер морщил ее гладкое прекрасное лицо. Даже ручеек выступил против ветра. «Жур-жур! — сказал он. — Я сам всегда в движении. Но я знаю, куда тек вчера, куда теку сегодня и куда потеку завтра. А ветер творит неведомо что, создает беспорядок и всех тревожит. Если его спрятать, сразу станет тихо и хорошо. Настанет такая благодать, такое ласковое «жур-жур», что мы все наконец отдохнем и порадуемся».

— Они спрятали ветер? — с тревогой спросил Петька. — Он ведь большой. В мешок не сунешь.

— В том-то и дело, что ветер не всегда бывает большим. Спит он, свернувшись в клубочек, где-нибудь под кустом или под деревом. И тогда его можно подкараулить и схватить.

— А он проснется и убежит!

— Если за день не очень устал. А то ведь он намается и спит крепко, хоть хватай его и вяжи. Раз уж ты такой нетерпеливый, то сразу скажу, что звери отыскали все-таки спящий ветер, сунули его в мешок, крепко-накрепко завязали, вырыли яму и закопали. И вдруг стало тихо и скучно. Остановились облака в небе. В одних местах все время шел дождь, а в других — постоянно светило солнце. Не росли жито и пшеница. Да это и понятно: там, где тучи закрыли небо, им не хватало солнца, а там, где постоянно сияло солнце, им не доставало дождя. Застыли, не доплыв до гаваней, корабли в море. Снова собрались звери на великую раду и стали ссориться: что, дескать, мы наделали, зачем ветер спрятали? И — виновных искать: кто первый предложил спрятать ветер? Почему наперед не подумали, что из этого выйдет?

— А чего же звери его сразу не отпустили?

— Хотели было, да вот незадача: хватал и прятал его медведь, а потом он ушел и забрался в берлогу, где

и уснул. Когда же его разбудили, он долго тер лапой глаза, а потом сказал, что забыл, где зарыт ветер. Мол, не обязан он все на свете помнить.

— А ветер сам убежал!

— Почему ты так решил?

— Потому что он и сейчас на воле. Вон — шумит рядом с нами.

— Правильно, убежал от всех ветер. Догадайся, каким образом он это сделал.

Петька наморщил лоб, долго размышлял, а затем убежденно изрек:

— Мышонок дырку в мешке прогрыз.

— Пусть так,— согласился Василий.— Мог мышонок прогрызть в мешке дыру. Могло и иначе случиться. Если хочешь, придумай другой конец для этой сказки.

— Ладно, придумаю,— обрадовался Петька.— Да я уже придумал, только пока говорить не буду. Пусть до завтра будет тайной.

— А конец простой! — услышали они за спиной голос.— Ветер освободился — и дело с концом. Самое главное, что он снова летает!

Это неслышно подошел «ничейный солдат» Василий.

— Ты как здесь оказался? Так можно и шведов проморгать,— сказал сотник Василий тезке.— Заговорились мы с тобой, Петька.

— Мне уже идти?

— Пора. Ты не забыл, в какой дом надо постучать?

— Помню.

— И гляди, нигде не останавливайся и никуда больше не заходи. Обещаешь?

— Все сделаю, как вы сказали.

— Спеш! Я буду ждать тебя здесь. И ты,— продолжал он, обращаясь к «ничейному солдату»,— напрасно покинул пост.

Петька улыбнулся, отчего его круглое лицо стало еще

наивней, а нос гордо вздернул к небу. Подпрыгивая, побежал Петька вниз по холму и вскоре скрылся в кустарнике. А взрослые смотрели ему вслед, туда, где колыхались, выдавая его путь, кусты.

Мальчишка появился в отряде месяца два назад. Его родители погибли в Опошне, где шведы держали в плену более полутысячи малороссийских людей разных званий и сословий, заподозренных в стремлении осложнить жизнь завоевателям. Хотя князь Меншиков однажды предпринял крупную и успешную диверсию, освободив большинство пленных, родителей Петьки спасти не удалось. При первых же звуках выстрелов, поняв, что русские рвутся к Опошне, шведы перекололи штыками до полусотни пленных. Погибли и родители Петьки. А сам Петька вырвался за частокол и, припадая к земле при звуках выстрелов, наглотавшись снега, добрался до ближайшего леса. Там он простоял под деревом, может быть, час, а может, и целых пять. Его нашли какие-то люди, о чем-то расспрашивали, но Петька не мог говорить. Он только смотрел прямо перед собой пустыми, мертвыми глазами и дрожал. Его привели к костру, раздели, растерли водкой, укутали в овчину. Так он остался в отряде. Спал рядом с Василием. В свободные минуты, а их было не так много, мальчик просил Василия рассказать какую-нибудь сказку... Случалось Петьке и относить важные депеши в соседний отряд, с которым были предприняты две совместные акции, причем весьма успешные. Захватили десять бочек пушечного пороху, угнали более полусотни коней, перебив вооруженных табунщиков, наконец, взяли в плен четырнадцать валахов¹ и переправили через реку к Меншикову, чтобы в русском лагере их допросили.

Князь Александр Данилович нашел нужным более

¹ В а л á х и — жители Валахии; принимали участие в войне в качестве наемников на стороне шведов.

получаса беседовать с простыми казаками-конвоирами. Может быть, князь помнил, что начинал свою жизнь во-все не князем, а мальчишкой-пирожником. Но скорее другое: в минуты всеобщей опасности всем бывает не до чинов и званий. И приходит вдруг сознание того, что под мундирами все одинаковы, а пуля с равным успехом пробивает и княжье сердце, и сердце обыкновенного смертного, и даже королевское. Александр Данилович Меншиков, учитывая, что перед ним казаки, пустился в путаные объяснения по поводу ссылки Семена Палия. И самодержец, настаивал Александр Данилович, не свободен в своих поступках. Он вынужден считаться с обстоятельствами, с мнениями и интересами союзников.

— Даже бог, будь он на месте царя, вынужден был бы сослать Палия в Сибирь! — воскликнул князь, а затем, подумав, добавил: — Если бы, конечно, бог был в союзе с бестолковым Августом. Но мы не выбираем себе союзников. Напротив того, теперь, когда держава наша стала силою могучей, союзники сами ищут нас. Кому выгодно, тот к нам и ластится. Впрочем, Палий уже возвращен. И теперь царь его милостями своими не оставит... Он еще взлетит в седло, чтобы принять участие в грядущей битве.

...Василий лежал на спине, заложив руки за голову, и глядел в небо. Воздух лишь начинал густеть — приближались сумерки. И небо стало ближе. Но он знал, что, когда появятся звезды, оно снова станет высоким и отдаленным, как в полдень. Лишь в сумерках и на рассвете оно ненадолго приближается к земле, как будто пробует пристальней взглянуться в лик ее.

Стрекотали кузнечики где-то рядом. Казалось, что совсем над ухом. Пряно пахло чабрецом. Степь дышала. Степь пела.

Думал он, если это можно назвать думами, сразу обо всем на свете — о Марии и Крмане, о ксендзе Шимановском, возвещавшем конец мира, о девушке Евдо-

кии, которая плакала, когда ее недавно отослали из отряда домой, в деревню. Он видел лица: всегда напряженное, даже когда она улыбалась, лицо Марии; стертые, как будто лишенные четких контуров — Крмана; хищный профиль ксендза, его седые растрепанные волосы: «И обрушатся храмы божьи, и опустится мрак на твердь и воды!»

«Об одном прошу,— сказала Евдокия.— Не отсылайте меня. Вас, если меня рядом не будет, убьют».

«Глупости,— постарался как можно тверже сказать Василий.— Никто меня не убьет. А ты что, пули умеешь заговаривать?»

«Умею».

Он не рискнул встретиться с нею взглядом, только махнул рукой и отошел прочь.

Ну, а Мария? Где она сейчас? Сидит ли у окна в своем фольварке на высокой горе или же мчит куда-то в мягкой карете, в надежде украсить свою жизнь новыми приключениями — с переодеваниями или без них?

Ушло куда-то лицо Марии. Забылось. Растаяло. И не верилось Василию, что когда-либо они вновь встретятся.

Ухо уловило приглушенные травой шаги. Василий приподнялся на локте. Это опять был его тезка — «ничейный солдат», бежавший из отряда Яковлева.

— Что неймется?

— Будем зажигать? Да вот еще, ребята спрашивали меня, какой толк в кострах?

— Ты им объяснил?

— Сказал, что костры дают господам шведам на душу. Душа пугается того, что непонятно. Коли же сама душа напугана, так ее и одолеть полегче, чем душу непуганую. Почему младенец огня не боится и руку к нему тянет? Да просто неведомо ему, что огонь горяч.

— Полежи, погляди на небо,— сказал Василий.— Вон звезды. Каждая из них — такая же земля, как та, на которой мы с тобой живем.

— Побожись! — сказал солдат.

— Тут и божиться нечего. Давным-давно доказал это ученый. Звали его Коперник. Запомни: Николай Коперник.

— И что там люди есть, он узнал?

— Нет, о людях на других звездах Коперник ничего не говорил. Но, может быть, они там все же существуют.

— Интересно! И у них тоже живут свой русский царь и шведский король?

— Помолчи,— попросил Василий.— Дай подумать.

— Боюсь молчать,— признался солдат,— вот и болтаю, чтобы свои мысли потушить. Еще лучше водки выпить. Да сейчас не время... Не пора ли высылать разъезды? Ты уж извини, что я подсказываю тебе, пане сотнику.

— Пустое,— сказал Василий.— Я сотник не по своей воле, а по приказу гетмана. А разъезды вправду пора снаряжать. Идем.

Неделю назад от гетмана поступил приказ высылать к кострам разъезды, устраивать засады, чтобы любой ценой добыть «языка» — пленить одного, а лучше двоих или троих шведов (желательно — из разных полков), чтобы подробнее узнать о планах короля. И хотя шведы стреляли по кострам, устроили даже кавалерийскую атаку на один из них, потеряли в стычке с разъездами до полутора десятков человек, взять «языка» не удалось.

На небольшой поляне, окруженной густыми зарослями орешника, собрались те, кому надлежало сегодня идти в разъезды. Василий разъяснил, что сегодня к каждому костру будет выслано по два разъезда: один должен держаться чуть сзади костра, второй — сбоку, в стороне. В задачу первого разъезда входило ввязаться в бой с любым шведским отрядом, приблизившимся к костру. Вторым разъездом должен был попытаться отрезать шведам пути к отступлению в свой лагерь и перехватить кого-либо из отставших. Снаряжено было всего восемь разъездов — по два к каждому костру.

— Можно мне с вами? — спросил у Василия его тезка, «ничейный солдат».

— Мы будем рядом у одного костра, — ответил Василий. — Но ты возглавишь засадный разъезд.

— А нельзя вместе с вами? Для засадного разъезда есть другие ребята. Ведь у нас хватает бывалых казаков.

— Если я отдаю приказы тихим голосом, это вовсе не значит, что их можно обсуждать. Седлайте коней!

И вспомнил Василий лицо Евдокии, которая просила не отсылать ее из отряда и, кажется, вправду надеялась защитить его от пули.

— Седлайте коней! — повторил Василий.

* * *

Тем временем Петька верхом на палке доскакал до домика Крмана.

— Но-но, — погонял он палку. — Не робей, гнедой!

У входа в хату он «спешился», прислонил палку к палисаднику и смело вошел в сени.

Крман, измученный бессонницей, с синими полукружьями под глазами, сидел в горнице и читал Библию.

— Чего тебе, мальчик? Хлебушка нет. Но если хочешь, дам кусок мяса.

Крман помнил голодных детей в Сенжарах, с худыми, обтянутыми тонкой желтой кожей лицами, которые бродили вокруг лагеря, протягивали ко всем дрожащие руки и просили: «Хлебушка! Хлебушка, Христа ради!» Потом он видел и нескольких детей, умерших от голода, — со вспухшими животами и красно-синей потрескавшейся кожей на шее и руках. Крман даже спросил у Гермелина: «Вы понимаете, что это дети человечьи?» Гермелин зло ответил: «А вы? Я-то понимаю!..»

— Я дам тебе поесть, мальчик! — очнулся Крман. — Только хлеба нет.

— Я не просить пришел. Вам надобно знать, что сегодня костров будет особенно много.

— Постой, мальчик! Кто тебя послал? Откуда ты?

— Откуда я пришел, там меня уже нет,— ответствовал Петька.

— Нет, погоди. Кем тебе приходится Василий?

— Никаких Василиев мы не знаем.

— Но он тоже говорил о кострах... Странно. И вообще, откуда ты прибежал?

— На небесном коне прискакал. Он привязанный у палисада стоит.

Растерявшийся Крман от изумления даже выглянул в окно, но не увидел ровным счетом ничего, кроме пыльной неровной дороги, по которой, спотыкаясь, размахивая руками, к дому приближался Погорский.

— Сядь, мальчик! — сказал Крман. — Вот сюда, на сундук. Я тебя не обижу. И немного помолчи, пока я буду разговаривать с дядей, который сейчас войдет в дом.

— А что, сундук этот волшебный? — поинтересовался Петька.

— Волшебный, волшебный! Я же велел тебе молчать.

— В нем ветер спрятан?

— Какой ветер? Помолчи! В чем дело, Самуил? На тебе лица нет.

— На мне скоро не будет и головы! — отвечал вошедший Погорский. — Кстати, и твоя голова тоже не так крепко сидит на плечах, как ты полагаешь. Что это за голубоглазый ангел на сундуке? Твой новый знакомый? Ты впадаешь в детство, Даниил. От русских есть перебежчик. Новые сведения: они ждут больших подкреплений и готовятся к генеральному сражению.

— С божьей помощью все обойдется... — начал было Крман.

— С божьей помощью никого из нас не останется в живых. Да и сейчас они атакуют.

— Кого?

— Даниил! Кого могут атаковать русские? Шведский лагерь!

— А где мальчик?

— Какой?

— Который был на сундуке.

— Действительно, где он?

Петька тем временем скакал на своей шалке по направлению к стоявшему на невысоком холме бараку шведского короля. Собственно, Петька не знал, что это за барак. Но по тому, как суетились вокруг него пешие и конные люди, сообразил, что события должны развернуться именно там. Внизу, под холмом, в боевом порядке скакали конники. Было их много. Они двигались в направлении между холмом, на котором стоял барак, и крепостью, точно стремились отрезать осаждавших Полтаву от главного лагеря.

По конникам ударили шведские пушки. Значит, конники были русские. Не стали бы шведы бить по своим.

Когда Петька добежал до холма, он увидел, что из барака вышел сутулый горбоносый человек, навел подзорную трубу на отряд конников и что-то сказал стоявшему рядом человеку в пышном мундире. И человек мигом помчался куда-то, будто его плетью хлестнули. Петька понял, что горбоносый человек — один из начальников, если не сам король. Да, конечно же, это король. Он отдавал распоряжения. Вокруг него суетились. Петька вдруг испугался, что атакующие могут не знать, где находится этот швед. Сорвется атака! Ведь русские наверняка искали короля. Да и Василий не раз говорил, что было бы хорошо захватить короля или Мазепу. И вот теперь он, Петька, знает, где король, а те, что внизу скачут прямо на выстрелы, этого, наверное, не знают и знать не могут. Надо было дать им сигнал. Но как? И тут Петьку осенило. Он сорвал с себя рубаху, прикрепил ее к палке и стал размахивать над головой этим штандартом:

— Сюда! Он здесь! Сюда!

— Постой, мальчик, не кричи! — долетел до него чей-то голос, но Петька не знал, что это голос Крмана.

Крман выбежал вслед за Петькой из хаты, но при своей дородности поначалу никак не мог за ним поспеть.

— Здесь главный! — продолжал кричать Петька. — Здесь!

Крман видел, как к Петьке метнулся один из драбантов. Петька увернулся от сабли, бросился к кусту сирени, драбант — за ним.

— Что вы делаете! — закричал Крман по-немецки. — Это же ребенок!

Окровавленный Петька лежал, свернувшись клубочком, как ветер в сказке, которую он любил, и зевал. Крман знал, что означает такая зевота. Голубые глаза уже подернул туман.

— Он же был совсем маленький! — прошептал Крман.

— А зачем они подсылают к королю своих детей? — пробормотал драбант.

— Я сейчас же иду к королю, чтобы положить конец беззаконию! Можете рубить меня тоже, если хотите!

— У русских много детей. Кроме того, король приказал никого не щадить.

— Вы негодяй! — крикнул Даниил. — Я буду жаловаться королю!

Драбант не посмел остановить Крмана.

Карл был в хорошем настроении. Конница Рейншильда на рысях врубилась в ряды русских и целую милю преследовала их.

— В чем дело? — спросил король у Крмана. — Вам потребовалась еще одна аудиенция?

— Только что здесь, рядом с вами, убили ребенка.

— Он что-то кричал русским и сигнализировал им! — сказал подошедший драбант.

— Что ж, случаются и маленькие шпионы, — спокойно произнес король. — Тут не может быть скидок на воз-

раст. К тому же с русскими мы обходились и будем обходиться с особой строгостью. Надо, чтобы у них вошло в привычку бояться шведов. Русские и сами способны на любые злодейства. Они не щадят даже невинных тварей. У меня недавно украли петуха. Сделали это, конечно, русские шпионы. Что сделал им плохого бедный петух? Он много лет будил меня по утрам... Но что это — опять костры?

— Костры? Где костры? — глухо спросил Крман. — Хватит костров! Я иду, чтобы погасить их!

Тяжело, нетвердо ступая, он начал спускаться с холма. Затем остановился и повернулся к королю.

— Нет! — сказал Крман. — Я не стану гасить костры. Напротив, зажгу еще один. Огромный. До небес. И в нем вы все сгорите!

— Задержать его! Если надо — связать, — спокойно сказал король. — Мне коня. Никакого эскорта. Впрочем, вы, — он ткнул драбанта, убившего Петьку, пальцем в грудь, — можете ехать со мной. Да прихватите кого-нибудь еще. Но только одного.

Вязать Крмана не пришлось. Он сделал еще несколько шагов и рухнул. Мимо него промчались король и двое драбантов. Крман застонал. Послали за Погорским. Пришел и королевский хирург Нейман. Крмана перенесли в хату, поставили за уши пиявки, пустили кровь. К ночи Крман проснулся. Был он бледен и слаб, но помнил все, что с ним произошло.

— Да, я хочу зажечь костер, — сказал он, глядя в потолок. — Такой костер, в котором сгорело бы все земное зло.

КОРОЛЬ АТАКУЕТ

Сотник Подольский сидел с казаками из своего разъезда на пригорке, в двух десятках сажен от костра. Коней не распрягали. Ждали, не появятся ли шведы.

Но вокруг было совершенно тихо, будто и вправду кто-то, как в сказке, спрятал ветер.

Все молчали. И каждый, наверное, думал о чем-то своем, заповедном.

Теперь уже неярко, смутно виделся Василию фольварк под Высоким замком. А вот сама панна Мария... Почему же он не мог вспомнить ее? Неужто это было всего лишь год назад? И лишь шесть месяцев минуло с тех пор, как они ехали в стужу по зимней дороге?

А ведь во Львове тоже идет жизнь и бушуют страсти. Может быть, кто-нибудь еще, кроме ксендза Шимановского, от тоски разбил себе голову о морду каменного льва? Кто теперь в постояльцах у тетушки Фелиции? Пополнил ли свою библиотеку пан Венцеслав Лянско-ронский?

Иезуиты вкупе с униатами, наверное, весьма преуспели в борьбе со львовским Ставропигийским братством, типография которого до недавних пор издавала русские книги. Все могло случиться в этом внешне тихом городе. Но тишина обманчива. А штили на море очень часто сменяются штормами. И придет время, очнется Львов, как очнулась сейчас в борьбе со шведами Украина от Киева до Полтавы, от Северной земли до Сечи... Когда это случится? Через десять лет? Через сто?

И вдруг понял, почувствовал, что никогда уже не вернется в этот тихий и удобный город... Отгремят бои, забудутся времена, когда по этим дорогам ходили шведы. Снова выйдут в поле пахари. Но сам он, Василий, уйдет, наверное, куда-нибудь далеко, далеко — в заволжские степи, а то и еще дальше, где дышится легко и над тобой нет ни окрика, ни команды, ни чужой воли. Лишь небо бездонное и песня жаворонка в нем...

Василий очнулся от криков и выстрелов. Они доносились с той стороны, где стоял соседний костер.

— Эй! — крикнул Василий. — Что там у тебя?

Никто не ответил. Но все ближе был конский топот.

Всадники неслись сюда. Сейчас они должны показаться из-за холма. Да вот и они. Трое. Конечно же, шведы. Тот, что впереди, гонит коня прямо на огонь. Двое других немного отстают.

Отдавать команду не пришлось. Казаки мигом оказались на конях.

— Хотя бы одного взять живым! — крикнул Василий.

Но шведы, заведя вырвавшихся им навстречу конников, резко свернули в сторону.

— Поне сотник, уходят!

Василий резко осадил коня, вскинул мушкет, дал упреждение — швед мчался галопом, надо было угадать то место, где он окажется через секунду.

Приклад тяжело ударил в плечо. Почти одновременно Василий услышал крик — значит, попал! А целил он в коня, чтобы только свалить всадника. Но, очевидно, попал в шведа. Впрочем, тот удержался в седле. И тут Василий увидел красную вспышку ответного выстрела. Ему показалось, что всадник промахнулся. Просто вдруг погасли костер и звезды над головой, и он почувствовал, что вместе с конем проваливается в бездну. Василий уже не слышал выстрелов, криков.

— Что с вами, ваше величество? Вы живы?

— Жив! — ответил Карл. — Но этот мерзавец оказался метким стрелком. Он раздробил мне ногу.

Один из драбантов хотел поддержать короля. Карл оттолкнул его. Он стыдился, что не сдержал крика. Да и вообще было крайне неприятно, что какой-то русский, получеловек-полумедведь, который, может быть, и правилам войны не учен, все же ранил его. И это накануне генерального сражения!

И надо же было, чтобы по пути король и драбанты еще раз попали под обстрел казаков, неизвестно как оказавшихся поблизости.

В конце концов король вместе с драбантами все же ушел от преследования.

Через полчаса хирург Нейман с испугом разглядывал королевскую ногу. Рядом со столом валялся разрезанный окровавленный сапог. Кость была задета, а возможно, даже раздроблена.

— Будет очень больно, ваше величество...

— Ничего, потерплю,— сказал король, а его бледное лицо покрылось росинками пота.— Останусь хромым?

— Постараемся сделать все, что в нашей власти,— ответил Нейман.— Негодяй, который стрелял в вас, спасся?

— Нет. Я ранил его первым же выстрелом, а затем на всякий случай выстрелил еще раз.

— Вашему мужеству можно только поклоняться.

— Сейчас постарайтесь сосредоточиться не на моем мужестве, а на моей ноге.

У барака, где Нейман врачевал королевскую ногу, собрались все шведские военачальники. Здесь были и Левенгаупт, и Рейншильд, и Спарре, и первый министр граф Пипер.

— Для чего нужна была эта безумная выходка? — спрашивал Пипер.— Мало всего того, что произошло с нами за последние месяцы, так теперь в русском лагере станет известно о ране короля. Лучшего подарка для царя Петра не придумаешь.

— Они все окапываются на той стороне реки.

— Да этих русских сам черт не разберет! Если они решили давать оборонительный бой, то с какой целью они переправляют часть полков на эту сторону?

— Позвольте, когда началась переправа? — спросил Левенгаупт.— Неужели вам непонятно, что это означает?

— А что именно это может означать?

— Прежде всего то, что нами безвозвратно утеряна инициатива. Давешняя кавалерийская атака и редуты на другой стороне реки — отвлекающий маневр. Они собираются дать нам бой здесь.

— Так пусть поспешат! — воскликнул Рейншильд.—

Дать генеральное сражение стремимся и мы. Чего же лучше?

— Надо доложить королю о переправе русского авангарда,— решил Пипер.— Сейчас же!

— Почему вы решили, будто речь идет об авангарде? Не исключено, что русские затеяли очередную диверсию и, столкнувшись с нашими войсками, вновь убегут за реку.

— Не хочу вступать в спор,— резко ответил Пипер.— Мне ясно лишь одно: король должен знать, что происходит. Рушится наша держава. Ответственность на нем.

Речи Пипера пугали. В последние месяцы первый министр вел себя так, будто не то замыслил заговор, не то решился уйти в оппозицию королю. Вознесенный волею Карла до высот невиданных, он, наверное, острее остальных чувствовал и свою ответственность и причастность к судьбам истории. То, что для самого Карла — монарха и правителя от деда и прадеда — было естественным, привычным, для возведенного не так давно в первые министры и графы Пипера было внове, тревожило и беспокоило его. Он еще не потерял ощущение того, что власть — не только удобство и преимущество, но и ответственность. Казалось, Карл не боялся ни суда современников, ни суда потомков. Король «божьей милостью», он понимал себя в качестве судьбы Швеции. А против судьбы не поспоришь и с нее ничего не спросишь!

Нейман закончил операцию и перевязку. Пипер и Рейншильд вошли в барак. Король лежал на спине. Лицо его было совершенно белым. Лишь под глазами синие круги. Но взгляд был спокоен, а рука — он жестом пригласил вошедших присесть на табуреты — не дрожала.

— Ваше величество,— начал Рейншильд,— русские переправляются через реку. Есть основания предполагать, что кавалерийская атака была отвлекающим маневром...

— Отвлекающим от чего? — спросил король.— От их

переправы на эту сторону. Бог мой! Я и не подумал бы им мешать. Они жаждут битвы? Чего же проще! Она будет им подарена!

— Но у нас есть сведения, будто к ним приближается подкрепление — около сорока тысяч башкир и калмыков.

— Это которые с луком и стрелами? Значит, надо поспешить в бой против регулярных русских войск, а затем рассеять и азиатские орды.

— Но ваша рана...

— Она не помешает мне руководить действиями армии.

— Благоразумно ли такое решение, ваше величество? — настаивал Пипер. — У нас еще есть надежда уйти за Днепр, дожидаться подкреплений из Польши.

— Нет! — твердо сказал король. — Надежды на помощь от Станислава Лещинского напрасны. Татары и турки не спешат присоединиться к нам. Впоследствии они о том глубоко пожалеют. И отступать я не стану. Пусть меня считают безумцем, но не трусом. Я сказал все.

Это означало, что спорить с королем бессмысленно.

ТУМАН НАД ЛЬВОВОМ

Панна Мария проснулась посреди ночи от чувства, что задыхается. Отчего это? Случилось что-то? Она подошла к окну и отдернула занавеси. За стеклом — сплошная молочная пелена. Ни сигнальных огней на башнях, ни огоньков в домах. Туман. Казалось, что на нем, как на холсте, можно писать маслом или рисовать углем.

Туман съел город, поглотил его. Такого на памяти панны Марии еще не бывало. Странен был этот год. Ранняя, яростная, пугающая зима. А затем — стремительная, как обвал, весна, когда за один день стаяли снега, реки вышли из берегов, с гор в долины обрушились потоки. В городах залило подвалы и склады. Да и лето было не-

понятным. Жара сменялась ливнями, уже совсем почти осенней слякотью. Теперь этот туман...

Уже две недели не было никаких вестей из-под Полтавы. Если бы генеральная битва состоялась, то о ней очень скоро узнали бы во Львове. Значит, там происходит нечто странное. Обе армии по каким-то причинам топчутся на месте, не предпринимая решительных действий.

Что с Василием? Где он? Говорят, когда с любимым случается беда, человек всегда это чувствует. И этот странный туман, который теперь казался Марии живым. Будто подглядывает с улицы в окно... Да нет, просто усталость. Нервы. Она не суеверна. Не верит ни в какие приметы.

К утру туман развеется. И снова будут видны строгая надменная колокольня Катедры — латинского Кафедрального собора, как бы составленная из черных кубиков звонница Волошской церкви, разноцветные черепичные крыши. Мир снова обретет реальность.

От Лянскоронского принесут цветы, записку и очередную редкую книгу, переплетенную в красный или желтый сафьян. Продержав какое-то время книгу у себя, прочитав ее, если она покажется интересной, Мария возвратит ее владельцу. Принимать от Лянскоронского подарки она не хотела.

Только откуда эта тревога? И почему посреди лета, июльским днем, такой туман?

Панна Мария зажгла свечу и почти до рассвета читала. Это, конечно же, была книга, присланная Лянскоронским. Точнее, даже не книга, а переплетенная рукопись с иллюстрациями. На форзаце значилось — перевод с испанского. Но ни имени автора, ни имени переводчика отыскать не удалось, что наводило на мысль: уж не труд ли это самого Лянскоронского? Да и сюжет был странен. Некий испанский дворянин описывал свое путешествие в крымскую Каффу с остановками в Мюнхене, Вене и во

Льво́ве. И именно Льво́в показался ему тем городом, который стоит в стороне от страстей, от нарастающей неумеренности в душах правителей и простых людей. Во Льво́ве все, как считал путешественник, нормально и соразмерно. Река Полтва именно такой ширины, какой и надо быть реке: не слишком глубока и не слишком широка. Дома в большинстве трехэтажные и о трех окнах по фасаду. А зачем больше? Улицы достаточно широки, чтобы на них могли разминуться две кареты. Но и не шире.

Лишь гармония, считал путешественник, может принести счастье и покой всем людям. А она возможна, если города не будут слишком велики, реки чрезмерно полноводны, а люди будут проводить жизнь не в погоне за властью и славой, а в тихих дружеских беседах, баюкающих и успокаивающих. Затем шло описание одного из львовских домов, хозяин которого посвятил свою жизнь тому, чтобы создать вокруг себя атмосферу покоя и душевного равновесия.

Мария с досадой отложила книгу. Ясно, что Лянскоронский объяснял самого себя. Скорее всего, каллиграфический почерк принадлежит кому-нибудь из его секретарей. Возможно, текст диктовал секретарю сам хозяин...

Почему-то ей вспомнились одноглазый Иван, купец Михайло... Что остановит этих людей, если у них душа горит? Откуда же возьмется у Лянскоронского покой? А ведь именно покоя он просил в записках, авторство которых скрывал.

Рыжий, приземистый, похожий на медвежонка Михайло однажды на вопрос Марии, зачем ему политика, ответил просто:

«Конечно, я мог бы нажить много золота. По части торговли голова у меня работает получше, чем у папы римского. Но у меня дети, и я хочу, чтобы они их не убили».

«Кто «они»?» — спросила Мария.

«Ну, разные «они». Сейчас шведы, раньше были татары, а до них были и другие. Не за себя борюсь. За детей своих».

Ну, а у Лянскоронского детей не было. Да и семьей не спешил обзаводиться. Он был занят самим собой.

Туман за окном стал еще плотнее. Он не рассеялся и днем. И на следующий день. Мария не знала, что это и был тот самый знаменитый «семидневный» львовский туман, который вошел в легенды и позднее его считали чуть ли не божьей карой, насланной на город за тайные прегрешения граждан его.

Не было ей ведомо, конечно, и другое: что в ту самую минуту, когда она проснулась в ночи от ощущения удушья, доживал свои последние минуты сотник Подольский, ее Василий. После меткого выстрела Карла Василий ничего не ощущал и не помнил до минуты, пока его не принесли в лагерь. Тут он вдруг открыл глаза и одновременно ощутил острую боль в груди, отдающую в плечи и в живот.

Над ним склонился «ничейный солдат».

— Воды? — спросил он.

Василий попытался сказать «да», но не смог. Хотел подняться на локте — тело не слушалось.

— Нельзя ему воды, — сказал кто-то. — При такой ране воды не дают.

— Уже все равно, — ответил «ничейный солдат». — Он свое отвоевал.

— Замолчи. Слышит ведь...

— Ну и что же, что слышит? Он смело жил, смело и умрет. Пей, браток!

Струйка воды из фляги потекла по подбородку. Это еще Василий чувствовал. Он сумел собраться с силами и тихо прошептал:

— Михайле сказать, чтобы письмо отправил...

«Ничейный солдат» не знал, о каком именно письме идет речь, но кивнул:

— Не волнуйся,— и тут же склонил голову:— Спи спокойно, браток. Спи спокойно, пане сотнику Подольский!

Когда ночью наспех, кое-как рыли могилу, чтобы похоронить Василия до начала битвы, вдруг, откуда ни возьмись, объявилась отосланная из отряда девица Евдокия. Она заплакала было, заголосила, но кто-то из казаков грубо дернул ее за косу:

— Молчи, швед услышит! Завтра о многих плакать придется.

Евдокия умолкла. Она стояла, стиснув руки у подбородка, смотрела на застывшее лицо Василия.

— Не верю! — шептала Евдокия.— Не верю тебе, боже, если ты разрешил такое!

Вот чего не знала панна Мария в ночь, с которой и начался во Львове «семидневный туман».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАРЯ ПОЛТАВЫ

Крман то засыпал, то просыпался и каждый раз с удивлением отмечал, что лежит в постели с холодным компрессом на голове. На столе стояла банка, в которой плавали жирные, отяжелевшие пиявки, а рядом с ними — тощие и худые, те, которые еще не успели напиться крови Крмана.

— Они похожи на ксендзов.

— Кто? — спросил сидевший в изголовье Погорский.

— Пиявки. Одни — на старых и толстых ксендзов, а другие — на юных и тоненьких.

— Успокойся и выпей молока.

— Мальчика похоронили?

— Спи, Даниил.

В минуты просветления мир вновь обретал для Крмана осязаемость и предметность. Он с удивлением подносил к глазам и рассматривал собственные руки, будто не мог поверить, что они существуют, гладил шероховатую простыню, которой был покрыт, глядел в окно.

— Анна! — позвал он однажды. — Ну где же ты?

Погорский наклонился над Крманом.

— О ком ты? Тебе лучше?

— Да, лучше! — шептал Крман и вновь засыпал, чтобы через час проснуться в холодном поту...

— Костры все еще горят?

— Не думай о кострах, Даниил. Из-за них ты и заболел.

— Все русские — язычники, — продолжал Крман. — Они только для виду приняли христианство. Мне эта мысль давно покоя не дает. Они и сражаются, как язычники. У них нет самого главного, что делает человека осторожным в мыслях и поступках, — понятия о том, что все мы смертны. У них даже дети какие-то шалые. На моих глазах один мальчишка навлек на себя гибель только для того, чтобы удалась русская кавалерийская атака. Горят ли костры?

— Нет, Даниил, король сам совершил атаку на тех, кто эти костры зажигает. Был ранен, и тяжело, но ему удалось добиться того, что огни по ночам больше не горят.

— Неужели костров больше нет? — поднялся на своем ложе Крман, отчего мокрое полотенце свалилось со лба ему на грудь.

— Нет их и больше не будет. Ляг удобнее, отдохни.

Завтра надо быть на ногах. Уже сегодня ночью или утром может случиться генеральное сражение. Русские перешли реку.

— Я поднимусь сейчас же! — заявил Крман. — Среди сражающихся может быть один мой знакомый. Я хотел бы отвести опасность от его груди.

— Какую опасность? От чьей груди? Сейчас же ляг!

Но Крман, пошатываясь, сделал шаг к табурету, на котором была сложена его одежда. Поддерживая Крмана под руку, Погорский вывел его на улицу.

— Голова кружится, и ноги не слушаются.

— Может, вернемся?

— Нет, идем. Я должен его видеть... Что за огни у барака короля? Я весь потный, и меня знобит.

Не доходя до королевского барака, они натолкнулись на группу из шести вооруженных людей. В темноте трудно было бы разобрать, кто это, если бы не характерное сухое покашливание Мазепы. С ним были Орлик, Войнаровский и какие-то неизвестные Крману и Погорскому люди.

— Ага! — сказал Мазепа вместо приветствия. — Значит, выжил. Набирайся сил. Сегодня придется или преследовать неприятеля, или же бежать от него. В последнем случае нам понадобятся особо резвые кони. Вот, кстати, и кавалерия выстроилась на флангах, а в центре — пехота. Где же король?

— Да вон — драбанты выносят его из барака, — сказал Орлик.

Когда подошли поближе, то увидели, что носилки были поставлены на оторванные от повозки оси. В этот импровизированный экипаж впрягли двух лошадей. Короля окружали два эскадрона конницы. Заметив Мазепу, король жестом подозвал его.

— Прошу отправиться в обоз, охраняемый казаками, и подбодрить их.

— Я сейчас же! — поспешил согласиться гетман.

Минул час, другой. Русского нападения не последовало. Крман сидел на камне, на плаще, подложенном заботливым Погорским.

— Скоро рассвет. Русские не соизволили напасть. Вернемся домой, Даниил?

Крман кивнул. Он не помнил, как они добрели до хаты и как он оказался в постели. Дальше снова были томительные дни в полудреме. Иногда к нему возвращалось ясное сознание. Тогда он спрашивал у Погорского, состоялось ли сражение. Нет, сражения не было, хотя, казалось, шло к нему. Наконец поздно вечером распространились слухи, что король решил сам атаковать русских, чтобы не допустить подхода к ним подкреплений.

— Надо собрать вещи,— сказал Даниил,— и седлать коней. Я уже вполне здоров, хоть и слаб. Если будет бой, надо быть готовыми к чему угодно. В последние дни я или спал, или же думал о русских. Они не похожи на нас. Ни в любви, ни в бою, ни в чем они не знают удержу, той границы, которая помогает человеку поступать разумно и выживать. Седлай коней!

Несмотря на протесты Погорского, Даниил заставил собрать их нехитрый скарб, который вполне уместился в двух кофрах. Кофры погрузили на коней. Притворили дверь хаты, брошенной хозяевами еще при приближении шведов.

— Меня пугают твои действия, Даниил.

— И меня самого тоже,— ответил Крман. — Но в хату мы больше не вернемся. Сейчас лучше всего быть подле Мазепы.

— Почему?

— Он лучше других, лучше, чем сам король, сумеет понять, что происходит.

— Станные мысли.

— А у меня и нет никаких мыслей. У меня есть

страх. Огромный страх, который стал вот здесь, в горле, комком и не дает продохнуть.

— Да что за прихоть беседовать с Мазепой? Уверяю, это не самый умный человек на земле.

— Наверное. Но ему больше, чем другим, понятны и шведы и русские. Он ведь из тех русских, который хотел бы стать шведом. Кроме того, он хитер. Очень хитер. А хитрость часто как бы заменяет ум. А в иных ситуациях хитрость даже удобнее ума.

Погорский решил, что Крман заговаривается.

А в лагере шведов все было готово к атаке. Войска были уже выстроены. Вдоль их фронта медленно проносили короля на носилках. Приподнявшись и опершись на левую руку, он обращался к каждому из полков с коротким напутствием. Напомнил о воинской доблести предков, о том, что сейчас им предстоит сражаться за честь Швеции и ее благополучие. Он счел нужным объяснить, что поручает командование войсками фельд-маршалу Рейншильду, ибо сам не в состоянии находиться в седле...

Речь короля сопровождалась странным аккомпанементом из русского лагеря. Оттуда, из темноты, доносился какой-то стук. Там что-то строили.

— Ретраншемент¹ укрепляют,— сказал Мазепа. — Царь Петр всяческое строительство любит. А окопы пуще всего.

Начинало светать. Над дальним лесом темное небо стало серым. Шведская кавалерия двинулась к русскому лагерю. Следом шла пехота. Полки уходили в вязкий сумрак.

— Скорее бы взошло солнце! Где бы взять подзорную трубу?

— Зачем она тебе, Даниил? Ты же не полководец.

Скоро к королевской свите подскакал гонец и что-то

¹ Р е т р а н ш е м ё н т — внутренняя оборонительная ограда в крепостях или укреплениях на поле боя.

сообщил Карлу. Ответных слов короля разобрать нельзя было, но он энергично махнул рукой, и гонец помчал назад, к Рейншильду. Тут же стало известно, что русские за ночь возвели перед ретраншементом еще и редуты. Сколько? Этого еще никто не знал. Но заниматься сейчас разведкой было некогда.

Минут через двадцать стало совсем светло. И фельд-маршал отдал приказ кавалерии — атаковать. Теперь было видно, как навстречу друг другу мчали во весь опор эскадроны.

— Пехота отстает! — сказал Мазепа Крману. — Сейчас только на нее надежда.

Но шведская пехота поспела вовремя и поддержала кавалерийскую атаку. Русские эскадроны стали медленно отступать к редутам.

— А туда не надо бы! — заметил гетман. — От редутов лучше подальше: там пушки.

Действительно, вскоре редуты в разных местах окутались дымом. Потом произошло нечто непонятное. Шведы как будто бы ворвались в редуты, но бой не утихал. Напротив, русская артиллерия продолжала огонь. Неужели пушки унесли на руках из покинутых редутов?.. Мазепа недоумевал. Да и не только он один. Наверное, не менее странным казалось все это и самому Карлу.

Если бы оба они находились не на холме в двух милях от битвы, а в первых шеренгах атакующей пехоты, то знали бы, что на самом деле русских редутов было не шесть, как показалось вначале, а десять: четыре были выстроены перпендикулярно к тем шести, которые можно было рассмотреть в подзорную трубу. Это оказалось для шведов полнейшей неожиданностью.

А если бы кому-нибудь из шведских генералов довелось провести последние сутки в русской ставке, то они узнали бы массу любопытного и весьма неприятного для себя. Прежде всего они поняли бы, что русские вовсе не сомневаются в победе. Более того, зная, что к

шведам убежал один офицер из немцев и сообщил, что новобранцы будут одеты в мундиры серого сукна, Петр приказал в серое одеть один из лучших полков — Новгородский. Казалось бы, мелочь, но какими неприятностями она грозила Карлу!

А еще они поняли бы, что именно на редуты, выстроенные перед главным ретраншементом, русские и делают ставку. Натолкнувшись на редуты, шведская кавалерия и пехота должны были потерять «накат», ту стремительность, которая во время боя решает все. Зазевался, упустил момент — жди неприятностей. Противнику нужны именно эти потерянные тобой минуты. Пройдут годы и десятилетия, а военные теоретики будут анализировать великолепную выдумку Петра — гибельные для шведов редуты...

И кто знает, не у редутов ли уже решился исход битвы?

Меншиков, защищавший редуты, дважды отказался отступить к главному царскому ретраншементу. Образ действий отчаянный. Петр послал к нему генерал-адъютанта. Но Меншиков, под которым уже были убиты две лошади, вскочил на третью и вновь повел свои полки на шведов. Он был в полной уверенности, что победу можно добыть сейчас же, немедленно, не вводя в дело главные силы русской армии. И никто не узнает теперь, кто был более прав: Петр, решивший действовать наверняка, или Меншиков, который готов был рискнуть, и не совсем безосновательно.

Но так или иначе Петр настоял на своем. Он послал Меншикова с пятью эскадронами и еще пятью батальонами пехоты преследовать отрезанных от неприятельского войска генералов Рооса и Шлиппенбаха...

— Где генерал Крейц? Где его драгуны? Ведь я послал его во фланг русским.

— О Крейце нет известий, ваше величество. Может быть, он заблудился?

— А что, если заблудились мы?

На этот неожиданный вопрос короля никто не решился ответить.

Даниил с удивлением заметил, что солнце поднялось уже довольно высоко, а казалось, что битва лишь недавно началась. Спросил у Мазепы, который час, забыв, что может посмотреть на собственные часы.

— Девятый, — ответил гетман. — Царь выводит войска из лагеря. Теперь королю и деваться некуда. Перед фронтом — русские, а в тылу — Полтава с ее гарнизоном.

В это время часть русской конницы внезапно отошла с линии редутов и расположилась на правом фланге русского лагеря. Затем столь же внезапно русская кавалерия атаковала шведскую, отбросила ее, но, вместо того чтобы продолжить сечу, галопом помчала назад. Пыль, поднятая тысячами копыт, скрыла расположение всего русского лагеря.

— Многое видывал, но такого еще никогда! — сказал Мазепа.

— А что произошло? — спросил Крман. — Вас что-то удивило?

— Все. И маневр русской конницы, и даже то, что бог в помощь русским. Надо же было поднять такую пыль, что теперь и не понять, что царь затевает... Неужто они специально все придумали или само собой получилось?

Вскоре пыль улеглась. Теперь были четко видны сошедшиеся в полном боевом порядке армии. Русская пехота была выстроена в две линии, с конницей на флангах. В интервалах между полками были установлены пушки. У шведов, напротив, пехота расположилась в одну линию, а кавалерия — в две. Шведы ударили в самый центр русской армии, где стояли одетые в серые мундиры солдаты. Казалось, еще немного — и они прорвут первую линию, опрокинут и вторую.

— Можно попросить у вас подзорную трубу? — спросил Крман у Мазепы.

Гетман не ответил. Но тихий Даниил проявил неожиданную настойчивость.

— Мне очень хотелось бы посмотреть на баталию. Я такое вижу впервые.

— И я тоже,— холодно ответил Мазепа.— Боюсь, что и в последний раз. Русская конница охватывает шведские фланги. Назад! Атаковать поздно. Надо отходить.

Подскакал Орлик:

— Подожди, главное еще впереди!

— Главное, Орлик, уже позади,— сказал гетман. — Скажи, чтобы четыре основных воза с охраной шли к Переволочной.

— Не пойму, чего ты испугался?

— А мне пугаться уже нечего. У меня все пропало, кроме тех четырех возов с золотом. Делай то, что я сказал.

Крман слышал разговор, но ничего в нем не понял. Почему гетман считает, что главное уже позади? Насколько он, Крман, мог судить, шведы все еще атаковали русских и даже немного потеснили их. Но настоящие битвы он представлял себе не такими. Они ему казались дымными, грохочущими, крикливыми. Как видения ада. А тут все выглядело красиво и даже картинно. Скакали одетые в красивые мундиры люди, навстречу им — другие. Сшиблись под горой, помахали саблями. Окутались округлыми — как облака в небе, только поменьше,— дымками выстрелов редуты... Слева — лес, позади — река... Таковую картинку вполне можно было взять сюжетом для гобелена. И он никого не пугал бы и не наводил на мысль о смерти, гибели людей. Такой сюжет, как ни странно, можно было бы назвать даже изящным и законченным.

— Где же битва? — спросил вслух Крман. — Где она?

— Если хочешь остаться живым, погоняй своего коня, — буркнул Мазепа.

— Я не могу постоянно полагаться на чьи-то слова и мнения. Мне нужно видеть все своими глазами, объять все собственным умом.

— Смотри, — сказал гетман. — Пробуй понять, если сумеешь...

Но то, что происходило на поле, показалось Крману странным. По причине, которой Крман не понял, шведы начали отступать. Вернее, они даже не отступали, а бежали. А русская конница, как и предрекал гетман, успела ударить шведам во фланги...

Крман внезапно почувствовал резь в виске и тошноту. И только тут вспомнил о Погорском. Где он? Оказалось, что Погорский спокойно спит на плаще у куста боярышника, подложив под голову руку. Лицо его было младенчески безмятежным. Рядом с Погорским пощипывали траву стреноженные и связанные друг с другом уздечками кони...

И тут начался, наконец, тот самый грохот, который казался Крману обязательным при каждой большой битве. Открыли огонь русские пушки. Их было много. Крман начал было считать количество дымков, но тут же сбился со счета.

Мазепа держал в руке большие золотые часы. Интересно, для чего они ему сейчас понадобились? Погорский проснулся и, ничего не понимая, принялся тереть глаза.

Мазепа невозмутимо продолжал изучать циферблат, как будто это были не часы, а сказочный волшебный камень, в котором можно было увидеть будущее. Русская пехота на флангах как будто начала теснить шведов... Кроме того, русские хором что-то кричали.

— Что они кричат?

— Они кричат «ура», — ответил Мазепа. — Чтобы спастись, у вас осталось не более четверти часа.

Сказав это, гетман повернул коня и вместе с Орликом шагом спустился с холма. Но Погорский с Крманом замешкались. Они еще ничего не понимали. Ведь битва еще продолжалась. Шведы как будто не собирались отступать.

Правда, вскоре на двух скрещенных пиках принесли Карла. Оказалось, что носилки были разбиты русским ядром. Тут же подскакал Рейншильд, крикнул драбантам:

— Солдаты! Спасайте короля! Наша пехота погибла!

Король был бледен. Крману показалось, что он без сознания. Но все же Карла усадили в седло. Он даже показал жестом, что поддерживать его не надо.

— Невозможно! — сказал Карл. — Где-то мы допустили ошибку...

Только теперь Крман увидел, что от стройной линии шведского войска ничего не осталось. Русские сумели раздробить ее на множество мелких островков. Кое-где шведы вели еще ответный огонь. В других местах, судя по движениям солдат, шла рукопашная.

Если бы Крмана попросили описать, какие чувства владели им в последующие три дня, он ответил бы: «Никакие». Мчали к Днепру, оглядываясь, не приближается ли русская погоня. Спали по два часа в сутки, не расседывая коней. Никто не говорил об усталости. Бежали молча. На многие часы бег стал смыслом существования: быстрее, быстрее, быстрее к Днепру. Причем никто не отдавал себе отчета в том, что же изменится, когда они наконец достигнут Днепра. Лица людей были черны от пыли. Павших коней даже не оттаскивали на обочину. В обозе нашли карету Пипера. Своей у короля не было с того дня, как он покинул Стокгольм. Короля усадили в экипаж.

— Что с Пипером?

— Он в плену.

— А генерал Рейншильд и герцог Вюртенбергский?

— Там же, где граф Пипер.

— Ну нет, в плен к русским мы не пойдем, — сказал король. — Поспешим лучше к туркам.

Мчали день. Мчали и всю ночь.

Опомнились лишь в Переволочной. Ночевали под открытым небом. Благо ночи выдались теплые. Низкие звезды слепили, не давали уснуть. Оказалось, что всех средств для переправы — два челна и небольшое судно, способное поднять полсотни людей, но без оружия и скарба. Из опытных генералов уцелели лишь Крайц да Левенгаупт. Никто не знал, сколько именно войска спаслось. Называли цифры от пятнадцати до двадцати тысяч.

Говорили, что король намерен дать здесь еще один бой русским, но никто не понимал, как этот бой можно дать, потеряв пушки и не имея достаточного количества мушкетного пороха. Пока шли эти совещания, часть казаков во главе с Костей Гордиенко переправились на правый берег. Там же оказалось до сотни шведских кирасир. Король велел схватить беглецов и расстрелять. Но куда легче было отдать приказ, чем выполнить.

На следующий день, к полудню, распространились слухи, что к Переволочной приближается русская армия во главе с Меншиковым. Король отдал приказ строить через Днепр мост. Ему ответили, что под рукой нет никакого дерева. Неожиданно находчивость проявил Погорский. Он приволок из разбитой церкви части деревянного алтаря, куски бревен, нашел мастеров, которые за два часа сбили плот. Охотников плыть вместе с Крманом и Погорским оказалось много. Даже слишком много. Каким-то образом на плот забралась женщина с мужем и ребенком. Она уверяла, что родом из Семиградья, пыталась вручить Погорскому мешок с

двумя тысячами дукатов. Тут же оказались двое немых в простой крестьянской одежде. Впрочем, немые очень походили внешне на белокурых, сероглазых шведов. Может быть, они были вовсе не немыми, а тоже дезертирами?

— Скорее! — торопил Погорский. — Надо отчаливать. Еще два-три гостя — и плот пойдет ко дну.

Оттолкнулись от берега и кое-как проплыли метров двести. Но груз, видимо, и вправду был тяжел для плота, он стал погружаться в воду. Голосила обладательница двух тысяч дукатов. Двое немых разделись и вплавь решили возвращаться к левому берегу. Но тут к плоту подгребли два рыбака на челнах. Жирный блеск золотых дукатов помог договориться без переводчика. Крман взял с собой только плащ и кофр с русскими книжками, бельем и куском хлеба. Но как вскоре выяснилось, хлеб подмок и раскис. Его пришлось выбросить.

В конце концов Погорский и Крман переправились на правый берег — без вещей, без коней, даже без еды. Сотни других людей переправлялись так же, как Погорский с Крманом, — на хлипких самодельных плотках, сбитых из обломков карет, возов, случайно подобранных на берегу бревен. Плоты эти, как правило, тонули, не достигнув и середины реки. Те, кто умел плавать, пробовали добраться до берега. Над рекой стелился не крик и не плач, а какой-то сплошной стон. Вдруг ниже по течению на правый берег выбрался табун оседланных лошадей. Кто знает, почему кони поплыли вслед за людьми. Охватила ли их тоже паника, вел ли их инстинкт или одним им известная лошадиная мудрость, но кони убрались подальше от опасного места, где вот-вот должен был грянуть новый бой. Но, даже переплыв Днепр, они не добыли себе свободы. Коней принялись отлавливать. За доброго коня можно было получить целое состояние. И Крману с Погорским пришлось бы плохо,

если бы судьба в очередной раз не смиростивилась над ними. Не успев обсохнуть и выяснить, что же из багажа удалось спасти, они натолкнулись на гетмана, Орлика и Войнаровского, которые переплыли реку на небольшом судне, вместившем, впрочем, полусотню конников. Судно тут же отправилось за другой партией казаков.

— Значит, выплыли? — удивился Мазепа, — увидев Крмана с Погорским. — Такие, как вы, обычно тонут.

Впрочем, гетман распорядился выдать им лошадей, а Орлику приказал тут же изготовить для обоих путешественников охранную грамоту на латинском языке, в которой предписывалось всем оказывать Крману и Погорскому помощь в их путешествии. Орлик быстро все это изобразил на мятом листе бумаги (оказалось, что он не расстался с походной чернильницей) и тут же прихлопнул печатью, на которой был изображен казак при сабле и со стрелами, а вокруг шла надпись: «Печать Малой России войска королевского». Наверное, изготовили печать уже после перехода Мазепы к Карлу, потому на печати и возникло слово «королевского».

Тут стало известно, что триста шведских кавалеристов и не меньшее число казаков, надеясь на силу своих лошадей, рискнули отправиться к противоположному берегу вплавь. Но их всех унесло течением.

А дальше была безумная скачка по степи. От пота, смешанного с глинистой пылью, лица покрывались ломкими корками, похожими на маски, потрескавшимися в уголках глаз и у рта. Двигались двумя колоннами: шведы во главе с королем, а параллельно — казаки с Мазепой. Почему так получилось, никто не знал, но шведская и казацкая колонны двигались порознь. А бивуаки разбивали в полумиле друг от друга. И это очень напоминало два враждебных стана. Невольно закрадывалась мысль, что шведы почему-то считали виновниками поражения казаков, а казаки — шведов.

Крман в эти дни был рядом с гетманом, Орликом и

стариком Лукой, который продолжал варить на привалах свои колдовские зелья. Мазепа пил их теперь уже не из склянки, а прямо из той же кружки, в которой Лука варил настой.

Вскоре стало известно, что Левенгаупт с остатками армии капитулировал под Переволочной. Без единого выстрела, без попыток оказать настигнутому его отряду Меншикова хоть малейшее сопротивление. Карл, узнав об этом, сорвал повязку с ноги и швырнул ее в лицо ни в чем не повинному хирургу.

— То ли еще будет! — сказал Мазепа, узнав об этом поступке короля. — Никто, даже сам царь Петр, не представляет, какую викторию он одержал. Иначе не пировал бы в шатрах под Полтавой, а тут же снарядил за нами погоню. Нас с королем и со всем обозом голыми руками можно было брать. Эх, сил бы побольше! Снова уговорил бы царя простить меня... Напрасно говорят, что со старостью к человеку приходит мудрость. Старость — это беда или же наказание господнее. Человек и телом и душой становится хилым, как дитя малое. Тебе, Орлик, самое время в Москву бежать. Авось голову не отрубят и вновь на службу позовут.

Орлик сидел, опустив острый нос на грудь. Иногда что-нибудь односложно отвечал гетману. Чаще молчал. Никто не стеснялся Крмана и Погорского. Говорили при них о самом сокровенном — о том, как выжить, как спастись...

Но, видимо, не все собирались выжить. Многие отчаялись. И на одном из привалов на старом дубе, росшем неподалеку от тоненького ручейка, повесились двое — шведский офицер и казак из тех, что перебрались на Правобережье вместе с Костей Гордиенко. Их не стали хоронить. Король запретил. Он не терпел трусов. Зато судачили об этом событии долго. Кто первый повесился: швед или казак? Не могли же они, сговорившись, сделать это одновременно. Следовательно, сначала пове-

сился один, а затем второй, увидев, сколь простым может быть выход из безнадежного положения.

— Почему все спорят о таких странных вещах? — спросил Крман у гетмана. — Какая разница, кто первый, а кто второй решил лишиться себя жизни? Страшен сам факт.

— Потому и спорят о мелочах, чтобы не думать о главном, — ответил Мазепа. — Так и я сейчас больше всего пекусь о том, чтобы не утащили с возов два бочонка с золотом. А ведь мне оно будто уже и ни к чему. Помирать пора.

— Я давно хотел побеседовать с вами... — начал было Крман.

— О чем беседовать? — Гетман махнул рукой. — Не о чем.

— Вы считаете, что главной ошибкой была осада Полтавы?

— Нет, — сказал Мазепа. — Шведская армия погибла еще до Полтавы. А главная баталия могла быть под Полтавой или в другом месте — неважно.

— Но если вы так хорошо все понимали, зачем же вы перешли на сторону короля?

Гетман долго гладил свою ставшую уже клочковатой седую, с желтизной бороду, затем поднял на Крмана глаза. И взгляд их был пуст и скучен.

— Откуда я знаю? — тоскливо сказал Мазепа. — Решил последнюю в своей жизни игру сыграть... да пустое все это. Что случилось, того не воротить. Другое мой ум теперь занимает. Раньше я всегда сам себя как бы со стороны видел. Слово скажу, шаг сделаю, а сам будто это не я, а другой человек: подглядываю и в уме решаю, что правильно, а что неправильно. Да и того хуже — один Мазепа уходил от царя к королю Карлу, а другой Мазепа понимал, что первый сам себе могилу роет... А теперь вдруг все прошло. Нет двух Мазеп. Остался один, который сам теперь не знает, чего хочет.

Пожалуй, пуще всего — лечь где-нибудь на удобном лежаке и поспать.

Позднее обо всем этом — о казаке и шведе, повесившихся на одном дереве, и о спорах, кому первому пришла в голову мысль таким образом кончить счеты с жизнью, — Крман подробно напишет в своих мемуарах о походе шведского короля в глубь России. Но до той поры, пока Крман сядет за стол и сможет спокойно обдумать все то, что он увидел в этот страшный год, пройдет еще немало времени...

Неподалеку от Очакова беглецов настигла настоящая степная гроза. По странной случайности тучи шли с севера. И в этом тоже увидели знамение — божью кару. Уж не царь ли Петр наслал эти черные, низко идущие над землей тучи? Когда гроза грянула и между тучами и землей заметались злые короткие молнии, все спешили и легли лицом в полынь, забыв привязать или стреножить коней. Те метались по степи. Может быть, страх, который испытывали люди, передался и им.

А тут еще жители Очакова, увидев столь странный отряд, отказались пустить беглецов в город без разрешения губернатора Мехмета-паши. Ну, а Мехмет-паша не желал давать разрешения, не получив на то согласия сераскира провинции, жившего в Бендерах.

Гроза миновала быстро. Ветер погнал тучи дальше, к морю. Но еще долго пришлось отлавливать вырывающихся, храпящих, нервно прядающих ушами коней...

Карл распорядился, не дожидаясь изъявления воли никому не известного доселе Мехмета-паши, выкрасть на противоположном берегу Буга лодки и начать переправу. Но тут опять их настиг русский отряд. Еще пятьсот шведов оказались в плену. Зато король и его телохранители успели ступить на спасительную для них землю Турецкой империи. Теперь их достать могли только пули. Но Буг в низовьях очень широк.

Сначала слово царю Петру.

«Хотя и зело жестоко во огне оба войска бились, однако ж то все далее двух часов не продолжалось: ибо непобедимые господа шведы скоро хребет показали... Неприятельских трупов мертвых перечтено на боевом месте и у редут 9234, кроме тех, которые по лесам и полям побиты и от ран померли... При сем же и сие ведать надлежит, что из нашей пехоты только одна трудная линия с неприятелем в бою была, а другая до того бою не дошла».

А теперь будет справедливым представить слово побежденному — Карлу XII.

Мы уже говорили, что в шведском короле, возможно, погиб писатель. Правда, вряд ли талантливый. И уж во всяком случае, никак не юморист. Тем не менее он продиктовал (он ведь еще не оправился от раны и сам писать не мог) письмо, адресованное правительственному Совету, или, как его иначе называли, Комиссии обороны, которое может вызвать лишь недоумение или смех. Цитируем:

«Прошло значительное время, как мы не имели сведений из Швеции и мы не имели случая написать письма отсюда. В это время обстоятельства здесь были хороши, и все хорошо проходило, так что предполагали в скором времени получить такой большой перевес над врагом, что он будет вынужден согласиться на заключение такого мира, какой от него потребуют. Но вышло благодаря странному и несчастному случаю так, что шведские войска 28-го числа июня месяца потерпели потери в полевом сражении. Это произошло не вследствие храбрости или большой

численности неприятеля, потому что сначала их постоянно отбрасывали, но место и обстоятельства были настолько выгодны для врагов, а также место было так укреплено, что шведы вследствие этого понесли большие потери. С большим боевым пылом они, несмотря на все преимущества врага, постоянно на него нападали и преследовали его. При этом случилось, что большая часть пехоты погибла и что конница тоже понесла потери. Во всяком случае, эти потери велики. Однако мы теперь заняты приисканием средств, чтобы неприятель от этого не приобрел никакого перевеса и даже не получил бы ни малейшей выгоды».

Вы знаете, это, наверное, тот самый случай, когда, сколько ни крути, как ни вчитывайся в текст, все равно не поймешь, что же именно хотел сказать король. Ведь он уже знал, что под Полтавой было не просто неудачное сражение. Там сокрушена и полностью разгромлена шведская армия, взяты в плен почти все военачальники, захвачена походная казна и канцелярия короля. Ко времени, когда он прибыл в Очаков, уже было известно, кто из шведских министров и генералов попал в плен, а кто спасся. Стало совершенно очевидным, что под Переволочной капитулировали и остатки разгромленной армии. Трудно сказать, на что надеялся король, отправляя на родину столь странные послания, изобилующие словами «случилось», «получилось», «вышло»...

А чуть позднее он весело напишет в Стокгольм:

«Здесь все идет хорошо. Только к концу года вследствие одного особого случая армия имела несчастье понести потери, которые, как я надеюсь, в короткий срок будут поправлены. За несколько дней перед сражением я тоже получил одну любезность, которая помешала ездить верхом, но я думаю, что я скоро из-

бавлюсь от ущерба, который состоит в том, что я должен был прервать верховую езду».

Оказывается, всего лишь — «потери... которые в короткий срок будут поправлены...», «...одна любезность, которая помешала ездить верхом».

Король решил не выходить из образа, не давать никому повода считать, будто неудачи сломили его. Это, конечно, было смешно. Ведь известия о Полтаве и о капитуляции армии шведов под Переволочной, без единого выстрела сдавшихся девятитысячному отряду во главе с Меншиковым, дошли до всех европейских столиц задолго до того, как послания Карла добрались до Стокгольма.

Все тот же английский посол Витворт с удивлением писал в Лондон, что «вопреки всем ожиданиям у неприятеля была еще армия, около 15 тысяч человек, отборные части, больше всего — кавалеристы... Они сдались в плен и в тот же день сдали все свое оружие, артиллерию, амуницию, полевую казну, канцелярию, литавры, знамена, флаги, барабаны... Таким-то образом вся вражеская армия, столь прославленная молвой на весь свет, стала добычей его царского величества, ничего от нее не спаслось, кроме одной тысячи приблизительно кавалеристов, которые бежали вместе с королем. Может быть, в истории не было еще примера такой многочисленной регулярной армии, покорно подчинившейся подобной участи».

Стало уже известным и то, что русские разгромили шведов малыми силами, фактически введя в бой под Полтавой всего лишь десять тысяч человек.

По-разному передавали слова царя Петра, произнесенные им перед полками, о том, что ему его собственная жизнь не дорога и не во имя собственной славы шлет он полки в бой, а для блага России, которая стояла и стоять будет непоколебимо во веки веков. Рассказывали и о том, что Петр, над робостью кото-

рого начали было уже посмеиваться (шутка ли — отступал полтора года!), во время Полтавской битвы оказался в самой гуще сражения, подбадривая солдат... Причем шляпа царя была прострелена в двух местах, медный нагрудный крест пробит пулей, под ним убили лошадь, но он не дрогнул, а, напротив, личным мужеством увлек за собой полки. А затем, после победы, пировал в шатрах, куда были званы и все захваченные в плен военачальники. И будто бы царь поднял тост за своих учителей — шведских генералов, на что пленный граф Пипер с горькой улыбкой ответил: «Хорошо же вы отплатили, ваше величество, своим учителям!»

**Из письма саксонского офицера Фридриха Мильтица
супруге Эбильгардине
в Дрезден в июле 1709 года**

«Любезная супруга моя Эбильгардина! Милые дети!

Как долго я вас не видел. И как жажду прижать к груди своей.

Судьба оказалась милостивой ко мне. Я спасся среди тех немногих соотечественников моих, коим удалось пережить сражения под Полтавой и на берегу Днепра у острова, где когда-то жили вольные казаки, которые называли себя рыцарями здешних краев, хотя на рыцарей ни видом, ни повадками своими никак не походили.

Что же касается большинства моих соотечественников, угнанных в поход вместе с Карлом шведским, то почти все они полегли на поле брани или же попали в русский плен. Этот поход на многое открыл мне глаза...

Еще до баталии под Полтавой мы, саксонцы, поняли, в какую беду нас ввергли. Не думай, что мы оста-

лись в долгу и не оплатили королю за все то, что довелось нам претерпеть. Именно в ту пору, сговорившись, мы выкрали из барака короля шведского его любимого петуха, который будил его по утрам, в лесу, тайком, зажарили его и съели. Король очень скучал и горевал о петухе. Хочу думать, что это испортило ему настроение перед битвой и хоть частично стало причиной его поражения.

Пишу все это, не боясь, что письмо попадет в руки королю. Мы уже во владениях турецкого султана. И нас, полтора десятка спасшихся саксонцев, обещают вскоре отпустить домой. Сейчас я уже не боюсь, что письмо будет перехвачено. У шведского короля нет власти казнить нас или миловать, а наши гостеприимные хозяева турки, полагаю, вскоре разрешат нам возвратиться на родину... Как сладостна будет минута нашей встречи, как счастлив я буду вновь оказаться в лоне семьи своей!..

Любящий тебя твой супруг Фридрих».

Еще долго будут скакать от столицы к столице курьеры, разнося удивительные, пугающие обывателей послания. Но шло время, и всем пришлось убедиться, что сведения, поступавшие из далекой России, были даже неполны. На самом деле разгром «Северного Александра» в деталях был еще более ужасным и унижительным, а военная мощь Швеции навсегда сокрушена.

Но все это уже из области высокой политики, из дипломатических депеш и посланий венценосцев. А венценосцы и дипломаты, как известно, мыслят не так, как обычные люди, которым нет дела до претензий шведского короля на европейское владычество или же намерений саксонского курфюрста с помощью фарфора завоевать мир. И потому мы вам расскажем еще о

двух письмах, которыми обменялись Мария Друкаревичева и купец Михайло, который, как вы могли уже догадаться, купцом был постольку поскольку, а на самом деле верно служил царю Петру и оказал ему немало услуг.

Мария просила сообщить ей о судьбе Василия, о том, где он сейчас, не ранен ли, почему от него так давно нет известий.

«Во Львове,— писала панна Мария,— все спокойно. Город будто в сон погрузился. Не заложено ни одного нового здания. Не открылось ни одного постоянного двора. Все ждут, чем закончится схватка титанов на востоке».

Было в письме панны Марии еще несколько мало-значащих фраз. Чувствовалось, что ей тревожно, а потому она несколько многословнее, чем обычно.

Ответ Михайлы был осторожным и дипломатичным. Михайло сообщил, что отряд Василия действовал успешно, за что получил одобрение даже от самого князя Меншикова. Но в одной из схваток со шведами, буквально накануне самой Полтавской баталии, Василий исчез. Если он взят шведами в плен, то, можно надеяться, будет пощажен.

Вместе с тем купец переслал Марии письмо, которое Василий отдал с непременным условием: переслать панне Марии только в случае его, Василия, гибели. Содержание письма было столь неожиданным для панны Марии, что понадобилась нюхательная соль и холодные компрессы на лоб, чтобы привести ее в чувство. Василий просил панну Марию забыть о нем, так как он ее по-настоящему никогда не любил, не чувствовал себя с нею легко и свободно, а понял он это окончательно, встретив в отряде одну простую девушку, имени которой называть он не намерен.

«...Я чувствовал бы себя лжецом, если бы не сказал об этом прямо,— писал Василий.— Поскольку я

твёрдо решил не возвращаться во Львов, то мы с тобой никогда уже не встретимся. Где я буду? Так ли важно это? Сложу голову в бою, отправлюсь на Дон или в Сибирь... Русское государство велико. Места хватит для всех. Я не желаю впредь понимать себя в качестве подданного короля Августа. Вместе с тем как уходил, отдалялся от меня Львов, меркла и любовь к тебе. Понимаю, что принес тебе горе. Не осуди и прости. Не сказать всего этого честно и прямо было бы подлостью.

Да хранит тебя бог...»

Мы не станем описывать вам чувства панны Марии в день, когда она получила письма Михайлы и Василия. Важнее другое: через некоторое время панна Мария нашла в себе силы перешагнуть через обиду и уязвленное самолюбие и твёрдо решила выяснить, жив Василий или мертв. Если погиб, то где похоронен, если жив, то не в неволе ли?

РОЗЫ ПАНА ЛЯНСКОРОНСКОГО

Алые розы. Белые розы. Алые розы. Белые розы. Снова алые. И снова белые. Роз так много, что это пугает. Что касается писем, то они тоже на разноцветной бумаге — на голубой и розовой. Человек, который так тщательно подбирает бумагу для писем, видимо, верит, что их не только прочтут, но и сохранят.

Панна Мария только что возвратилась во Львов из дальней поездки. Она еще была в дорожной кофте и яркой свободной юбке, не стеснявшей шага. Шляпу с вуалью она бросила на стол в гостиной. Справца, неслышно двигавшийся следом за хозяйкой, тут же убрал ее.

— Розы от Лянскоронского?

Справца наклонил голову: от кого же еще? Не только розы, но и письма. Целый ворох писем. Панна Мария упала в кресло. Под глазами синие круги. Видимо, дорога далась ей нелегко.

— Я хотел доложить... — начал было справца.

— Не сейчас.

— Может быть, светлая панна прикажет подать обед?

— Нет, ничего не прикажу. Кроме единственного — на сегодня оставить меня в покое.

— Конечно, конечно,— прошелестел справца.— Если мне будет дозволено... Мои лета и седины позволяют сделать это, ничем не оскорбив панну. Вы удивительная женщина, панна Мария. Самая красивая, самая умная, самая тонкая, каких мне доводилось видеть за те шестьдесят четыре года, что я хожу по земле. Я говорю это не только от своего имени. Так думают все шесть ваших слуг. Я беру на себя смелость сказать, что мы вам не просто слуги, а настоящие друзья. Мы понимаем, как вам сейчас трудно, и сделаем все для вашего покоя...

— Спасибо,— прервала справцу панна Мария. — По-настоящему удивительную женщину я видела всего несколько дней назад. Это простая крестьянка. Она растила своего сына, который к ней уже никогда не вернется. Но она не верит в это. Каждый вечер она стоит у тына и глядит на дорогу. Вот уже сорок лет ждет она своего отца, четверть века — любимого. И так же будет до последнего своего часа ждать сына.

— Я догадываюсь, о ком идет речь.

— Да что же тут догадываться? Вы знаете, куда я ездила, — сказала панна Мария. — Спасибо за добрые слова... Нет, обеда не надо. Я отдохну.

Справца вздохнул, поднял очи к небу, шепотом сотворил молитву и вышел. Панна Мария осталась сидеть в креслах, уронив руки на колени. В зале было

сумрачно, несмотря на еще ранний час. Но в этом году осень во Львове не удалась. Не сняли золотом склоны Высокого замка. Деревья были голые, черные. Над городом кругами бродили унылые тучи. В воздухе висел мелкий назойливый дождик...

Анна отказалась принять от Марии деньги: «Не надо мне вашего золота. Только бы он вернулся. Я знаю: он придет!» Уж не подумала ли Анна, что ей предлагают плату за смерть сына? А если заглянуть в самую глубину сознания, туда, где кроются мысли неясные, нечеткие, которые и в слова не облечешь, так невольно подумаешь, нет ли правды в том, что Анна заподозрила? Что было бы с Василием, если бы не их знакомство и не совещания в фольварке? Может быть, он не отправился бы к Мазепе, а остался во Львове, вновь поступил бы на службу к Лянскоронскому... Ох этот Лянскоронский с его неизменными розами и письмами на разноцветной бумаге!

— Кто здесь? Опять вы? — Она сама испугалась, услышав свой голос: перед нею вновь стоял справца. — О чем вы говорите? Кто стоит у двери? Пан Лянскоронский? Я же сказала, что плохо чувствую себя!.. Или же нет — зовите!

Она даже не поднялась навстречу гостю, а только молча указала на пустое кресло.

Лянскоронский одевался нарочито старомодно. Парчовая перевязь через правое плечо (хотя шпаги он не носил), перчатки с раструбами, трость и розетка из лент на плече. Ленты были красного и белого цвета. По какой-то причине, одному ему известной, пан Венцеслав считал, будто это любимые цвета панны Марии. Потому и слал ей белые и алые розы.

— Рад видеть вас в добром здравии, светлая панна! — сказал Лянскоронский. — Город мрачен, грустен и пришиблен к земле дождями. Может быть, это начало если не всемирного, то всельвовского потопа?

— А как должен выглядеть всельвовский потоп?

— Так же, как всемирный, но поменьше. Подумываю о том, не построить ли ковчег?

— В него вы собираетесь поместить свои коллекции?

— Конечно. Но не только их. Если вы захотите, в ковчеге будут предусмотрены и апартаменты для вас.

— Оставьте! — сказала панна Мария. — Меня всегда удивляло, почему вы, неглупый и образованный человек, так охотно играете роль шута?

— Видимо, потому, что иная роль мне не по силам. Чем должен я был заняться в жизни? Политикой? Но мне это неинтересно. Писать стихи или романы? Но их и без того написано так много, что человечество вряд ли нуждается в новых. Пусть усвоит то, что уже есть. Ваять? Какой смысл? Праксителя и Фидия нам не превзойти. Соорудить еще один собор святого Петра? Победить Голиафа? Но собор уже сооружен, а Голиаф давным-давно повержен. В общем, я занимаюсь тем, что считаю полезным: собираю старые и мудрые книги, картины, скульптуру и записываю смешные истории, случающиеся время от времени даже в нашем скучном, утонувшем в дождях городе. Вы скажете, что я не творец, а человек, который потребляет то, что создано другими. Возможно. Правда, я мог бы возразить: сохранить то, что создано другими, не менее важно, чем творить самому. Я хотел бы, как римский император Нерон, петь. Однако и тут многое мешает: у меня нет ни слуха, ни голоса. И если даже император не мог заставить признать себя в качестве певца, то тем более не сумею этого сделать я. Аминь!

Лицо Лянскоронского было розовым и по-детски безмятежным. Белые холеные руки с длинными ногтями на мизинцах спокойно лежали на коленях. Лянскоронский являл собой идеал выдержанного и воспитанного человека.

— Вы молчите. Вам нечего сказать?

— Я устала.

Лицо Лянскоронского осталось таким же спокойным. Но только чуть заметно дрогнули губы.

— Кроме того, я разрешаю себе и другие невинные шалости,— как ни в чем не бывало продолжал Лянскоронский. — Есть у меня в доме десятиугольная комната, все стены которой, пол и потолок покрыты толстыми венецианскими зеркалами. Я люблю бродить по ней. Испытываешь чувство необычайное: будто ты превратился в толпу себе подобных. Вижу ваше нетерпение, панна Мария. Вы бледны, устали. Мне не следовало бы злоупотреблять вашим терпением. Но обещаю, что этот наш разговор, если он придется вам не по душе, будет последним. Я хорошо знаю причину вашей грусти. Понимаю, что не мне принадлежит ваше сердце.

— Причина не одна,— сказала панна Мария. — И если бы я попробовала рассказать о том, что делается в моей душе, то не хватило бы и целого дня. Да и не сумею я выразить всё словами.

— А вы попробуйте.

— Зачем это вам?

— Полагаю, что ваша исповедь принесет мне только огорчения. И все же я готов ее выслушать, потому что верю — сумею помочь. Я так искренне отношусь к вам, что не способен лукавить. А честный разговор — глоток свежего воздуха. Да и глоток покоя. А покой — это то, что всем нам очень нужно. Покой в беспокойное время дороже золота...

Панна Мария подняла голову и внимательно посмотрела на Лянскоронского. Может быть, она впервые осознала, что находится в зале не одна, что перед нею сидит человек из плоти и крови, с душой живой и беспокойной.

— Подождите меня,— сказала Мария.

Вскоре она возвратилась в зал и протянула Лянскоронскому последнее письмо Василия.

— Зачем он это написал? Почему просил переслать мне в случае своей гибели? Нужна ли кому-то такая правда, если она приносит только горе?

Лянскоронский внимательно прочитал письмо. И на этот раз рука его, державшая потертый на сгибах желтый лист бумаги, дрожала.

— Какую фразу, панна, вы только что произнесли? Повторите ее.

— Нужна ли правда, которая приносит горе? Вы ее имели в виду?

— Да, ее. Так вот, в письме нет ни слова правды. Василий любил вас. Но, полагаю, любовь эта его самого пугала. Вы слишком сильная и самостоятельная натура. И он не из слабых. Никто из вас не хотел уступить друг другу.

— Но что именно уступить? Нам нечего было делить.

— Себя... Свою волю... Свою самостоятельность... В общем, письмо написано лишь для того, чтобы вы поскорее забыли о его авторе, не тосковали. Он сумел перешагнуть через себя самого, как сейчас пытаюсь сделать я сам, говоря вам то, что на моем месте не следовало бы говорить.

— Но в их отряде действительно была девушка по имени Евдокия. Более того, мне точно известно, где, когда и как погиб Василий. Она высаживает на могиле алые маки.

— Ну что же,— сказал Лянскоронский. — Право девушки любить живого или мертвого. Ни вы, ни я запретить ей этого не можем. Забудьте о ней... А в ковчеге, в который я вас пригласил, нашлось бы место для портрета Василия.

Лянскоронский поднялся с кресел, подошел к панне Марии и склонился над нею.

— Я предлагаю вам защиту от всех страстей эпохи, от того, что терзает вашу душу и не дает возможности спокойно спать. Я не очень богат. Но и не так беден, чтобы не суметь от всего отгородиться. Я тоже сражаюсь — ежедневно, ежечасно — за право быть самим собой, жить негромкой, но своей жизнью. Я приглашаю вас в свой ковчег. На его борту будут царить открытые и честные отношения.

— Спасибо,— ответила панна Мария. — Решение мною принято. Я ухожу в монастырь, а свое небольшое состояние отдаю Ставропигийскому братству для расширения типографии, несмотря на то что братство, кажется, все больше подпадает под влияние униатов. Может быть, теперь там не будут печатать русских книг... Все идет прахом. А сама я похожа на выгоревший лес... В душе все черно и пусто.

— Боже мой! — прошептал Лянскоронский. — Да твердо ли вы верите в то, что такие поступки естественны и нормальны для женщины? Для чего вы творите подобное с собой? Если я вам не мил, может быть, найдется другой человек... Не спешите! Не играйте судьбой. Я невольно обманул вас, сказав, что Львов уныл, мрачен и обесцвечен дождями. Нет, это совсем не так. Он прекрасен, как прекрасен весь мир. Он удивителен и неповторим. Взгляните в окно. Там жизнь. Там не придуманные идеи, а настоящие. Уже вновь отстраиваются дома. Не сегодня-завтра ветер разгонит тучи. И выглянет солнышко. Униаты, католики, схизматики — всё это пустое, временное. Скажу вам больше: придет момент, когда во Львове снова будут печатать русские книги. Иначе не бывает. Никакие короли, никакие гетманы, не могут переиначить жизнь, переделать ее на свой лад.

— Но что же мне делать сейчас, сегодня? Я не могу существовать только надеждами на будущее или же воспоминаниями о минувшем.

— Что делать? Жить. Это не только ваше право, но и обязанность.

— Но сейчас мне слишком трудно ее исполнять.

— Взгляните в окно,— повторил Лянскоронский.

— Да что я там увижу? Темень, мрак, скуку?

— Повторяю: вы там увидите жизнь. Она, даже скучная и унылая, много лучше небытия.

— Я устала и не в состоянии продолжить беседу.

Лянскоронский поклонился. Этот поклон можно было понять и как молчаливое прощание. Но у двери он остановился, минуту подумал, глядя себе под ноги, и сказал:

— И все же я не прощаюсь. Я говорю: до свидания. Если бы вы знали, как я, живой, стоящий здесь перед вами, завидую ему, мертвому! Ведь без таких, как он, на земле ничего не было бы — ни смеха, ни горя, ни радости, ни печали, ни этого города... Ничего! Как бы я хотел, чтобы у меня был сын, характером похожий на Василия. Я бы любил его и всегда боялся за него. А еще больше — я бы гордился им. Если разрешите, я завтра все же наведаюсь, как всегда.

Панна Мария покачала головой: не надо.

— Как хотите,— сказал Лянскоронский. — Я буду ждать, когда вы меня сами призовете.

ЭПИЛОГ

Миновал год. Триста шестьдесят пять дней. И каждый день в мире совершалось что-либо важное.

Вскоре после победы над Карлом неверный союзник царя саксонский курфюрст и низверженный польский король Август Сильный точно очнулся ото сна. Он обнаружил темпераментное, переполненное восклицательными знаками воззвание, направленное против шведов, заключил союз с датским королем, собрал кое-какое войско, нацепил на камзол свой любимый орден Белого Слона и вторгся в Польшу. При содействии Петра, с которым у них состоялась встреча в Торуне, Август вновь уселся на польский престол.

— А где та сабля, которую я подарил тебе, брат мой? — спросил Петр.

Август смутился. Ведь именно ее он в свое время

отдал Карлу XII, когда тот отправился в свой поход в Россию. Откуда Августу было знать, что Карл бросил саблю на полтавском поле, где ее нашли и принесли Петру?

— Эта сабля мне столь дорога, что я храню ее во дворце, в Дрездене,— соврал Август.

— А-а! — сказал Петр.— Бережешь... В таком случае дарю тебе еще одну, точно такую же. Теперь, когда у тебя две одинаковые сабли, одну ты сможешь носить при себе, а вторую хранить во дворце.

Вечером, после беседы с царем, саксонский курфюрст (и вновь польский король!) утешался мыслями о том, что Беттигер одарил его не только фарфором, но и апельсинами, которые в конце концов все же вызрели в теплицах под Дрезденом. Может быть, в дальнейшем можно будет поставлять в любящую экзотику Францию саксонские цитрусовые? Впрочем, этим надеждам не суждено было сбыться.

Мы с вами еще вернемся к событиям во Львове и в Польше. Сейчас же несколько слов о том, что происходило на северной окраине Турецкой империи. Карл XII и Мазепа добрались до маленького пыльного городка под названием Бендеры. Король жил здесь на положении не то гостя, не то пленника. Правда, ему сразу же отвели квартиру для постоя. С Мазепой турецкий сераскир (начальник области) обошелся строже. Мазепе было поначалу предложено разбить свой шатер за пределами города. На жалобу бывшего гетмана сераскир с неожиданным для администратора юмором ответил, что ежели Мазепу не устроили многочисленные и великолепные хоромы, подаренные ему русским царем, то как же он, будучи всего лишь сераскиром, а не царем, может угодить привередливым вкусам бывшего гетмана? В конце концов, конечно, нашлось место постоя и для Мазепы.

А Днестр мерно катил свои желтые воды к Черному

морю: Карл подолгу сидел на берегу и грустил. Или же писал в Стокгольм письма — длинные и бессмысленные. Во всех неудачах обвинял почему-то генерала Левенгаупта, который, кстати, так и не вернулся на родину. Он умер в плену. Но ему еще пришлось вынести унижительное шествие пленных шведов по Москве. Их вели под охраной, выстроив строго по рангу, званиям и занимаемым должностям. Несли и захваченные в битвах шведские знамена.

Трудно сказать, чем именно не угодил королю опытный и толковый Левенгаупт. Почему было не обвинить во всем фельдмаршала Рейншильда или, что было бы справедливее всего, себя самого? Но король, надо думать, не допускал мысли, что кто-нибудь и когда-нибудь поставит его слова под сомнение, постарается проверить названные им факты, и потому фантазировал, как хотел. Это сразу же поняли даже в Стокгольме. Вот почему графиня Левенгаупт нашла нужным вступить за честь униженного мужа, писала письма в Совет обороны. К ее словам, в которых было много здравого смысла, естественно, не прислушались. Но все ждали возвращения на родину Карла. Как часто случается с людьми, потерпевшими катастрофу, все еще верили, что произойдет чудо. А вдруг королю, если он вновь станет во главе шведской армии, вновь улыбнется удача?

Карл тем временем успел поссориться и с султаном. Более того, он устроил одно из самых бессмысленных и отчаянных сражений в своей жизни. Карл долго требовал от Константинополя, чтобы его отправили через Польшу на родину со значительным военным эскортом. А военный эскорт — это пусть небольшое, но все же войско. По сути дела, такие действия были бы объявлением войны Августу, что в ту пору никак не входило в намерения султана. А вскоре между шведами и янычарами в Бендерах произошла небольшая, но кровопролитная битва, в которой Карл в очередной раз показал

себя редкостным забиякой, способным в минуту переколоть троих. Турки в ответ открыли по лагерю короля яростную пальбу из пушек. Дом Карла загорелся. Решительный Карл заметил бочонок с какой-то жидкостью, схватил его и швырнул в огонь. В бочонке хранился спирт. Вспыхнул такой костер, который, казалось, должен был поглотить и отчаянных шведов, и не менее отчаянных янычар. В конце концов пожар удалось все же погасить. Янычары, хоть и превосходили шведов числом, были биты. Карл лишней раз самому себе, да и окружающим доказал, что физической опасности не боится. Другое дело — столкновения с теми, кто сильнее духом. А янычары — это для Карла было просто...

В конце концов его выдворили из Турции. Правда, вежливо — со свитой и обозами. Но в Торговицах, на границе Трансильвании, швед отпустил турецкий конвой, а свою свиту собрал в первом попавшемся сарае, поскольку начинался дождь. Тут он сообщил, что дальше поедет в сопровождении молодого человека по имени Деринг. Через Венгрию, Моравию, Австрию, Баварию, Вюртенберг, Палатинат, Вестфалию и Мекленбург. Впрочем, скакать ему пришлось одному, так как молодой Деринг к концу первого дня пути, не выдержав бешеной скачки, грохнулся наземь. Карл привел его в чувство и спросил, сколько у того денег. «Тысяча экю золотом», — ответил полуживой Деринг. «Дай мне половину, так как у меня нет ничего», — сказал король. — Это будет справедливо. Вижу, ты не в состоянии следовать за мной. Оставайся и отдохни. Я поеду один». Тогда Деринг пошел на хитрость: отвел в сторону смотрителя станции, сунул ему в руку два дуката и объяснил, что его попутчик — сумасшедший. Желает ехать дальше один. А это невозможно, поскольку он не в состоянии отвечать за свои поступки. Ему надо дать самую скверную лошадь, а Деринг готов купить телегу, запряженную крепкими лошадьми. Карл уехал. Деринг, отоспавшись, помчал

следом в телеге. На рассвете следующего дня догнал короля. Как и следовало ожидать, лошадь король загнал и теперь шел пешком к следующей станции. Завидев телегу Деринга, король, ни слова не говоря, забрался в нее, лег на солому и уснул. В дальнейшем правили лошадьми поочередно. Нигде не останавливались. Через шестнадцать дней Карл уже был у ворот Штральзунда. Было около часу пополудни. Карл назвался посланником короля и потребовал, чтобы его немедленно допустили к губернатору города.

Губернатор, как и подобает чиновным лицам, намутившимся за день, мирно спал под мягким пуховиком и видел во сне свое собственное детство, слышал ласковый материнский голос. Когда его разбудили и лишили столь приятных воспоминаний, губернатор, а был он генералом Дукером, сначала чертыхнулся, затем велел звать посланца, чтобы выслушать его, а потом наказать. И был крайне удивлен, увидев перед собой не более не менее как короля в простой дорожной одежде.

— Как — это вы? — воскликнул генерал Дукер. — Не может быть.

— Все может быть, — ответил Карл и сел на край кровати. — Слушайте меня внимательно, Дукер...

И для Швеции все началось сначала: рекрутские наборы и войны, частые заседания Совета обороны и ожидания неожиданных и пугающих решений Карла. И хотя королю суждено было прожить еще несколько лет (он погиб в 1718 году при осаде норвежской крепости Фридрихсталъ: как утверждают, сам сунулся под обстрел), Карл так ничего не понял и ни из чего не сделал выводов. Или же продолжал играть однажды заученную роль.

Впрочем, даже в Бендерах недостатка в деньгах и в комфорте Карл не испытывал. Мазепа, спасший часть своей казны, дал ему в долг четверть миллиона талеров, а после смерти гетмана королю досталось еще

160 тысяч золотых. Мазепа умер в марте следующего, 1710 года. Как тогда писали — от старческой немощи. Отпевали его в маленькой сельской церкви. Затем шведский король и Орлик отвезли гроб в старинный монастырь святого Юрия, где и предали земле бранные останки некогда грозного гетмана. За могилой Мазепы никто не ухаживал. Ее почти сразу же забыли. Да и о нем самом время от времени вспоминали лишь историки да писатели.

Утверждают, что последними словами Мазепы были: «А где же оно?.. Почему все вышло не так?.. Это я и спрашиваю — где она... Не оно, а она...»

Но чем именно он интересовался? Уж не истиной ли, которую так тщился всю жизнь отыскать Даниил Крман? Тут кстати будет вспомнить и о самом Данииле Крмане. Вместе с Погорским они добрались до Бендер. Их внезапно вызвал к себе король. Едва оправившись от раны, он опирался на палку. Был бледен и, казалось, растерян. Чувствовалось, что стоять Карлу трудно. Его сероватое худое лицо было покрыто росинками пота.

— Мы решили удовлетворить вашу просьбу.

Поначалу Крман и Погорский даже не поняли, о чем идет речь. Оказалось, что о денежной помощи на восстановление коллегии в Пряшеве. Именно за этим они почти год назад прибыли в ставку короля в Могилеве. Почему Карл только теперь решил наконец расщедриться, оставалось загадкой. Возможно, золото, доставшееся королю от гетмана, просто никак нельзя было использовать. Между тем Карл изнывал в бездействии. Он привык быть в центре внимания всей Европы, как красивые дамы царят на балах. Может быть, почувствовав, что выходит из моды, он решил совершить что-нибудь неожиданное. Например, одарить пряшевских протестантов толикой золота.

— Надеюсь, этих денег хватит для того, чтобы построить коллегию вдвое больше прежней?

— Спасибо, ваше величество. Мы не можем найти слов, которые выразили бы всю глубину нашей благодарности! — поклонился королю Погорский. — Члены нашей общины во веки веков будут славить ваше великодушие.

Карл поморщился. То ли от боли — ведь рана еще не зажила, — то ли ему не понравились слова Погорского. И совсем обычным, «не королевским» тоном спросил:

— Что вы сегодня делали?

— Слушали проповедь походного капеллана Михаила Энемана.

— О чем же он говорил?

— Он назвал десять разных причин, которые привели к катастрофе под Полтавой и Переволочной.

— Не одну, а десять? — удивился Карл. — Не многовато ли? Значит, Энеман разбирается в военных делах лучше, чем я. Не назначить ли его главнокомандующим в одной из будущих кампаний? Желаю вам всего доброго и счастливого возвращения на родину. Деньги вам выдадут завтра же.

Не улыбнувшись и даже не кивнув им на прощанье, король повернул к дому. Погорский и Крман низко поклонились уже удаляющейся худой спине короля. В первые месяцы пребывания в Бендерах Карл был непривычно тих и грустен. Может быть, предчувствовал все то, что ждало его в будущем.

— Что ж, теперь и вправду домой? — спросил Погорский, когда Карл ушел.

— Да, — сказал Крман. — Наверное... Подожди! Мне плохо. Дай руку.

Небольшой белый домик с красной черепичной крышей и двумя тополями у входа, желтая, потрескавшаяся от жары земля, стоящий поодаль колодец — все вихрем завертелось в сознании Крмана.

— Стой! — успел крикнуть он. — Я не могу идти. Левая нога... Не могу ее согнуть.

Погорский понял, что начался очередной приступ — один из тех, в которые ввергали Крмана горевшие на холмах под Полтавой костры.

Крмана лечил, если это можно было назвать лечением, все тот же Михаил Энеман, который произнес речь о десяти причинах временного поражения шведов. Энеман, как и подобает каждому порядочному капеллану, обладал кое-какими познаниями в медицине. По просьбе Погорского он осмотрел больного, расспросил, когда и как начались головокружения и припадки. Затем уселся на табурет и принялся размышлять. Дряблые щеки свисали на грудь. Белесые брови топорщились. А серые глаза капеллана были спокойны и холодны. В них не угадывались ни чувства, ни мысли.

— Это болезнь не тела, а души! — изрек наконец капеллан. — Лекари здесь бессильны. Но я попробую помочь несчастному.

Действительно, как только Крман пришел в себя, Энеман начал осторожно расспрашивать, что именно его так потрясло в этой стране снегов, волков, медведей и извечных беспорядков.

— А вы видели хотя бы одного волка или медведя? — спросил Крман.

— Нет, если честно, то не видел, — бесстрастно, без улыбки произнес Энеман. — И меня их волки и их медведи не интересуют. Более того, мне совсем не довелось наблюдать беспорядков. Зато я твердо знаю, что нас разбила вполне упорядоченная и хорошо обученная армия. Но речь сейчас о другом. Что с вами? Почему вы плачете? Именно сейчас вы должны рассказать мне, какая беда стряслась с вами. И тогда я обещаю употребить все мои знания и способности, чтобы спасти вас.

Слезы текли по седым небритым щекам Крмана.

— Я расскажу. Я обязан рассказать. Я чувствую, что больше не в силах носить все это в себе.

Энеман внимательно слушал. Не задавал никаких

вопросов, не перебивал и не торопил Крмана. Может быть, именно поэтому Крман, останавливаясь и надолго замолкая, собираясь с силами, все же сумел изложить все то, что он пережил, начиная от внезапного визита Василия в Пряшев до того момента, когда он почувствовал, что костры на холмах возле Полтавы сводят его с ума.

— Говорите медленнее! — время от времени постным голосом говорил Энеман. — Вы переставляете местами слоги в словах. Это от усталости. Не хотите ли вздремнуть?

Нет, Крман не хотел прерывать исповедь. Он боялся, что во второй раз не решится на нее. Капеллан не возражал. Лишь соломенные брови время от времени то ползли вверх по лбу капеллана, то опускались почти к самому носу. Позднее Энеман распорядился, чтобы Крману дали куриного бульона с сухарями. Подождал, пока тот поест, затем подал знак, что разговор следует продолжать.

— Сейчас я еще думаю о странной пьесе о датском принце Гамлете. Собственно, самой пьесы я не читал и не видел на сцене. Мне о ней рассказывали. В общем, этот принц посвятил свою жизнь тому, чтобы навести в своей стране абсолютный порядок. Может быть, эта пьеса пророческая. Не похож ли царь Петр на Гамлета, который теперь решил навести порядок в своей империи?

— Помилуйте, о чем вы говорите? Империя Петра никак не похожа на Данию. В Дании нет казаков, калмыков, башкир, Сибири, бунтующих стрельцов. Она маленькая, уютная и очень удобная в управлении. Там в неделю можно навести порядок, если с толком взяться за дело.

— Да, конечно. Но все же в России много странного и нам непонятного. Мне довелось беседовать со священником по фамилии Яновский. Его позднее повесили в Будицах по приказу вашего короля...

— И королям случается ошибаться. Вешать священника, конечно, не следовало хотя бы потому, что все мы, христиане, несмотря на различия в толкованиях тех или иных догматов, призывали возлюбить ближнего, как себя самого...

— Но в том-то и дело, что священник Яновский призвал с амвона подниматься на борьбу со шведами. У кого есть ви́лы — брать в руки ви́лы, у кого топор — топор. Если нет ни топора, ни вил, ни ножа, тех он заклинал бить шведов дубинами.

— Что же во всем этом странного? — спросил невозмутимый Энеман.

— Как вы не понимаете? Ведь такие слова говорил не воитель, а человек, призванный пробуждать в душе своих прихожан чувства добрые и взывать к милосердию.

— Что же тут удивительного? Этот священник такой же русский, как и все они. Возможно, друзья его детства стояли в рядах царского войска под Полтавой. Кто знает, что сказал бы я сам на месте вашего Яновского. Может быть, то же самое, если бы хватило сил и смелости...

— Нет! — закричал Крман. — Я не могу ничего этого постигнуть. Я не понимаю, почему любой спор надо решать на поле брани. Я не желаю понимать, во имя чего убивают детей. Я сам видел, как драбант короля зарубил маленького мальчика...

— Довольно! — твердо сказал Энеман. — На эту тему мы можем говорить до бесконечности. Во многом вы правы. Россия не копия европейских государств. И ее населяют люди с крепкими характерами. А потому любые попытки ее завоевать и принудить к подчинению невозможны. Это одиннадцатая и самая главная причина нашего нынешнего поражения, о которой я, естественно, не рискнул упомянуть в своей проповеди. Вы должны забыть о России, об этом походе и даже о сво-

ем сыне. Не пытайтесь выяснять, жив он или погиб. Забудьте все!

— Но как же это можно? Помилуйте, ведь Россия существует на карте!

— Не глядите на карту. Убедите себя, что вам все приснилось.

— Я не сумею.

— У вас нет другого выхода. Вы — житель маленького тихого Пряшева. Отправляйтесь туда. Там вы очнетесь от дурного сна. И ваша душа исцелится.

— Вы предлагаете мне невыполнимое. Нельзя же заменить собственную голову другой. Все, что мучит меня, сидит вот здесь.— Крман постучал себя по лбу.— Когда пылают душа и мозг, советы мало чем помогут.

— Но все же прислушайтесь к моим словам. А советы мы подкрепим и другими способами врачевания.

Затем Энеман потребовал, чтобы ему отловили триста пауков. Ни более ни менее — именно триста штук!

Ничего не понимающий, перепуганный Погорский целый день занимался охотой на них. Затем понадобились еще и четыре ящерицы. Вернее, не сами ящерицы, а их хвосты. И это было добыто. Из пауков и хвостов ящериц, водки и какого-то белого порошка Энеман сделал настой.

— По двадцать капель трижды в день перед едой. Очень скоро вы почувствуете себя вполне здоровым.

Энеман, конечно же, был обычным капелланом, которого король к тому же не очень привечал. Тем не менее он совершил то, чего не сделала бы и сотня патентованных магов. Крман через неделю поднялся на ноги и был готов тронуться в путь.

— Уговорите своего друга и в дальнейшем продолжать назначенное мною лечение,— посоветовал Энеман Погорскому.— К нему обязательно придет исцеление.

— Не знаю, как и благодарить вас! Но мне неизвестен секрет настойки на пауках.

— Мне он тоже неизвестен, — ответствовал Энеман. — Пауки, хвосты ящерицы и обычный толченый мел — все это пришло мне на ум в одно мгновение. С тем же успехом вместо пауков можно было бросить в водку мух. Здесь важно другое. Ваш друг из тех, кому нужно обязательно во что-нибудь верить. Если его оставить один на один с собственными мыслями, он сойдет с ума. Сейчас он поверил в мою настойку — и слава богу! Не раз-уверяйте его в том, что она чудодейственна.

— И все же вы великий целитель души человеческой! — воскликнул Погорский. — Спасибо за Даниила!

— Не за что благодарить. Если бы я мог исцелить короля!..

Забегая вперед, скажем, что Крман с Погорским действительно благополучно возвратились через Мункач в Пряшев, где их встретили как героев. Ведь они вправду привезли деньги на восстановление коллегии. Крман года полтора попивал по двадцать капель «паучьей» настойки по утрам, пока не почувствовал, что душа его стала спокойной, он больше не вспоминает огней на холмах... Единственное, чего он еще не забыл, так это то, что у сына были такие же глаза, как у Анны. Но этот взгляд уже не бередил, не тревожил его, не заставлял просыпаться по ночам в липком холодном поту. Там где-то, вдали от Пряшева, шли войны, волновались народы, монархи обменивались глубокомысленными посланиями и подсылали друг к дружке шпионов, а Крман отдыхал от шумного мира, снова бродил по окраинам своего чистого, милого городка. У него появилась привычка гулять по ночам. Для этой цели он приобрел специальный масляный фонарь с удобной ручкой-кольцом. Однажды осенью во время обычной вечерней прогулки Крман попал под настоящий дождь каштанов. Подул ветерок, и дерево одновременно стряхнуло на дорогу десятка полтора каштанов. В узком луче фонаря было видно, как каштаны, ударившись о землю, осво-

бождаются от зеленовато-желтой кожуры, а затем, будто обрадовавшись обретенной свободе, разлетаются в разные стороны. Они были совсем как живые. И напоминали каких-то зверьков. Скорее всего, крошечных белок.

Крман поднял один каштан. Он был теплый и казался живым. Крман улыбнулся каштану, как старому знакомому. Дома он бросил в горящий камин все свои папки о царе Петре, Карле XII и Августе Сильном, туда же полетели и бумаги, оставленные когда-то Василием. Даниил понял, что у него хватит сил забыть все это. А забыть, как утверждал Энеман,— значит выжить. Пить настойку ему больше не понадобилось.

Через некоторое время он написал свои воспоминания о путешествии по Белоруссии и Украине, рукопись которой позднее хранилась в библиотеке Будапештского университета. Через двести лет ее нашли и даже опубликовали отрывки, которые, впрочем, не привлекли внимания историков. И совершенно справедливо. Уж слишком частными были наблюдения автора, а выводы — наивными. Прошел по жизни стороной, как тень случайного облачка на дальнем поле.

Теперь о других. «Ничейный солдат» по имени Василий, который после победы над шведами собирался бежать не то за Дон, не то за Урал, а то и вовсе в Африку, ни в одном из известных нам исторических документов не упоминается. Зато известно другое. Семен Палий, ярый враг Мазепы, католицизма, мечтавший об освобождении всей Украины, принял участие в Полтавской битве, хотя после сибирской ссылки без посторонней помощи не мог сесть на коня. И Мазепа знал, что Палий будет среди тех, кто вместе с царем Петром, фельдмаршалом Шереметевым, князем Меншиковым, гетманом Скоропадским и другими военачальниками поведет полки в бой против шведов. Но позднее Палий не подчинился Скоропадскому. Он организовал собст-

венные казачьи отряды, которые боролись против старшин, разорял поместья, раздавал бедным отобранное у богачей добро. Палий еще долго держал в страхе гетмана Скоропадского, появляясь в разных местах Украины, даже под самим Киевом. О Семене Палии, его отрядах, его бурной жизни можно рассказывать до бесконечности. Нам с вами важно другое. По преданию, к Палию присоединились и многие дезертиры из царских войск. Один из них любил рассказывать сказку о ветре. Только она уже была совсем иной. Не звери решили спрятать ветер, а богачи и начальники над людьми простыми. А почему им был опасен ветер? Да потому, что разносил по миру правду, шептал ее на ухо каждому. Как же богачи и начальники могли потерпеть такое, если вся сила и могущество на обмане да неправде держатся? Вот и решили они спрятать ветер. Подстерегли, когда он спал под кустом, свернувшись клубочком... А дальнейшее вам известно. Ветер все же освободился. Так вот, не был ли солдат, рассказывающий сказку, тем самым Василием — тезкой нашего героя? Утверждать что-либо точно в этом случае трудно. Зато доподлинно известно другое. Длинной и пустой оказалась жизнь Филиппа Орлика. Может быть, Мазепа был прав, сказав, что на небе, в том месте, где должна быть звезда Филиппа Орлика, зияет дыра? Орлик, как перекати-поле, метался из страны в страну, писал покаянные письма царю Петру, предлагал себя в гетманы, долго прятался в Польше, боясь, что Август выдаст его. А умер на положении пленника в Турции.

Рассказ об Орлике будет неполным, если не упомянуть еще об одной детали. Через двести лет после Полтавской битвы в одном из монастырей в Греции была найдена старая, пожухлая картина под названием «Апофеоз Мазепы». Она мало заинтересовала искусствоведов — работа была слабенькой, чувствовалось, что принадлежала она кисти робкого и несамостоятельного

живописца. Потому ее даже не стали реставрировать. Но мы-то с вами знаем, что никому не понадобится картина — единственное, что оставил после себя Фаддей. А попала она в Грецию, наверное, стараниями все того же Орлика, который возил с собой по свету символы бывшего величия Мазепы — бунчук, булаву, печать и, как теперь можно догадаться, неудачную картину.

В общем, история вершила суд свой над каждым. И никто не смог избежать его. Впрочем, ко многим судьба была милостивой. Пан Лянскоронский — любитель изящных искусств, немного ученый, немного библиофил, немного рыцарь, немного купец, немного мот и немного скупец — обрел наконец свое счастье.

— Видно, я родился под счастливой звездой, — сказал Лянскоронский, выходя после венчания из церкви. — А может быть, кто-то другой родился под несчастливой...

— Вы хотите сказать, что вам досталось чужое счастье? — спросила панна Мария, а лицо ее было спокойным и отчужденным — уж не очередную ли роль она придумала для себя? Кто знает...

— Я сказал то, что хотел сказать, — неожиданно твердо ответил Лянскоронский. — И я всегда так поступаю: говорю то, что хочу сказать, или молчу. Улыбнитесь. Сегодня вам подобает быть веселой.

Свадьба пана Венцеслава и панны Марии состоялась осенью 1710 года. Была она нешумной, непоказной. Сразу же после венчания молодые уехали в поместье Лянскоронского на северных склонах Карпат — голубых в хорошую погоду и мрачных, хмурых, туманных зимой и осенью.

А время шло.

Никто долго не понимал, почему вдруг все оставшиеся в живых из рода Кочубеева были обласканы двором и награждены землями, кроме Анны Обидовской (сестры Мотри Кочубеевой). Анна была сослана на вечное поселение без объявления причин. Лишь записки Крма-

на, найденные через двести лет после Полтавской битвы, объяснят нам, что ее связи с изменником Войнаровским стали известны князю Меншикову.

Вскоре Петербург, или, как его в ту пору именовали, Петербурх, стал столицей России. Шут польского короля Августа Иосиф Фрейлих умер в припадке смеха в Варшаве, хотя смеяться в тот вечер вроде было не над чем. После смерти Фрейлиха выяснилось, что он многие годы работал над научным трактатом о роли и значении шутов, об истории возникновения этой профессии, ведущей свое начало, как считал Фрейлих, от мимов Древнего Рима, которые еще две тысячи лет назад умели смешить честной народ так, как это уже никак не удастся делать шутам XVIII века.

Итак, мы вам рассказали о том, что произошло с главными героями книги. А теперь несколько слов еще об одном нашем герое — городе Львове. Что же о нем? После изгнания шведов Львов как бы очнулся ото сна. Лишь за один 1710 год здесь заложили семнадцать новых домов, две церкви и навели еще один арочный мост через реку Полтву — как раз напротив открытого купцом Михайлом нового российского постоянного двора, где теперь часто останавливались купцы из Киева, Москвы и новой гетманской столицы Глухова. Но оживился Львов ненадолго. Вскоре он опять задремал вдали от больших дорог и столиц. Его уже и штурмом никто не намеревался брать — незачем было. И позднее оборонную стену сняли, а башни разрушили. Пришел черед других городов...

В общем, жизнь шла своим чередом — вперед, вперед! Лишь у немногих была охота оглянуться назад и подумать над тем, что же ушло. И каждый день уже на следующее утро становился вчера, а через день — позавчера, а через год — историей.

СЕВЕРНАЯ ВОЙНА И «КАЗАЧИЙ РАЗЪЕЗД» НИКОЛАЯ САМВЕЛЯНА (Послесловие)

У этой книги примечательная судьба. После выхода в свет «Казачьего разъезда» о нем немало писали. Даже спорили. Но в конце концов сошлись на том, что книга безусловно расширяет, дополняет наши знания о годах давно минувших, а к тому же — что не менее важно — объясняет нам многие события в отечественной и европейской истории полнее и убедительнее, чем это было ранее.

И закономерен итог: книга внесена в списки рекомендованной литературы для учащихся средних школ.

И тут я бы хотел сказать вот о чем. Обычно авторы исторических произведений в своей работе пользуются теми сведениями, которые ранее были добыты для них учеными. Другими словами, в подавляющем большинстве случаев книга, даже очень удачная и смелая, несет новую художественную или даже концепционную информацию, но не фактологическую. А в случае с «Казачьим разъездом» мы сталкиваемся с приятной неожиданностью. Автору удалось отыскать и ввести в научный оборот многие малоизвестные архивные материа-

лы. В частности, записки протестантского священника Даниила Крмана — единственного стороннего наблюдателя действий Карла XII, случайно оказавшегося в ставке шведов и оставившего чрезвычайно любопытные записки, которые многие годы оставались для исследователей неизвестными. Об этом и о многом другом — ниже. А сейчас о событиях, которые легли в основу «Казачьего разъезда».

Как мы знаем, 1700—1721 годы были для нашей страны нелегкими. Вспыхнула так называемая Северная война.

Россия в ту пору представляла собой быстро развивающееся абсолютистское государство. Преобразования, проведенные Петром I, были во многом прогрессивными, изменили облик страны, ускорили развитие глубинных социальных процессов. С одной стороны, происходило укрепление феодально-крепостнической системы, а с другой — уже намечалось развитие буржуазных отношений.

Обладая огромной территорией и неисчислимыми богатствами, Россия вместе с тем к началу XVIII столетия оказалась отрезанной от всех важнейших международных торговых путей. Устья ее судоходных рек на западе захватили шведы, на юге — турки и крымские татары. Правобережье Днепра и Прикарпатская Русь оказались под властью Речи Посполитой. Как говорил Карл Маркс в «Секретной дипломатии XVIII века», ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдалении от моря, положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого. Дальнейшее развитие России как великой державы было просто немыслимо без отвоевания этих старинных русских земель, некогда захваченных в период феодальных раздоров и временного ослабления страны воинственными соседями. Возвратив их, Россия получила лишь то, что было абсолютно необходимо для нормального развития страны.

Но начало Северной войны было неудачно для России. Первое же сражение под Нарвой в 1700 году закончилось поражением многочисленной, но плохо обученной и слабо организованной армии Петра I. Поражение встряхнуло застоявшийся российский быт, заставило срочно провести ряд военных, а также экономических и гражданских реформ. Война, вызванные ею лишения легли тяжелым

бременем на плечи народа. Усиливалось закабаление крестьян. На строительство новых заводов (мануфактур), верфей силой сгоняли десятки тысяч подневольных людей. Все это обострило классовую борьбу, вылившуюся в народные восстания в Астрахани, на Дону, на Украине и в ряде других мест. Восстания были жестоко подавлены. Но их отголоски еще долго ощущались в общественной жизни страны.

Тем временем шведский король Карл XII, выиграв сражение у Нарвы, самонадеянно решил, что с русской армией надолго покончено, что Россия вряд ли сумеет в короткий срок восстановить свою военную мощь. Он стремился снискать себе славу «европейского» полководца и начал гоняться за армией союзника Петра I — польского короля и саксонского курфюрста Августа II. Хотя армия Августа была довольно легко разбита шведами, польский народ не покорился завоевателям. Польша практически не признала власти нового короля, ставленника Карла XII, — Станислава Лещинского. Началось вооруженное сопротивление интервентам. На помощь противникам Карла XII и Станислава Лещинского пришли русские полки. В стычках с мелкими гарнизонами шведских войск, или, как бы их теперь называли, в боях местного значения, русские военачальники изучали тактику противника, постигали искусство ведения боя, управления войсками и готовились к решающим сражениям со шведами. Бои эти шли с переменным успехом.

Но главные события, решившие в конце концов исход войны, развивались в ту пору в самой России. Поначалу не все даже опытные европейские дипломаты и военачальники увидели далеко идущие последствия петровских реформ. Усилив и перевооружив армию, укрепив южные границы, Петр I уже в 1702 году возобновил наступление в Прибалтике. К весне следующего года русские овладели частью Карелии и Ингрии, взяли ряд важнейших крепостей. Более того, как бы подчеркивая серьезность своих намерений вырваться к морю и открыть для России «окно в Европу», 16 мая 1703 года Петр I начал в устье Невы строительство Петербурга, которому суждено было стать новой столицей огромной страны. Неожиданно Карл XII увидел у себя в тылу мощную армию. Сухопутные пути между шведскими войсками в Финляндии и Прибалтике были пере-

резаны. Возникла угроза разгрома шведских войск по частям. Шведы послали корабли и крупный десант, чтобы «прогнать этих русских обратно в их леса». И тут неожиданно для себя встретили организованный отпор. Артиллерийский огонь с острова Котлин, на котором уже была заложена крепость Кронштадт, заставил шведские корабли вернуться в Стокгольм. В Ингрии, Карелии, Эстляндии и Лифляндии продолжалось наступление русских полков.

Лишь теперь Карл XII понял опасность создавшегося положения. Дав своей армии отдохнуть в захваченной им Саксонии, пополнив ее, шведский король решил идти на Москву, чтобы окончательно решить «русский вопрос». Во главе 54-тысячной армии он перешел Вислу и в 1708 году двинулся к границам России. Это было началом конца шведского величия. Регулярная русская армия перекрыла у Смоленска и Могилева дороги на Москву. В этой обстановке Карл XII принял решение повернуть на юг, где с помощью изменника Мазепы он надеялся усилить армию за счет сторонников гетмана и получить новую базу снабжения. Достоверно и другое: шведский король надеялся добиться союза с крымским ханом, получить подкрепление из Польши от Станислава Лещинского, а затем объединенными силами вместе с Мазепой через Харьков и Курск пробиться к Москве.

Однако Карлу XII не удалось решить ни одной из поставленных задач. Шестнадцатитысячный корпус генерала Левенгаупта, шедший на соединение с главной шведской армией из Риги на Украину, был наголову разбит у деревни Лесной русскими войсками под командованием Петра I. А вместе с Мазепой к Карлу пришло всего лишь 4—5 тысяч казаков, да и то большинство из них вскоре покинули гетмана и перешли в русский лагерь. Не сбылись надежды пополнить артиллерию и продовольственные запасы за счет богатой гетманской столицы Батурина. Стремительный бросок отряда Меншикова позволил опередить шведов. Батурин был взят штурмом и сожжен, а запасы оружия и продовольствия попали в руки русских.

Не менее неожиданным для захватчиков было и другое: против них началась настоящая народная война. Люди покинули села и хутора, с оружием в руках уходили в леса, нападали на шведов, захватывали и уничтожали их магазины (запасы оружия и продовольст-

вия). Вот как описал положение дел на Украине адъютант князя Меншикова: «А от черкаса худова нет, служат верно, и шведам продавать ничего не возят, а по лесам собрася компаниями ходят и шведов зело много быют и в лесах дороги зарубают».

Шведы ответили на это жесточайшими репрессиями. Сжигали села, вырезали людей от мала до велика. Это было страшной трагедией для украинского народа. Но сломать народное сопротивление шведам не удалось. Украина во второй раз после Переяславской Рады проголосовала за вечный союз с Россией.

Карл XII полностью потерял инициативу и практически вместе со всей своей армией попал в окружение. И тогда он решил осадить небольшую крепость Полтаву. Полтава закрывала ему путь к соединению с запорожскими казаками, помощь которых обещал ему Мазепа, и с крымскими татарами. Однако — как признавал шведский король — это уже был не путь к победе, а попытка спастись от поражения. Тем более что маленькая крепость с не очень сильным гарнизоном оказала захватчикам яростное сопротивление. Взять ее король так и не смог, хотя штурмовал неоднократно. Русская армия, шедшая параллельно с главными силами шведов, дала под Полтавой 27 июня 1709 года генеральное сражение, превратившееся в сокрушительный и унижительный разгром лучшей европейской армии.

Полтавская битва не только коренным образом изменила ход Северной войны — она окончательно определила ее исход. Только внешнеполитические интриги Англии, не заинтересованной в чрезмерном усилении России, помогли Швеции избежать капитуляции еще в 1709 году. Русская армия в дальнейшем изгнала шведские гарнизоны из Польши и Прибалтики, овладела Ригой. В 1714 году было нанесено тяжелое поражение шведскому флоту под Гангутом. Сам Карл XII не дожил до окончания войны. Возвратившись на родину после нескольких лет вынужденного пребывания в Турции, куда бежал после Полтавы, он в 1718 году был убит ядром у норвежской крепости Фридрихсталь. А мир между Россией и Швецией был заключен в 1721 году в Ништадте. Россия получила выход к Балтийскому морю и возвратила себе многие некогда отторгнутые исконные земли.

Роман «Казачий разъезд» посвящен первому этапу Северной войны и интересен тем, что воскрешает одну из героических страниц нашей истории. В книге практически нет вымышленных образов, если не считать нескольких второстепенных действующих лиц.

Использованные автором малоизвестные исторические материалы позволили полнее, объемнее показать многие события 1700—1709 годов. Это прежде всего относится к народной войне украинского, белорусского и русского народов против иноземных поработителей. Главы, посвященные народной войне, нам представляются наиболее значительными и важными. Насколько известно, в художественной литературе об этом писали мало. Четко проведена в романе и другая важная мысль: за Мазепой и кучкой изменников пошла лишь часть казацкой старшины. Что же касается простого народа, он решительно выступил против шведов и оказал действенную помощь русской армии, отражавшей агрессию.

Удачно введены в ткань книги главы под названием «Сумка почтового курьера». Это позволяет дополнить повествование подлинными документами, сделать его более достоверным, точнее передать колорит эпохи. Хороши и батальные сцены. В одних случаях они показаны глазами военачальников, в других — глазами рядовых участников событий. Бой у Лесной, Полтавское сражение описаны точно, подробно и исторически достоверно. Это же можно сказать и о таких малоизвестных страницах Северной войны, как взятие Львова Карлом XII, бегство через степь после капитуляции у Переволочной остатков шведской армии.

Думается, что безусловную симпатию у читателей должны вызвать главные герои книги — Василий Подольский, Мария Друкаревичева, «ничейный солдат», девушка Евдокия, Петька и другие. Зато Крман, Фаддей, Лянскоронский, стремившиеся остаться в стороне от схватки, каждый в той или иной мере расплачивается за свою трусость или за безволие. Крман теряет сына и в прямом и в переносном смысле слова. Фаддей бесславно гибнет. Лянскоронский, несмотря на витиеватые речи и попытки объяснить свою бездеятельность «высшими» соображениями о необходимости спасти культуру, признается все же, что завидует Василию, короткая жизнь которого была яркой и наполнена смыслом.

Петр I не присутствует на страницах романа, но мы понимаем, чувствуем его страстное желание вывести Россию в число ведущих держав, его энергию, смелость его поступков. При этом он все же остается самодержцем: действия его часто деспотичны, неоправданно жестоки.

Сложен образ Карла. Он не примитивен и не однозначен. Автор психологически убедительно нарисовал портрет полководца, постепенно постигающего горькую истину — неизбежность своего грядущего поражения, но пытающегося под привычной маской лицемерия скрыть собственную растерянность. Эти главы — одни из наиболее удачных в романе. Дополненные «Сумкой почтового курьера», они позволяют представить циничную мораль правителя, свято верующего в то, что гибель всей армии — мелочь в сравнении с самим фактом спасения его августейшей особы. Впоследствии, находясь, по сути дела, в плену у турецкого султана, он напишет в Стокгольм, что у него все идет хорошо, но «только вследствие одного особого случая армия имела несчастье понести потери, которые... в короткий срок будут поправлены».

Непрост в книге и в чем-то нехристиматичен гетман Мазепа. Он хорошо знал своих союзников и противников, умел использовать для собственной выгоды любую ситуацию. Отлично понимая человеческие слабости властителей, он ловко ими пользовался в корыстолюбивых и честолюбивых целях. В романе убедительно показано, почему Мазепа в конце концов просчитался и бесславно кончил дни на чужбине: изменника не поддержал и не мог поддержать народ, увидевший в поступке гетмана предательство интересов и русского и украинского народов.

«Казачий разъезд» — остросюжетное и многоплановое произведение. Тем не менее роман не дробен, все события мотивированы и взаимосвязаны. Это отсутствие искусственности и нарочитости представляется нам особым достоинством книги. События, описанные в романе, относятся к 1700—1710 годам. Но читателю становится совершенно ясным, что Россия уже выиграла Северную войну, что после Полтавы ничто не сможет остановить ее стремительное движение к прогрессу, что отныне она — утвердившая свое положение в мире великая держава.

В связи с «Казачьим разъездом» мне хотелось бы остановиться еще на одной проблеме. В исторической литературе издавна идет негласное соревнование сторонников откровенной или же слегка завуалированной стилизации и тех, кто пытается отыскать новые изобразительные возможности на пути модернизации. Потому одни произведения грешат бесчисленным «пошто» и «обаче», вторые написаны так, будто между языком и структурой мышления наших предков и наших современников вообще нет никакой разницы. Среди сторонников и того, и другого направления есть люди одаренные, с большими литературными возможностями. Вспомним, какой интерес вызвал переводной роман «Мартовские иды» Торнтона Уайдлера — книга яркая, внешне, по форме вроде бы стилизованная, а по сути — модернистская, так как модернизировано самое главное — мышление, мировоззрение и даже мировосприятие героев.

Этот лукавый прием не сразу и разглядишь. Да я и не хочу выступать в роли противника подобных экспериментов. Любое дерзание надо приветствовать. Но хотелось бы напомнить еще об одном великом уроке — о «Капитанской дочке» и о «Хаджи-Мурате». Эти исторические произведения, как ни странно, никто не именует историческими. Хотя бы потому, что в них нет ни модернизации, ни стилизации, никаких внешних атрибутов исторических повестей и романов. Есть органичная и горячая сопричастность к радостям и бедам, надеждам и разочарованиям героев. И написано все это с учетом того, что речь идет о временах минувших, но без упрощенчества, без высокомерия, которое иной раз позволяем мы себе по отношению к предкам лишь на том основании, что знаем то, чего они не знали — их судьбу и результаты трудов их.

Мне лично по душе именно такой путь, давно наметившийся в русской исторической прозе. А потому и по душе «Казачий разъезд».

В «Казачьем разъезде» есть загадочная притягательность. Через какое-то время его хочется перечитать еще раз, вдуматься в ту или иную, казалось бы, знакомую сцену, в знакомый эпизод, чтобы увидеть их иначе, по-новому. И чаще всего это новое восприятие, а вместе с ним и новое прочтение приходят. Что это за секрет такой? Откуда некая внешняя простота, за которой кроется объемность восприятия? И тут будет уместным привести слова академика

Д. С. Лихачева, который писал в одной из своих статей: «Николай Самвелян изобрел разные художественные приемы, которые несомненно войдут в арсенал литературных средств исторической беллетристики... В частности, речь действующих лиц не стилизована, а дана в прямом переводе со старых языков. Такой прием, безусловно, правилен. Он дает возможность воссоздать мышление исторических персонажей, не обедняя и не примитивизируя его».

Но пойти на такой неожиданный ход может лишь тот автор, который не просто изучил материал, а буквально живет в нем и потому может не рассказывать о героях, а показывать их — давать читателям возможность самим составить мнение о том или ином персонаже.

Исторические произведения Николая Самвеляна «Московии таинственный посол», «Альпийский эдельвейс», «Семь ошибок, включая ошибку автора», «Крымская повесть» и «Казачий разъезд» посвящены различным эпохам нашей страны. Да и по построению, по стилистике они различны. Но каждая из этих книг по-своему интересна. Более того, они в значительной степени как бы дополняют одна другую. Все они с симпатией и интересом встречены читателями. И это, на наш взгляд, интерес закономерный и симпатия заслуженная.

Я. Г. ЗИМИН, доктор исторических наук, профессор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	5
------------------	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Истина, где ты?	25
Их величество лицедеи!	39
Сумка почтового курьера	55
Еще немного об истине и Данииле Крмане	61
Сумка почтового курьера	67
Великий против Сильного	73
Смерть Кочубея	80
Сумка почтового курьера	87
Время действий	91
Сумка почтового курьера	107

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Когда король во гневе	109
Сумка почтового курьера	115
Апофеоз Мазепы	118
Сумка почтового курьера	132
Проклято дело наше	136
Прощание	143
Кто следующий?	149
Сумка почтового курьера	160

Фарфор вместо пушек	164
Ничьи солдаты	181
Рискнувший оглянуться	187
Веселый кирасир и огни на холмах	194
Сумка почтового курьера	204
Петька и ветер	206
Король атакует	218
Туман над Львовом	223

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Заря Полтавы	228
Сумка почтового курьера	245
Розы пана Лянскоронского	251
Эпилог	259
Северная война и «Казачий разъезд» Николая Самвеляна (Послесловие)	275

Самвелян Н. Г.

С17 Казачий разъезд.— 2-е изд., доп. и перераб.: Роман/Послесл. Я. Г. Зимина; Худож. Н. Т. Кривин.— М.: Сов. Россия, 1985.— 288 с., ил.

Действие романа относится ко времени Северной войны, в центре повествования — Полтавская битва 1709 года и события, ей предшествовавшие.

С $\frac{4803010102-260}{М-105(03)85}$ 236—85

Р2

Для детей старшего школьного возраста

Николай Григорьевич Самвелян

КАЗАЧИЙ РАЗЪЕЗД

Редактор **М. В. Долотцева**
Художественный редактор **И. И. Рыбченко**
Технический редактор **Г. О. Нефедова**
Корректор **А. З. Лазуткина**

ИБ № 3876

Сдано в наб. 10.12.84. Подп. в печать 11.05.85. А12465. Формат 70×108/32. Бумага типогр. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 12,60. Усл. кр.-отт. 12,92. Уч.-изд. л. 12,96. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4. Цена 45 к. Изд. инд. ЛД-576.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская Россия» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 144003, г. Электросталь Московской области, ул. им. Тевосяна, 25.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Бестужев-Марлинский А. А. Ревельский турнир.

Александр Александрович Бестужев-Марлинский — поэт, прозаик, публицист начала XIX века, участник декабристского движения, член тайного Северного общества.

Повести Марлинского открыли для русских читателей романтический Кавказ с его дикой, прекрасной природой и храбрыми, воинственными горскими племенами, показали жизненную силу и активность, вольнолюбие, героизм деятельного героя.

В настоящий сборник вошли повести «Роман и Ольга», «Изменник», рассказы «Ревельский турнир», «Лейтенант Белозор» и др.

45 к.

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ